

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ОСТАФЬЕВСКИЙ

АРХИВ. ТОМ 5. ЧАСТЬ 1

Петр Андреевич Вяземский Остафьевский архив. Том 5. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24535591

Аннотация

«Предпринятое в 1899 году издание «Остафьевский Архив Князей Вяземских» ныне предполагается продолжать путем небольших – снабженных указателем и примечаниями – выпусков, которые будут выходить по возможности ежегодно. При этом имеется в виду в каждом выпуске издавать более или менее крупную часть какого-нибудь однородного материала и, сверх того, отдельные письма и документы разного времени...»

Содержание

От редактора	8
1811.	16
1.	16
1819.	17
2.	17
3.	19
4.	22
5.	23
1824	25
6.	25
7.	26
8.	28
9.	30
10.	33
11.	36
12.	39
13.	42
14.	45
15.	48
16.	51
17.	54
18.	59
19.	61

20.	63
21.	67
22.	69
23.	75
24.	77
25.	79
26.	80
27.	81
28.	83
29.	85
1825.	86
30.	86
31.	87
32.	88
33.	90
34.	92
35.	93
30.	94
37.	97
38.	100
39.	101
40.	105
41.	108
41.	112
42.	118
43.	122

44.	124
45.	130
46.	145
47.	148
48.	150
49.	155
50.	157
51.	160
52.	162
53.	163
54.	164
55.	167
56.	170
57.	173
58.	174
59.	176
60.	178
61.	181
62.	184
63.	187
64.	190
65.	191
66.	193
Примечания	199

Петр Вяземский Остафьевский архив. Том 5. Часть 1

Предпринятое в 1899 году издание «Остафьевский Архив Князей Вяземских» ныне предполагается продолжать путем небольших – снабженных указателем и примечаниями – выпусков, которые будут выходить по возможности ежегодно. При этом имеется в виду в каждом выпуске издавать более или менее крупную часть какого-нибудь однородного материала и, сверх того, отдельные письма и документы разного времени.

Настоящая книжка составляет, таким образом, первый выпуск пятого тома названного издания и включает в себе: 1) письмо князя Петра Андреевича Вяземского к своей невесте княжне Вере Федоровне Гагариной 1811 года и письма его к жене 1812, 1824 и 1825 гг.¹; 2) два письма князя П. А. Вяземского к Д. Н. Блудову и 3) три письма к князю П. А. Вяземскому – К. Н. Батюшкова, М. Н. Загоскина и священника М. Г. Пиняева. Кроме того, в настоящей книжке помещены два портрета – князя П. А. Вяземского и княжны В. Ф. Гагариной.

¹ Обширная переписка кн. П. А. Вяземского с женою будет продолжаться печатанием и в последующих выпусках.

Наблюдение за изданием принял на себя П. Н. Шеффер,
как равно и составление примечаний к первому выпуску.

Граф Сергей Шереметев.

Графиня Екатерина Шереметева,

урожденная княжна Вяземская.

20 сентября 1908 г.

Михайловское.

От редактора

Пользоваться для печати Остафьевским архивом начал еще князь Петр Андреевич Вяземский в 30-х годах прошлого столетия, и с тех пор в различных изданиях появилось уже не мало ценных материалов, извлеченных из этого архива². Но Остафьевский архив не есть собрание случайно приобретенных коллекций, не имеющих между собою непосредственной связи, и интерес он представляет не потому только, что в нем хранятся *отдельные* любопытнейшие (и далеко еще не исчерпанные) материалы: заключая в себе главным образом переписку нескольких поколений семьи Вяземских, он представляет собой нечто *целое*, причем в значительнейшей и характернейшей части состав этого целого определился той ролью, какая принадлежала князю П. А. Вяземскому в современной ему литературной жизни, и теми дружескими связями, в каких находился он с самыми крупными представителями русской литературы конца XVIII – первой половины XIX века. Научно использован такой архив, конечно, может быть лишь путем систематического издания, в котором одни материалы должны быть перепечатаны целиком, другие – в извлечениях, третьи – подробно описаны. Подоб-

² Библиографический обзор материалов, извлеченных из Остафьевского архива и напечатанных в разных изданиях, будет помещен в одгмл из следующих выпусков «Остафьевского Архива».

ное издание и было задумано еще князем Павлом Петровичем Вяземским³. Но прочное основание систематическому обнародованию Остафьевских материалов было положено в 1890 году, когда вышли в свет первые четыре тома предпринятого графом С. Д. Шереметевым издания: «Остафьевский Архив князей Вяземских», заключающие в себе напечатанную под редакцию В. И. Саитова обширную переписку кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. Переписку эту В. И. Саитов обставляет примечаниями, для которых им использован огромный материал и которые нередко разрастаются в самостоятельные биографии и целые разыскания по отдельным вопросам. Практика показала однако, что даже для В. И. Саитова, с его знаниями и его опытом, нужно было *девять* лет, чтобы издать *такие* примечания ко II-му и III-му томам «Переписки кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым»⁴. В виду этого пред издателями «Остафьевского Архива» неизбежно должен был возникнуть вопрос, следует ли примириться с тем, что обнародование Остафьевских материалов затягивается на очень продолжительное время, или же нужно несколько упростить комментарий к материалам, приблизив «Остафьевский Архив» к типу периодических изданий. Издатели считали более правильным принять последнее ре-

³ См. предисловие гр. С. Д. Шереметева и гр. Е. П. Шереметевой в I томе «Остафьевского Архива князей Вяземских» (СПб. 1895).

⁴ Первый том этого издания вышел в свет с примечаниями в 1899 году; примечания ко III-му тому появились отдельной книгой в 1901 году, к IIII-му в 1908 году; примечания к IV-му тому В. И. Саитов надеется выпустить года через три.

шение; редактор мог только всецело присоединиться к нему. Не с легким сердцем, конечно, новый редактор, приступая к продолжению издания, ставит себе задачи, более узкие, чем те, какими задавался редактор первых томов, но в данном случае поступить так было необходимо. Примечания В. И. Саитова выше того уровня, на котором находятся у нас историческая библиография, генеалогия, вообще детальная разработка новейшей русской истории, и составление комментария, даже лишь приближающегося к тому, какой дает В. И. Саитов, потребовало бы от нового редактора, только что приступившего к изучению Остафьевского архива, такой подготовительной работы, которая надолго отодвинула бы появление в свет дальнейших выпусков издания. Между тем, ознакомившись несколько с Остафьевским архивом, редактор не мог не вынести убеждения, что опубликовывать Остафьевские материалы было бы крайне желательно без особых замедлений в виду того значения, которое они имеют для изучения ноной русской литературы. Поэтому как в настоящем, так и в последующих выпусках на первое место будут выдвинуты собственно материалы, извлеченные из Остафьевского архива. Что же касается примечаний, то в тех случаях, когда в распоряжении редактора будут, данные, которые позволят давать пояснения к издаваемым текстам, эти данные будут использованы, но от примечаний, которые потребуют специальных поисков, могущих замедлить выход в свет издания, редактор будет воздерживаться, не отказыва-

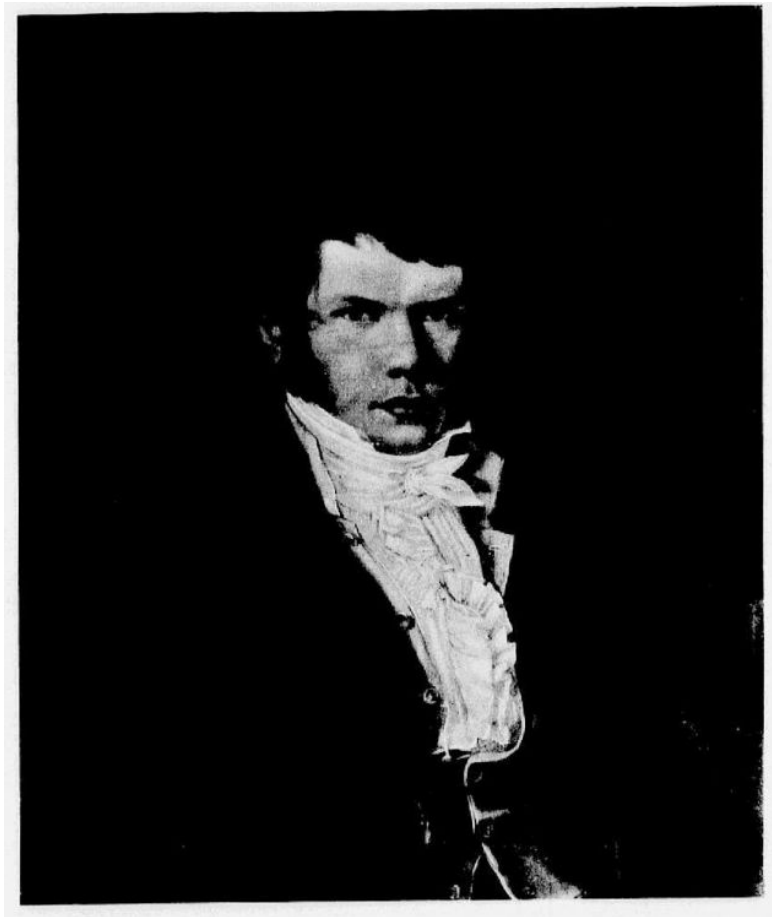
сь, впрочем, от мысли пополнять примечания в дальнейших выпусках. В тех – очень многих – случаях, когда примечания В. И. Саитова к трем предшествующим томам «Остафьевского Архива» служат комментарием и к вновь издаваемым материалам, редактор будет ограничиваться простой ссылкой на эти примечания.

Следуя таким приемам, редактор вызовет упреки в скудости материала, которым он располагает для примечаний, но зато таким путем может быть ускорено появление в свет хранящихся в Остафьевском архиве материалов.

При составлении примечаний редактор пользовался советами и указаниями И. А. Бычкова, А. А. Богоявленского, В. В. Майкова, В. И. Саитова, Л. А. Саккети, А. А. Флоридова и А. А. Чебышева, которым и приносит искреннюю благодарность.

Примечания, обозначенные буквами В. С. и А. Ф., принадлежат И. И. Саитову и А. А. Флоридову.

Портрет князя Петра Андреевича Вяземского воспроизведен фототипией, в уменьшенном виде, с писанного масляными красками портрета, который принадлежит в настоящее время внуку князя Петра Андреевича князю Петру Павловичу Вяземскому.

Портрет княжны Веры Федоровны Гагариной, впоследствии княгини Вяземской, воспроизведен фототипиею, в на-

туральную величину, с медальона, который имеет следующую историю.

До сватовства князя Петра Андреевича Вяземского, за княжну В. Ф. Гагарину посватался близкий знакомый её вотчима П. А. Кологривова, его ровесник Маслов. По настоянию вотчима, княжна – неохотно и со слезами, но дала согласие выйти замуж за Маслова, который был гораздо старше её. Тот же Кологривов, поссорившись с ним, расстроил этот брак и, как рассказывала сама Вера Федоровна, доставил ей этим большое огорчение, так как у неё установились уже с женихом хорошие отношения.

Смертельно раненый в Бородинской битве, Маслов вручил одному из братьев княгини Веры Федоровны, для передачи ей, письма её и упомянутый портрет, которые он носил на груди. Впоследствии княгиня Вера Федоровна подарила этот портрет, изображающий ее в ранней молодости, своей внучке княжне Екатерине Павловне Вяземской, ныне графине Шереметевой, у которой он и хранится. *(Со слов графини Е. П. Шереметевой).*

ПИСЬМО КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

к своей невесте (княжне В. Ф. Гагариной),
1811 года,

и

ПИСЬМА ЕГО К ЖЕНЕ,
1812, 1824 И 1825 гг.

1811.

1.

**Князь П. А. Вяземский своей
невесте княжне В. Ф. Гагариной.**

[Август 1811 г. Мосина].

No m'attends pas pour le dîner, ma délicieuse amie, car il est déjà deux heures, et je viens seulement de me réveiller. Les enfants des K. sont ièi et m'annonceent la prompte arrivée de leur père et mère. Je m'arme de courage, je pense toi et je suis sûr, que tout ira bien. Ton nom m'inspirera dans les combats. Adieu, mon uti gulubusitska (*sic*). A cinq heures au plus tard je suis à tes pieds. A propos! Comment vous portez-vous, princesse?

Далее приписано.

Dans le moment je viens de recevoir tou billet et bénis cent fois l'heureux moment, où je t'ai consacré mon coeur et mon existence, car tu es un ange de bonté. Ils viennent d'arriver, mon entrevue n'a pas encore eu lieu. Au revoir.

1819.

2.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

16 [-17] августа [1812 г. Москва].

Тоска смертельная. Хожу по комнатам, выхожу на улицу, возвращаюсь опять домой, не знаю, что делать, что начать без тебя, малая моя Вера. Одна минута радостная я была, когда я встретил Рихтера, который едет за вами, а теперь уж, может быть, и с вами: по крайней мере, для телесного здоровья будет тебе в дороге гений-хранитель!

Мы собрались было с Жуковским обедать в Певческом трактире, во встретили на улице Иванова, который повез нас обедать к себе. Ожидаю с нетерпением Четвертивского; надобно на что-нибудь решиться. Ничего нет мучительнее, как быть в бездействии. Того и смотри, что Жуковский отправится, и я совершенно пропаду. А ты, моя милая, также скучаешь, также тоскуешь?

17-го в 8 часов утра.

Я сей час проснулся и вместо того, чтобы поцеловать тебя, как делал, хочу, по крайней мере, беседовать с тобою, Жуковский отправляется сегодня с полком. Николай Михайло-

вич переезжает к графу Ростопчину, а я, бедный, один не знаю, к чему пристать и что делать. Нет! без тебя жить не хорошо. Дай Кот нам скорее увидеться! Обнимаю тебя тысячу и тысячу раз. Прости, милый ангел мой. Поцалуй за меня Катерину Андреевну и детей и благодари ее всегда за себя и за меня, за все, что она будет для тебя делать. Прости! Душа и жизнь моя с тобою!

Нора письмо отослать на почту.

3.

Князь П. А. Вяземский своей жень.

[20-23 августа 1812 г. Москва].

Здравствуй, милый мой друг! Я надеюсь, что это письмо найдет тебя уже в Ярославле в добром здравии и немного спокойнее. Как я обрадовался твоими двумя письмами и вместе с тем сколько плакал, читая их. Единственный мой друг, давай молиться Богу, чтобы Он скорее нас соединил: мы друг без друга счастливы не можем быть. Я чувствую твое отсутствие на каждой минуте. Что ни делаю, что ни думаю, везде, во всем чувствую, что тебя нет со мною. Сейчас получил я письмо от Милорадовича, который зовет меня к себе, и я этим письмом столько доволен, сколько могу быть в грустном моем положении. По крайней мере, тоска не будет меня есть, как до сих пор. Я буду в действии и, следовательно, рассеян. Принимаю мысленно твое благословение. Оно будет меня хранить в опасностях. Молись обо мне Богу, и мы свидимся в радости и в здравии. Прежде двух или трех дней не надеюсь выехать, а ты однако ж продолжай писать в Москву и адресуй письма к Николаю Михайловичу. Он переехал к графу Ростопчину. Жуковского уже нет давно со мною: он пошел в поход, и, вероятно, будем вместе, ибо все войска и армии и[з] Москвы все идут к Вязьме. Можно надеяться, что гроза скоро рассеется. Кутузов в армии, и все

пойдет хорошо.

21 августа.

Я сейчас получил твое письмо с двумя образами и повесил их на шею, как ты мне велела. Я их не сниму, милый мой друг, ты можешь быть в том уверена. Повторяю тебе мою просьбу писать ко мне чаще, а ты не забывай, что я из Москвы уезжаю и что, следовательно, ты, может быть, писем от меня на каждой почте и не будешь получать.

Молчание мое тебя не должно беспокоить, ибо если я занемогу, то армия так близка, что тот час перешлют меня в Москву, как и многих уже переслали. Притом же дурные известия всегда скоро доходят. Итак, заклиная тебя, милая моя Вера, как можно более покоряться рассудку и не предаваться всем страхам, которые будет рождать в тебе воображение и нежная твоя ко мне любовь. Молись Богу обо мне, я об тебе, и все пойдет хорошо. Посылаю тебе письмо от Прасковьи Юрьевны и советую тебе отвечать ей но первой почте, что ты получила её письмо уже в Ярославле, и что если я тебя туда, а не к ним отправил, так это от того, что в этом городе можно найти более помощи в родах, чем в другом. Обнимаю тебя нежно и в поцалуне моем передаю тебе душу мою. Катерине Андреевне и детям мой поклон.

23 августа.

Я получил твое письмо из Ярославля, милая, добрая моя Вера, и радуюсь, что ты ни в чем не нуждаешься. Дай Бог, чтоб до свидания нашего ты была бы здорова, счастливо ро-

дила и порадовала меня к приезду моему таким же милым ребенком, как и ты мила. Я его очень буду любить. В ночь хочу отправиться. Прости, мой неоцененный, божественный друг. Пиши ко мне чаще, а от меня, как я уже тебе и сказывал, жди, когда Бог велит. Я написал в Тверскую и Костромскую деревню, чтобы писали в тебе из деревень, а ответы препоручай писать Егору и в случаях важных советуйся с Катериной Андреевной; да еще я тебе пришлю доверенность от моего имени для заключения условий по фабрикам, займы (*sic*) денег и проч. Обнимаю тебя от всей души, милая моя, обожаемая Вера.

4.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[24 августа 1812 г. Москва].

Я сейчас еду, моя милая. Ты, Бог и честь будут спутниками моими. Обязанности военного человека не заглушат во мне обязанностей муя; а твоего и отца ребенка нашего. Я никогда не отстану, но и не буду кидаться. Ты небом избрана для счастья моего, и захочу ли я сделать тебя на век несчастливою? Я буду уметь соглашать долг сына отечества с долгом моим и в рассуждении тебя. Мы увидимся, я в этом уверен. Молись обо мне Богу. Он твои молитвы услышит, я во всем на Него полагаюсь. Прости, дражайшая моя Вера. Прости, милый мой друг. Все вокруг меня напоминает тебя. Я пишу к тебе из спальни, в которой столько раз прижимал я тебя в свои объятия, а теперь покидаю ее один. Нет! мы после никогда уже не расстанемся. Мы созданы друг для друга, мы должны вместе жить, вместе умереть. Прости, мой друг. Мне так же тяжело расставаться с тобою теперь, как будто бы ты была со мною. Здесь в доме, кажется, я все еще с тобою: ты здесь жила; но – нет, ты и там, и везде со мною неразлучна. Ты в душе моей, ты в жизни моей. Я без тебя не мог бы жить. Прости! Да будет с нами Бог!

5.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[30 августа 1812 г., Москва].

Я в Москве, милая моя Вера. Был в страшном деле и, слава Богу, жив и не ранен, но однакоже не совершенно здоров, а потому и приехал немного поотдохнуть. Благодарю тебя тысячу раз за письма, которые одни служат мне утешением в горести моей и занятием осиротелого сердца. Кроме тебя ничто меня не занимает, и самые воинские рассеяния не дотрогиваются до души моей. Она мертва: ты, присутствие твое, вот – её жизнь; все другое чуждо ей. Князь Федор весьма легко ранен в руку и едет также в Москву с князем Багратионом, который получил довольно важную рану в ногу. Он велел тебя нежно обнять. Дело было у нас славное, и французы крепко побиты, – но однакож армия наша ретировалась. Прошу покорно понять. Делать нечего; есть судьба, она всем управляет, нам остается только плясать по её дудке. Прости, любезнейший друг моего сердца. Будь здорова и уповай на Бога. Катерину Андреевну и детей обними за меня, а себя за меня же поцалуй крепко в зеркале. Агриппине мой душевный поклон. Я ее всегда любил, а за ласки, которые она тебе оказывает, люблю вдвое. Скажи ей это от меня. Бедный Петр Валуев убит. Пропать знакомцев изранено и убито. Ты меня сохранила. Прости, ангел мой хранитель.

Москва. 30 августа.

1824

6.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 2-й. 28 мая. Середа [1824 г. Москва].

Я писал к тебе вчера большое письмо с почтою, которое Рушковский обещал доставить киевскому почт-директору. На всякий случай пишу тебе и сегодня с Пет. Льв. Давыдовым. Дети здоровы, кроме Петруши, который все в одном положении. Сегодня еду к ним до субботы. Покупка деревни нашей утверждена Государем. Здесь еще не получено о том известие в Коммиссии, но не может замедлиться. Вчера виделся я с Софиею в опере, в дебюте Каталани, которая в роле Аменаиды вообще очень понравилась. Погода все скверная; дожди немного унялись, но все воздух холодный и небо пасмурное. Черт бы их побрал! Мне тошно, грустно и скучно. Ты и смерть Бейрона не выходят у меня из головы и из сердца. Прости. Обнимаю и благословляю вас трех от глубины сердца. Не забывай писать Карамз. и матери своей. А лучше всего пересылай ко мне письма, а то, пожалуй, и ли раза не напишешь. Цалую тебя.

7.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[№ 3]. Москва. Воскресение 1-го [июня 1824 г.]. Два часа утра.

Сегодня ездил я из Остафьева с Машенькою, Пашенькою и M-lle Goré обедать к Четвертинским и от них отправился в Москву, а дети еще остались там на один час. Дети здоровы, кроме Петруши и Павлуши, которые немного кашляют. На днях девицы Окуловы были в деревне, утром заходили к нам; мы пошли с Павлушею их провожать; он остался у них обедать и возвратился к нам в красной гусарской курточке, служившей, вероятно, Модесту, и морил нас всех со смеху своею важностью и каким-то молодечеством. Сегодня, приехав в Москву, сделал я, что мне должно было сделать.

J'ai fait ce que je devais faire!

Понимается, что провел вечер у Нарышкиной, куда был приглашен. Но к несчастью вчера был у них бал, а сегодня просто дружеский вечер, который мне совсем не удружил. Не было даже ни Юсупова, ни Левушки Давыдова! Сейчас ложусь спать в коляску и еду к Дмитрию Давыдову, у коего проведу воскресенье и понедельник; во вторник хочется возвратиться, а в четверг обедать в Остафьева. Я получил

письмо твое из Тулы. Худо, что едешь тихо, но хорошо, что едешь без беды. Дай Бог и вперед! У меня сердце не на месте будет, пока не напишешь мне из Одессы, а еще лучше, – пока не возвратишься к нам здоровая с здоровыми детьми. Обнимаю, цалую и благословляю вас, моих милых! А тебя особенно нежно и нежно цалую.

8.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 4-й. 6-го [июня 1824 г.].

Пятница 5 часов утра!

Стало быть, что это Нарышкиной [Москва].

Я в среду возвратился от Давыдовых и хотел ехать в Остафьево в четверг, но в коляске что-то испортилось, и я принужден был послать за бричкою в деревню и отправлюсь только сегодня, но прежде лягу на несколько часов спать. От детей имею хорошие, или довольно хорошие вести, потому что говорят мне о легком кашле Пашеньки и Павлуши. Да и не удивительно с этою погодою! до сей поры все дожди и холодные ветры. Кажется, сегодня день будет хороший. Спасибо за письмо из Орла. Где же твой ограбленный немец? Я его не вижу. Опять встретилось препятствие в выдаче денег из Опекунского Совета твоим братьям, и потому я без денег. Но зато получил известие из Петербурга, что по моему делу все готово и, вероятно, на днях прийдет сюда решение. Тогда тот час пришлю тебе деньги. Вчера, ехав от Давыдовых, виделся я на минуточку в Всесвятском с Лодомирскими. Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю тебя и детей от всего сердца. Кланяйся Пушкину и заставь его тотчас писать на смерть Байрона, а то и денег не пришлю. Да что же не отвечает он мне о напечатании своих поим? да Кюхельбе-

кера не забудь! – Деньги Кривцовой оставил и себе на орехи.
Цалую тебя нежно.

9.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 5-й. Осафьино. 8-го июня [1824 г.].

У нас, слава Богу, все довольно хорошо. Кашель проходит у Пашеньки и Павлуши. Вчера отняли от груди Петрушу, тем более, что кормилица или капризничала, или в самом деле была не очень здорова. Первую ночь перенес он хорошо. А у нас все еще погоды нет, хотя воздух и потеплее. Досадно и скучно, тем более, что заниматься меня не забирает, и мне хотелось бы целый день слоняться по солнцу. Я получил письмо из Коммиссии; в нем уведомляют меня, что решение доставлено, и на днях будут совершать купчую. Дни через два поеду в город. Мне как-то тошно и за его дело приниматься от мысли, что все еще останется долг на нас. Конечно, мы выдем из бездны, но все еще не будем на чистом месте. Тебя, по крайней мере, найдет ли это письмо на месте. Одно меня утешает, что если поездка и не будет иметь действительного влияния на здоровье детей, которые с тобою, то все хорошо, что им можно было спастись от вашей осени, ибо точно лета нет, да, кажется, и не будет его нынешним летом. Сделай одолжение, когда увидишься с ним, напости ему об нас. Говорят, что Кутайсова решительно помолвлена за Голицына и что он у них в деревне. Разумеется, я к ним не поеду. Все беды собралися на меня по отъезде твоём: смерть

Бейрона, свадьба Кутайсовой, дождь и ветер, расчеты по кухне etc, etc. Не знаю, как я все это вынесу, но знаю, что это все несносно. А, ты, счастливица, гуляешь, и тебе горя нет!

Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас, мою троицу, это всей души. Машенька хорошо учится и хорошо себя ведет. Пашенька иногда бурлит по своему, но вообще все идет порядочно. Дети тебя целуют, а девица Горе, или девица-горе, тебе кланяется, то-есть горе – лицом, а, впрочем, повидимому, очень хороших свойств. Мы ожидаем к обеду Четвертинскую с детьми, а князь поехал в город. Кланяйся Пушкину. Не забудь написать в матушке и Карамзиным.

Приписка княгини Надежды Федоровны Четвертинской.

Je suis établie dans le cabinet de votre mari et prends sa plume pour vous donner de nos nouvelles et vous dire, combien j'attends impatiemment des vôtres. Votre mari m'a dit, que vous voyagez lentement, mais au moins Dieu veuille, que cela soit bien heureusement pour vous et vos chers enfants, que j'embrasse de tout mon coeur. Je vous suppose arrivée à Odessa; de grâce écrivez nous bien vite. Mademoiselle Goré m'a dit, qu'elle était bien contente de vos enfants et particulièrement de Marie quant à sa docilité et son application à ses études. C'est réellement très joli de sa part. Paul vient d'entrer dans le cabinet, où je vous écris, avec un uniforme de hussard; il est tout à fait comique et m'a bien fait rire. Ils se portent tous assez bien.

Adieu, chère et bonne amie. Je vous embrasse et vous aime de

tout mon coeur, mon mari vous baise les mains, tous mes enfants aussi.

Nadinlta est ièi avec moi, charmée de voir ses cousines.

Adieu encore une fois, écrivez moi et pensez à une soeur, qui vous aime pour la vie de toute son âme

votre toute dévouée soeur et amie

Négeon Czetvertinska.

На обороте 2-ю листа: еë Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской. В Одессе. – В доме г-жи Давыдовой.

10.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 6-й. Остафьево. 11-го [июня 1624 г.].

После письма из Орла от 28-го я не имею вестей от тебя. Принуждаю себя приписывать недостаток в письмах твоих неисправности почт, а все иногда беспокоюсь. Кажется, теперь уже должна ты быть в Одессе. У нас все идет порядочно. Сегодня первый светлый и теплый день, хотя и с сильным ветром, который того и смотри, что опять нагонит дождь. Дети на всякий случай нагулялись утром. Я получил сегодня письмо из Варшавы от Нессельроде: ничего нет примечательного. Завтра или после завтра поеду в город наведаться о заключении купчей. Мне что-то так неохотно приниматься за это дело! Брошу я все да убегу куда-нибудь. Вчера просыпаюсь я, гляжу на часы – половина первого, то-есть после полдня. Зато уже воспользовался твоим отсутствием и обедал в половине шестого – с позволения однакоже детей и M-lle Goré. Петруша хорошо выносит развод свой с кормилицею. Дети тебя целуют. Все у них идет порядочно. Обнимаю и благословляю вас всех от всей души.

[11 юни 1824 г. Москва].

Я сейчас отдал 6.000 рублей в Коммерческий банк, которые отправятся к тебе в понедельник, то-есть 14-го числа, и, стало, может бить, будут у тебя еще до получения пись-

ма этого. Мое дело все еще не с концом, по я взял несколько тысяч рублей вперед для необходимейших уплат. Я рад, что с тобою рассчитываюсь, а ты мне была мой самый тяжелый заимодавец. Отдай же Пушкину, что ему следует, то-есть 1880 рублей; кажется, – так. В письмах моих к нему должен быть расчет мой с ним. Если как-нибудь перед отъездом его понадобились бы ему деньги сверх того, то дай ему несколько сотен рублей, под залог его будущего бессмертия, то-есть новой поэмы. Только смотри, чтобы он эти деньги не употребил на шалости, на игру; на девки – можно! Вот тебе лорнетка. Такая ли? Пристлей уверяет, что взятая Васильчиковым одинакова. Вот тебе M-me d'Angeville, M-eurs Auguste et Waldowski! Похлопочи о ней, чтобы ей дали сыграть несколько раз. Она прелестная актриса: певица на французский лад, но поет с приятностию и говорит куплеты с большим умом. Я за нею не волочился; следовательно, можешь приласкать ее, не будучи в дурах. У Лодомирской вчера не крестили: ребенок цветет. Наши, слава Богу, здоровы. Сегодня еду к ним. Четвергинские также едут сегодня! Не могу писать далее, голова идет кругом, плачу Матьясу, Дмитрию Давыдову, Завтра собирается ко мне кое-кто, разве погода остановит. Сегодня опять потоп грянул с неба. Поздравляю тебя с завтрашним новорожденным. Обнимаю и благословляю вас, милых моих, от души. Дай Бог тебе дать мне хороших вестей, а мне – тебе. Целую тебя тысячу раз. Из деревни по почте буду писать более, а теперь не зыщи

за краткость.

Москва. 11-го июня.

Я вчера писал тебе по почте.

11.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 7. Москва 16-го [июня 1824 г.].

Я приехал в Москву по вызову Лушникова. Сегодня начинают писать купчую и, кажется, на неделе все кончится. То-то будет для меня тяжкое время, как прорвется плотина и перельется через меня около полумиллиона рублей, или перебегут через меня 1200 людей! Страшно и больно подумать, кроме скуки и хлопот считать, пересчитывать, записывать, расписываться! А ты, счастливица, ты купаешься теперь в море, а мы здесь только что мокнем на дожде! Погода все еще не устанавливается: час солнышка в неделю, а тал все дождь, да дождь! Наша дорога невообразимая, и уже зато досталось *ты*, когда я ехал сюда из Остафьева, Наконец получил я письмо твое из Киева от 1-го июня. Как я рад, что вы дотащились туда благополучно! Я все надеюсь, что там пошло уже лучше. Удивляюсь, как ты писем моих не получила, я несколько их надписал в Киев в дом Раевского, или Орлова. Вели справиться, но, вероятно, ты уже их теперь получила. Дети здоровы, и все идет порядочно. Мамзель Горе очень довольна Машенькою; Пашенька все еще бурлит иногда и лениво учится. Кажется, Мамзель Горе не довольно строго принялась с начала, а теперь ей уже и трудно справиться с нею, тем более, что она и в самых шалостях своих и

упрямствах, часто смешна и обезоруживает, рассмеша. Однакоже, она ее несколько раз наказывала, и перед отъездом моим было лучше. Как я высек Павлушу на днях голою рукою по голой и...! так что, и рука и и... равно разгорелись! Он кусал или исцарапал Машеньку и замахнулся на мамзель Горе, которая брала его за ухо. Зато наставление мое будет ему памятно, и с тех пор он присмирел. Погода никак не позволяет мне сделать из него себе верного товарища, а там в бабьей беседе он очень балуется, потому что все его балуют. В Москве ничего нет замечательного, кроме свадеб. Обнимаю и благословляю вас всех от души. С нетерпением ожидаю вестей твоих из Одессы, как купаетесь и как дети выносят эти купания. Нежно тебя цалую. Кланяюсь Пушкину и ожидаю его надгробной песни Бейрону.

На обороте, 2-го листа.

её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземский. В Одессе, в доме Г-жи Давыдовой.

Faites moi l'amitié, mon cher Boulgakoff, d'expédier cette lettre et ajoutez y quelques lignes pour ma femme.

Donnez lui des nouvelles de Moscou, mais de grâce soyez discret ü mou égard et n'éveillez pas sa jalousie eu lui parlant do.... Quelle absence d'esprit! J'allais la nommer! Motus!

Там же рукою А. Я. Ермакова:

Soit! J'euvoye la lettre,— Pour écrire je n'écrirai pas à votre femme, les temps sont changés. Il est question de bien... (*вы-*

рвано) [autre chose, et le comte Miehel W. sait., (*закрyто печатью*) de quoi! L'Europe vexta, saura, lira!.. (*закрyто печатью*) me plaindra, me justifiera, m'absoudra. Quant au soyez discret, que peut on dire d'uu mari exemplaire, comme vous et moi par exemple. Булгаков у ног, да не у ваших! Tout l'essaim a déserté, et de tous..... vos adorateurs il ne..... vous en est resté de fidèles que les princes M. D. A. O. P. les comtes B..T.. R.. L, E. et puis messieurs R. S. A. L. B. (pas moi). M. W. O. T. D. S. N. T.... P. Z... St. E... D. L... K. D.. B. (pas moi). K... L.... N.. I... K... B. (mais pas moi). S. K. T. L. O. C. E. G. D. L... A. et F. et encore chancellent etc.

12.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Остафьево. № 8. 21-го [-22-го] июня [1824 г.].

Как я рад письму твоему из Одессы! Теперь с новым нетерпением ожидаю известия о начатии лечения. Надеюсь, что вы найдете хорошего доктора, хотя лучший и уехал. Здесь у нас все идет изрядно, кроме плохого здоровья Mlle Goré. Кажется, ей очень хочется и очень нужно возвратиться во Францию. Но возвращении своем из города нашел я ее очень упавшую духом, хотя и по словам её, и по распросам моим у Елены, и по разговорам Mlle Goré с Четвертинскою, не приписываю того каким-нибудь неприятностям, а просто расстройству нервов. Советую ей съездить в Москву, повидаться с Скюдери, но беда в том, что она и в нем мало доверенности имеет, а болезнь её более мнительная, нежели существенная. Вероятно, и пакостное лето наше много вредит ей. Дело продажи делается; пишут бумаги, купчую и проч. и проч. Надеюсь, что дней через 8 все будет кончено. Тогда только увижу, что нам остается делать: ехать ли к тебе, или нет, или третье, или четвертое, а теперь ничего сказать не могу! Я получил очень милые письма от Карамзиных. Вот, что она пишет о тебе: «*Quand vous écrirez à votre femme, parlez lui de nous et engagez lu dans des moments de désœuvrement à nous donner des détails sur son existence et*

même sur le pays qu'elle habite». Ниши им просто в Царское Село, Я посылаю им твое письмо, хотя ты и пишешь в нем «Louis n'est plus à Varsovie», т. е. à Odessa, «au moins c'est ainsi, que je l'entends», но, кто этот *Louis*, я и сам не знаю, Также и того не понимаю, что ты пишешь мне из Одессы о Болконском; а из Киева писала, – что он поехал на Кавказ. Да остепенись же хоть раз! Если у тебя к[нязь] Сергей, то у меня в Москве князь Никита; да он что-то болен духом и телом. Я вчера приехал верхом из Москвы, но удачнее, нежели прошлым летом. Погода была сносная, и я сегодня совсем не устал. Я слышал, что и князь Петр Мих[айлович] Волконский принужден был ехать верхом в Суханово. Денис Давидов, говоря с ним о дорогах, сказал ему: теперь вы видите Россию к наготе её, а го все видели ее нарумяненную и в нарядах. Я получил из Парнаса от Волкова, коменданта, бюджет расходов, необходимо потребных нам в Париже. По его расчёту страшно: около 60.000 рублей! Но Денре обещался мае выписать другой счёт и найти человека, который взялся бы за определенную сумму *содержать* нас и дом наш, не считая разумеется *того*, что я мог бы взять на *содержание!* А ты в Одессе рассчитывай до копейки, что можно там прожить. Пушкин, я чаю, сердится, что не присылаю ему денег. Пускай он мне пришлет скорее стихи на смерть Бейрона; я и сам хочу прозою написать о том же. Вместе напечатаем! *Писала ли ты к Прасковье Юрьевна???? Писала ли ты??* Павлуша, когда бывает в гусарской курточке, приседает, думая,

что это приличнее. Сегодня он ездил на дрожках с мамзель Горе и плакал, приехавши домой, говоря, что хочет ехать с нею во Францию. Наши девицы все спрашивают у меня, когда ты будешь им отвечать на их письма, и никак не понимают, что я еще не имею ответа твоего на эти письма. Ты довольно глупа, чтобы не понять, о каких *девицах* говорю. О мамзель Каролине, Елене? Не так ли?

Вот, что Машенька написала сегодня в альбом Пашеньке: «Oh, que je suis transportée d'écrire dans l'album de ma soeur tendre (это à la d'Arlmeourt), que je connais depuis l'enfance!» А Пашенька говорит, что она этот альбом не отдаст за 250 тысяч рублей, потому что Машенька ее назвала за *tendre soeur*.

22-го. Здравствуй еще раз и прощай. M-lle Gogй все нездорова, и я советую ей ехать в Москву повидаться с Скюдери. Кажется, дня на два она поедет. Какие у нас все неудачи с наставницами! Я не предвижу, чтобы она могла остаться, ибо воображение в ней слишком поражено боязнию климата и желанием возвратиться во Францию. Все это меня очень расстроивает. Вот и лучше было бы мне ехать в Одессу, а тебе здесь оставаться. Напиши M-lle Gogé; твое письмо будет ей, верно, приятно. Обнимаю и благословляю вас, моих милых, от души. Вот уж 15 дней, что ты в Одессе. Уж может быть перемена к лучшему в здравии твоих больных. Нетерпеливо ожидаю вестей ваших. Цалую тебя нежно.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Москва. № 9, 26-го [июня 1821 г.].

M-lle Goré в Москве и нас оставила. Дети пока у Четвертинских, т.-е. трое, а Петруша в Остафьеве; слава Богу, – здоровы. Скюдери решил M-lle Goré ехать тотчас во Францию; и в самом деле в том положении, в котором она теперь, то вредила бы себе, а детям не было бы никакой пользы, оставаясь у нас. Она сегодня переезжает к M-me Joly.

Я взял Гейнемана, который будет ездить к нам в понедельник, а возвращаться в Москву в субботу, за 125 рублей в месяц. По крайней мере дети будут заниматься хоть немного. Вот тебе раз! Ожидали ли мы этих хлопот? То ли дело было, если бы ты всех детей взяла с собою; я через месяц приехал бы к тебе, и мы благополучно могли бы провести зиму в Одессе. Теперь не знаю, что еще придумать вперед? на что решимся? Мое дело все еще тянется, то-есть писание бумаг и глупые наши формы, и прежде будущей недели конца не предвижу. Там еще пойдет платеж, расчеты etc. etc. etc. Ожидаю с нетерпением вестей от тебя, чтобы знать, помогают ли воды нашим милым больным, довольна ли ты доктором, домом, житьем-бытьем и проч.?? Нынешний раз я, кажется, даром прожду твоих писем, потому что, как Булгаков мне сказывал, перемешали почтовые чемоданы: петербургский пришел сю-

да, а московский в Петербург. После завтра поеду за детьми к Четвертинским. Петров день провожу в Остафьеве. Если пришлось бы мне по делам приехать в Москву на неделю или более, то детей возьму с собою. Бедным Четвертинским будет горе! Бы, верно, уже знаете, что дочь Марии Антоновны умерла. Вчера обедал я в Всесвятском у Лодомирских. Она все еще с брюхом. Древновский опять умирает в Москве.

Прости, моя милая. Я немного опоздал и не могу долее писать. Обнимаю и благословляю вас, мою троицу, от души. Дай Бог увидеться нам в радости и не иметь новых хлопот. Я получил твое письмо с крестами, кольцами и все роздал, как следует. Ты говоришь, что Орлова тебе дала *un créditif*. Выть не может, и ты на нее лжешь. Разве дала тебе она *une eréditive*; вот это – другое! Ты видишь, как мне ни грустно и ни жутко, а все не забываю исправить тебя. Цалую нежно. Пушкину кланяюсь.

На обороте 1-го листа и на 2-м листе рукою А. С. Пушкина написано карандашом⁵.

Французы ничуть не ниже Англичан в Истории – Если первенство чегонибудь да стоит то вспомните, что Вольтер первый пошел по новой дороге – и внес светильник философии в темные Архивы Истории. Робертсон сказал что если

⁵ Приписка эта печатается с соблюдением орфография и пунктуации подлинника.

бы Вольтер потрудились указать на Источники своих сказаний то бы он, Робертсон, никогда не написал своей Истории

2-е Лемонте есть Гений 19-го столетия – прочти его Обзорение Царствования Людовика XIV и ты поставишь его выше Юма и Робертсона. Рабо де С-т Этьен – дрянь.

5 июля 1824.

Одесса.

Век романтизма не настал еще для Франции – Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля – Он ученик Трагика Вольтера, а не природы

tous les recueils de poésies nouvelles dites Romantiques sont la honte de la littérature française

Ламартин хорош в Наполеоне, в Умирающем поэте – вообще хорош какой то новой Гармонией

Никто более меня не любит прелестного André Chenie – Но он из Классиков Классик – от него так и песет древней Греческой поэзией.

Вспомни мое слово: первый Гений в Отечестве Расина и Буало – ударится в такую бешеную свободу, в такой литературный Карбонаризм – что что твои немцы – А покамест поэзии во Франции менее чем у нас

На обороте второго листа.

её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской, в Одессе. – В доме Г-жи Давыдовой.

14.

Князь П. А. Вяземский сваеѣ жене.

Остафьево. 29-го июня [1824 г.]. № 10.

Здравствуй, моя милая! Поздравляю тебя с тремя именинниками! Мы все здоровы! Вчера привез я детей от Четвертинского. Ты уже знаешь, что M-lle Gogé нас оставила. Гейнемана ожидаю завтра. Я уже давно без твоего письма; но успокоиваюс тем, что слышал от Булгакова о перемешаниии чемоданов так, что петербургские письма присланы в Москву, а московские посланы в Петербург. Мне так хочется узнать, что решили вы для лечения детей, как выносите вы купания, есть ли уже приметная польза? Я надеюсь, что на этой неделе получу деньги, и всячески постараюсь выслать тебе в четверг, т.-е. 2-го июля, денег, а если к четвергу деньги мне еще выданы не будут, то по следующей почте в понедельник. Я привез вчера Четвертинским печальное известие о смерти Софии Нарышкиной; оно их очень огорчило, а в особенности же княгиню; она советует мужу съездить в Петербург к сестре; не знаю еще, на что решатся. Я в Москве обедал у канцлера; он велел тебе кланяться; глух по старому; едет в Нижний на ярмонку. Je désirerai, qu'il me prit pour un vaisseau et qu'il m'équipe – нужно ли тут *t* на конце? Я видел Бобринскую и Гагарину, которые очень о тебе спрашивали. Мы были в Петровском у Алек[сея] Мих[айлови-

ча] Пушкина, который расшибся и дал прекрасный гоути для помолвленных Горчаковой и Бобринского. Письмо будет доставлено тебе par M-r Catalani, *которого*⁶ я нарочно просил заехать в Остафьево, чтобы дать тебе личные вести об нас; но, проклятый, приехал в шесть часов утра; меня разбудил, это – ничего! но беда в том, что дети спят, и не знаю, проснутся ли к отъезду его, потому что он очень спешит. Сегодняшний день проведем очень смиренно, хотя круглые качели и навешены на той стороне; но, право, мне что-то не до веселий. Хотели быть ко мне Четвертинские, – но, может быть, за горем своим не приедут, – а из Москвы Тимирязев и, может быть, Дмитрий Давыдов. Ты, пожалуй, гордиться будешь тем, что друзья мои только при тебе мне друзья. Я думаю, у нас в соседстве, в Суханове, будет пир горой; по мне и туда совсем не заманчиво. Никита Волконский хотел от них приехать сегодня вечером или завтра так же, как и le général d'Eugène d'Olenin, который на несколько дней в объятиях супруги; но у них нет никакой мадамы, ни мамзели при дочери, и потому я соседством пользоваться не намерен. Между тем, запасись однакоже великодушием, потому что на днях получишь от меня письмо из рук актрисы M-me d'Angeville-Vanderberg: она едет в Одессу играть комедию, т.-е. оперу и водевиль. В Москве она очень понравилась, в ней много иг-

⁶ Окончание этого слова подправлено, и к нему сделана следующая выноска: Я подправил конец, чтобы ты не подумала *которую* и от ревности по стала бы дочитывать письма. Ты видишь ли, как и всегда берегу твою ревность?

ры. Мы никак не могли выхлопотать ей позволение дать еще несколько представлений.

Прости, моя милая! Обнимаю и благословляю вас всех от души. Дай Бог увидеться нам в радости, а когда и где, – Он и знает! А я еще ничего не знаю! Кланяйся Пушкину! Что же не пишет он ко мне? Составь же таблицу того, что должно проживать ежегодно в Одессе.

Цалую тебя нежно и перенежно.

Приписка княжны Марии Петровны Вяземской.

Ma chère et bonne maman.

Mademoiselle Goré est partie pour la France. Cela nous a fait beaucoup de peine. Je vous félicite avec le jour de nom de papa et de mes deux frères. Adieu, ma chère maman, je vous baise les mains. J'embrasse Nicolas et Nadinka.

Marie.

Приписка княжны Прасковьи Петровны Вяземской.

Ma chère maman.

Je vous embrasse et remercie Nicolas pour les bagues. Je vous baise les mains. Adieu, ma chère maman.

Pauline.

Продолжение письма князя П. А. Вяземского.

По счастью мне удалось усыпить своего циклона, а дети между тем проснулись здоровы и веселы. Павлуша переведен в другой гусарский полк, Четвертинские дали ему другой мундир с эполетами. Умора смотреть на него. Собираемся к обедне. Далую тебя еще несколько раз.

15.

Князь П. А Вяземский своей жене.

Остафьево. 1-го июля [1824 г.]. № 11-й.

Сейчас получил я, моя милая, два письма от тебя, от 13-го и от 20-го. Хорошо, что у вас изрядно идет, хотя и не совсем хорошо; также и у нас, то-есть в нравственном отношении, а в физическом, слава Богу, все в порядке. Мы все здоровы! Но отсутствие M-lle Goré и неимение, кем заменить ее, очень меня расстроивает. Впрочем, Геинеман со вчерашнего дня у нас, и уроки, как мне кажется, пойдут довольно порядочно. С ним одно утро понедельника будет потеряно, ибо в субботу поедет он после второго завтрака, т. е. во втором часу, а возвратится в понедельник после обеда. Но я предвижу большой недостаток в присмотре за детьми; признаюсь с этой стороны я и M-lle Goré не был совершению доволен; дети, а особливо же Машенька, мало ее уважали; а теперь и Hélène и M-lle Caroline они и в грош не ставят. Этому помочь нельзя: уважать нельзя заставить, если сам не умеешь себя заставить уважать. M-lle Caroline слишком добра, то-есть тиха, с детьми. Дай Бог только им здоровье, а впрочем все остальное может исправиться. Мое дело с Спасом опять на несколько дней отсрочено и все за глупыми формами нашего судопроизводства. Меня это пуще тревожит оттого, что я тебя оставляю без денег. Л что до меня касается, то, право,

все равно! Я еще рад, что дело тянется, — ты знаешь, как я не люблю приступать к решительным мерам. Все-таки лучше, как можно говорить: сегодня да завтра! Не понимаю, как ты не получаешь моих писем. Вот 11-е письмо, что пишу к тебе, а ты не с большим месяц, как поехала. Из числа 11-ти только два с отъезжающими: с Петр[ом] Львов[ичем] Давыдовым и с Каталано, а другие 9-ть через Рушковского или Булгакова, который отсылает их с экстра- почтою. Кажется, письма мои не довольно занимательны, чтобы ходить по рукам прежде, нежели дойти до твоих рук. Je me tiens à quatre pour être d'une bêtise à toute épreuve, et il me paraît, que j'y réussis. Сегодня ездил я к Четвертинским: они чрезвычайно огорчены смертью Софии Нарышкиной, и все эти дни князь был болен, так что и не были у меня в Петров день. Был один Тимирязев, который тебе кланяется, а к вечеру подъехал Оленин, которого мы тотчас напоили, и стало нельзя сказать, чтобы праздник был не в праздник. София родила дочь благополучно; я еще не видал ее после родин. Наконец Древновский решительно умер вчера. Прости, моя милая. Мне надобно еще много писать к Карамзиным, к князю Федору по делам его, теперь же около полуночи, а нужно в Москву отправить к утру нужные бумаги к Спасу. Дети велели тебя и твоих расцаловать. Обнимаю и благословляю вас всех от души. Дай Бог увидеться нам в радости!

Кланяйся Пушкину и скажи, что получил письмо его, кажется, от 14-го. Буду отвечать ему после. Скажи ему, чтобы

он не дурачился, то-есть не умничал, ибо в уме, или от ума у нас и бывают все глупости. Пускай перенимает он у меня!
Я глупею à vue d'oeil.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Остафьево. 6 июля. [1824 г.]. № 12,

Здравствуй, моя милая и мои милые! Я получил твое письмо от 23-го июня и письмо от Волконского из Николаева с присылкою 8 аршин ситца, материи на панталоны, ножичка и табаку турецкого. Ты мне о ситце в своих письмах ничего не говоришь, но я наугад велел из них шить платья детям к 12-му. Так ли? Хорошо ли я сделал? Ты мне говоришь о булавке: её нет, и Волконский о ней ничего не говорит. О шляпе пишет он, что не мог он ее отправить: досадно; а у меня более всего к шляпе губы и льнули. Узнай, где она, да постарайся мне ее выслать. Ты еще писала о 2 тростях; и их нет. У нас, слава Богу, все идет довольно хорошо. Дети менее запинаются, чем прежде, но что же делать? Впрочем, я Гейнеманом пока очень доволен; он прилежно их учит утро до второго завтрака, т.-е., от 9 часов до часа, и ходит с ними гулять. Дети большие его любят, и Павлуша даже говорил вчера: Бог дал нам Гейнемана! И какой еще дождь дал Он нам третьего дня! Я того и смотрел, что придут мне заказывать ковчег, как другому Ною, да и не без причины, потому что *si le premier a planté la vigne, moi je la cultive*. Это сообщи и Пушкину! Чуть удержали мы плотину. Зато сегодня такая жара, что верно не уступить одесской. И хорошо, что вос-

кресение. Дети после обедни тотчас отправились в лес. Я не очень понимаю твои планы: то пишешь ты мне, что есть у тебя загородные комнаты, то – нет. Волконский пишет во мне уже из Николаева от 16-ее, стало, уже с дороги на Кавказ. Зачем же ты не тотчас переехала к нему? Ты хорошо сделала, что взяла *жилет*, а *панталоны* имеешь у Грека. А в самом деле надобно тебе приняться за грамоту. Пора! Ты уж такие отпускаешь со мною выходки, что ужас! Ты пишешь мне *que le chapeau s'étire!!!!!! sur la tête*. Господи Иисусе Христе! Это что такое? Ты уж не слишком ли сблизилась с Евреиновым? Завтра еду в Москву и, кажется, завтра купчая совершится: дай Бог, чтобы я мог тебе прислать в четверг деньги! Если в Козловские Грязи нужды не будет ехать, то, кажется, к зиме лучше возвратиться тебе к нам; а там уже весною увидим, что делать. О службе пустое и думать: мне служить нельзя, и не пойду, как разве с тем, чтобы жить на казенный счет, то есть иметь столько жалованья, чтобы не трогать своих доходов. Но мне жалованья такого не дадут, да и не за что; стало, и думать нечего. Но я и без службы (видишь ли, что я невольно почитаю службу и жалованье за одно и тоже?)⁷ мог бы жить приятно в Одессе и предпочел бы ее всегда всем другим губернским и столичным острогам, потому что есть там солнце и море, два мои божества. Для этого однакоже нужно знать, каково внутреннее содержание этого острога и

⁷ Эта оговорка объясняется тем, что вместо слова службы сначала было написано слово жалованья, которое затем зачеркнуто.

каков будет присмотр за мною, потому что, если будут караулить там каждый мой шаг, каждое мое дыхание, то мне ни море, ни солнце не помогут, как разве только в том, чтобы от скуки и досады броситься в первое, а чтобы на другое говорить: *sacré soleil!* Впрочем, если лечение детей пошло бы точно верными шагами к решительному успеху, то нельзя ли было бы оставить там детей на зиму, тебе сюда приехать, а мне тотчас по твоём приезде ехать к ним и дожидаться вас всех на весну? Но, разумеется, этот план только тогда сбыточен, когда явно будет, что, вывезя детей из Одессы, подвергаешь их выздоровление новым препятствиям и рискуешь их здоровье. В этом деле более тебе надлежит решить, нежели мне: поездка твоя в Одессу имела целью поправление здоровья детей; следовательно, оно и должно быть главным предметом в наших теперешних планах.

София родила дочь Прасковью. Я крещу у неё с Наденькою за Прасковью Юрьевну. Четвертинские все очень огорчены.

Уж и от тебя доставались мне иногда хорошие перья, а уж какие теперь у меня! Силы нет писать ими! Обнимаю и благословляю вас всех от души. Дети все еще гуляют, а пора письмо посылать в город.

Кланяйся Пушкину. Что же Байрона? И Дашков пишет ко мне, что он надеется на него. Дашков тебе кланяется.

Ты написала бы князю Василию в Парнас *poste restante*: тебе, кажется, легче и дешевле с ним переписываться.

17.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[№ 13-й. 10 июля 1824 г.]. Москва.

Твое письмо с Трубецким очень меня было смутило; сегодня два письма, полученные от (ни на одном не выставлено число! когда остепенишься?) – но всетаки после отъезда Трубецкого – меня немного успокоили. Ты надежнее говоришь о здоровье Николеньки, и я тебе верю. Сердце легковерно к хорошему. Я ни- делая с Скюдери и читал ему из твоих писем то, что относится до болезни детей. Вот извлечение из его замечаний. Слушай!

Следует выписка из письма Скюдери медицинского содержания, на французском языке.

Покажи это своим докторам, разумеется, не в виде *наставления*, потому что они обидеться могут, а просто, как известие мое к тебе о разговоре с нашим московским доктором. По всему вижу из слов Трубецкого, что у вас нет ни одного значительного доктора. Но его словам, вижу также, что одесское лето не благоприятно детям, и что именно потому Воронцовы выслали детей своих на июль и август. Скюдери не почитает однакоже одесское лето вредным для детей. Ты все-таки хорошо сделала, что взяла загородный угол. Теперь

поговорим о тебе. Я и тобою недоволен. Ты, говорят, очень похудела, моя милая! Сделай милость, побереги и себя. От беспокойствий сердечных по болезни детей не убережешься, я это понимаю, но ты, пожалуй, расстроишь желудок свой и запустишь его; вот эту не позволяю. То, что ты говоришь мне о своих обедах, совсем мне не нравится. Ты сидишь несколько дней, Бог знает на чем, то-есть на г. изготовленном Василисою, а там бросишься на лакомый обед у Гурьева или другого! Как тут устоять желудку? Сделай милость, думай что и у тебя за плечами, по крайней мере истинно сердцем за плечами, и ты не ошибешься! И тогда оглядывайся на меня, когда ты захочешь предпринять что-нибудь вредного желудку твоему. Вот один шпионский надзор, который хочу иметь и сохранить за тобою! Ты врешь непростительно, когда говоришь мне в письмах, а Трубецкому на словах, что ты опасаясь моей недоверчивости в заботах твоих о детях! Если когда-нибудь дома и вспыхну на тебя за случайное твое легкомыслие, то поверь, что не сомневаюсь теперь в полном твоём исполнении священных обязанностей, тем более священных сердцу твоему, что ты сама их на себя возложила. Всякое отступление твое от строжайшего соблюдения твоей должности, как матери, было бы *преступление*, и, следовательно, не должна ты сомневаться в совершенном моём спокойствии о тебе и детях, разумеется, во всем том, что от тебя зависит. Целую тебя крепко и нежно. На это и уверен я, что ты меня поняла и мне поверила. Я в городе с понедельника.

Дети здоровы, и все идет порядочно. Разумеется, дети много потеряют в рассуждении учения в отсутствие M-lle Goré, которая их хорошо учила, но что же делать? Должно почесть этот промежуток времени за промежуток какой-нибудь болезни, не опасной, но все лишаящей их времени! Дело в том, чтобы они остались живы телом и душою, а остальное можно воротить. Кажется, если забудут они что-нибудь по наукам, то не научатся ничему дурному по нравственному отношению. Это главное! Ты удивилась бы моему *либерализму* с ними. Даю им есть по твоему, то-есть всего, что захотят; пускаю гулять почти во всякую погоду, только сносную, – одним словом, тешу во всю мочь! Зато уж надобно видеть, как лице Анны Захаровны тянется в аршин, когда я пускаю Павлушу бегать по двору в теплый дождь или даю ему топтать грязь и замочить себе сапоги и чулки, которые тотчас велю менять. Павлуша так к этому привык, что на днях, ходя со мною по дождю, говорил мне: «Мне дождик мочит голову, да это ничего: ведь головы переменить нельзя». Ты, верно, почтешь за пристрастие с моей стороны, что я тебе рассказываю одни *острые изречения* Павлуши, да поистине он чудесно забавен и очень оригинален. Тьфу, Боже мой, что за перья? Что за бумага? Все с Трубецким получено исправно и по твоему назначению будет употреблено. А я все тужу о шляпе и тростях, которые твой Бюкна у меня заел. Не может ли княгиня Волконская как-нибудь поймать их на дороге и довести до меня? Сейчас прочел я твой *avis au lecteur* в пись-

ме к Aimée. Признайся, что ты обо мне думала, подозревая, что прочту твое письмо к ней.

Прости, моя милая! Сейчас иду спать, а завтра припишу что-нибудь в письме, завтра, то-есть сегодня, потому что уже 2 часа утра. Я из Англинского клуба! Слышу, как Четвертинский храпит за стеною; а жена его ночует у Софии в Всесвятском. Завтра крестим! В пятницу возвращаюсь в Остафьево, Неужели не заметила ты, что все мои письма под No? Как же говоришь ты мне, *кажется, одно письмо твое пропало?* По No тотчас узнаешь. Ах, ты, безтолковая! – Бедную Софию Обрескову привезли вчера из Арзамаса! Кажется, надежды нет, хотя сегодня худые приметы болезни её немного ослабли! Потому и не мог я взять в образец *лорнетки* её, о которой ты говоришь. Постараюсь однако же прислать с Трубецким, что найдется лучшего. Я, стало, хорошо отгадал назначение ситца! Только платья уже были выкроены до получения письма твоего, и немного отступлено будет от инструкции! твоей. Четвертинский так храпит, что напоминает мне громогласно или *громоносно*, что пора и мне лечь спать. Этот каламбур сообщи Пушкину, если он еще у вас! Эх, он шалун! Мне страх на него досадно, да и не на его одного! Мне кажется, по тому, что пишут мне из Петербурга, что это дело криво там представлено. Грешно тем, которые не уважают дарования даже и в безумном! Дарование все священо, хотя оно и в мутном сосуде! Сообщи и это Пушкину: тут есть ему и мадригал и эпиграмма. Нет, воля твоя, Четвертинский

уж и – тут надобно спать идти!

10-го июля, 13-й No.

Здравствуй и прощай, моя милая! Кажется, сегодня должен я получить деньги, но к почте не успею. Страх досадно! Четвертинские получили письмо от к[нязя] Василия из Вены: он здоров и успел в Вене сделать себе много пользы. Теперь должен он быть в Париже. *Бюфферы* за платочки тебя благодарят. Обнимаю и благословляю вас всех, мои милые, от души. Дай Бог сообщать нам друг другу добрые вести о своих драгоценных залогах. Погода у нас поправляется. Пушкину буду отвечать с Трубецким или с M-me d'Angeville, которую прошу пустить в свет, то-есть на сцену. Целую тебя нежно и крепко.

18.

Князь Н. Г. Волконский и князь П. А. Вяземский княгине В. Ф. Вяземской.

Astafievo. 13 juillet 1824.

Cherrissime princesse.

Le grand jour d'hier m'a amené dans vos domaines; la fête était superbe, votre mari n'a rien épargné, et les convives dans les pompettes. Votre absence était la seule tristesse, qui ansomln Usait la journée. Quand l'eviendrez-v[ous]? Il en est plus que temps. Vos enfants v[ous] réclament ainsi, que les chevaliers, qui sont prêts à briser des lances pour v[ous]. Adieu, bonne et grande princesse. Comment avez-v[ous] trouvé le docteur.....⁸.

Votre féal et sincère.

Никита Волконской.

Приписка князя П. А. Вяземского.

Болконский врет; он приехал пьяный, а у меня не пил. Много было собиралось ко мне быть, но Бог нам дал такую погоду, что если не дети, то я и сам остался бы в городе. Только и было у меня что Соболевский и Волконский, приехавший к вечеру. Целый день был потоп осенний, день холодный! Ты догадываешься, какие пел я молебны во всю дорогу и дома. Детей нашел здоровыми, отдал им твои письма

⁸ Последнее слово неразобрано.

и платья розового ситца, которые привез им из Москвы; они очень обрадовались тому и другому; Машенька до слез была тронута твоими похвалами, но Пашенька не до слез твоими укоризнами. Впрочем, в отсутствии моем все были довольны ею. По нынешней почте Булгаков перешлет тебе объявление для получения из Одесского Коммерческого банка шесть тысяч рублей ассигнациями. Отдай же Пушкину, что следует. Я пробуду здесь дня три, а там вызовут меня в Москву для совершенного окончания дела. Лодомирским я заплатил. Сейчас был у меня Четвертинский и увез Никиту Волконского; и я поеду к ним обедать, но детей не могу взять, потому что дорога совершенно разорена вчерашнею погодою. Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас от души, мои бесценные. Ожидаю хороших вестей от тебя. Сестры пишут к тебе с Трубецким; думаю, что уже не застану его в Москве. Лорнетка послана с M-me d'Angeville. А моя шляпа знаменитая? А мои трости? А моя булавка? Цалую тебя нежно.

№ 15-й.

На обороте 3-го листа. её Сиятельству Княгине Вяземской, в Одессе, в доме г-жи Давыдовой.

19.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Москва. 17 июля [1821 г.]. № 16-й.

Здравствуй, моя милая. Я получил твое письмо от 4-го июля. Не понимаю, отчего ты так неисправно получаешь мои письма. Смешное дело, если их задерживают и перечитывают. Все возможно с глупостию нашего народа. Ты должна видеть по No и числам, что пишу тебе каждую неделю и почта всегда два раза. В последних письмах объяснил я тебе свой образ мыслей касательно наших будущих планов: остаюсь и теперь при нем. Все зависит от здоровья детей, которые с тобою. С здешними управляемся порядочно: они, слава Богу, здоровы, и все идет своим чередом. Я Гейнеманом очень доволен, M-lle Hélène и Caroline также. Одно только, что мало повиновения, особливо же в Пашеньке; но по крайней мере *сцен* не было ни у одной. Отвечай M-lle Goré и пришли мне письмо. Говорят, что она уже из Петерб[урга] выехала. Мне также хочется ей писать; я перед отъездом её послал ей из деревни 1000 рублей без письма, думая еще застать ее в городе, но она выехала до меня. Она писала мне и детям трогательные письма, и я боюсь, чтобы молчание наше не почла она за неудовольствие. Я видел, как она тревожилась молчанием Огаревой. Винюсь перед тобою за укоризны в легкомыслии; но все-таки в письмах твоих были некоторые темные обсто-

ательства. Разве, может быть, иные из писем пропали. То ли дело с моею аккуратностию, нумерациею и проч.? Я в деревне занят был чтением интереснейшего исторического романа отца и матери: нашел в комодке их любовную переписку, которая объяснила мне историю их любви, доселе мало мне известную. Я приехал сегодня из деревни для окончательного окончания нашего дела: с нынешнего же дня прорвется плотина, и потекут через меня старые грехи. К концу недели, надеюсь, что мое положение пояснится, и тогда поговорим подробнее и обстоятельнее о том, что делать надлежит. Получила ли ты 6000 рублей, письма с мусье Каталашг и с мадамою d'Angeville а при ней лорнетку? Хороша ли она и такая ли, как ты желала? Бедная Обрескова, говорят, осуждена. Мне, страх, как по ней грустно. Обнимаю и благословляю вас трех от души. Пора одеваться и ехать в Коымиссию получать деньги! Для меня это такая комиссия! Твои письма будут разосланы. То-то уж ты расписалась! Целую тебя нежно и крепко. Юсупов у твоих ног. Обедаю у Сергея Пет[ровича] Румянцева.

Пушкину поклон. Что его дело? Дядя его выпотел послание к другому племяннику белому арабу. Что говорит он о горячке Кюхельбекера? Я говорю, что это *пивная хмель*, тяжелая, скучная. Добро бы уж взять на шампанском, но нашему, то – бьют искри и брызжет!

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Москва. 20-го [-21-го] июля 1182-1 г.]. № 17-й.

И я могу жаловаться на неисправность почты: последнее письмо твое было от 4-го; в течение 16 дней как бы еще не получить по крайней мере одного письма, когда extra-почта ходит только семь дней? Уж, право, не шалят ли с нашей перепискою! Это было бы забавно. Я опять здесь для окончательного окончания дела и опять буду без решительного конца. У нас всякое дело идет ходом черепахи. Софии Обресковой нет более на свете! Я видел ее третьего дня в гробе, по их не имел духа видеть. Завтра ее хороним! Какой день для меня завтра! По утру похороны женщины, которую я искренно любил; там ехать в Коммисию получать еще задаток денежный, а там обед у Обера с Вьельгорским, Ржевскими и прогулка за город слушать цыганство. А сегодня какой день! Обедал в Петровском у своих Долгоруковых, а теперь отдыхаю в халате и беседую с тобою в ожидании Левушки Давыдова, – прибавить нечего! ты сама знаешь, куда едем! Вот жизнь со всею возвышенностию своею и грязью! И на какой конец все это ведется? Между тем беспокойства о тебе, детях, о нашем будущем; вот сумма моих настоящих впечатлений. И желудок жизни все это переваривает неприметным образом; но спрошу опять: на какой конец? Известно,

какое следствие бывает после варения желудка. Но что удобрит этот навоз? Какое поле оплодотворит он? Ты скажешь мне, что я кинулся в г..... философию, и, зажимая нос себе, захочешь зажать мне рот.

Бедная княгиня Варвара Петровна! Она кажется мне всех более достойною сожаления! Дети малы и выростут без матери; ты знаешь, что я не очень дорожу родительскою необходимостью для пользы детей и почитаю эту необходимость одною мечтою нашего родительского самолюбия. Муж.... Грешно поклепать ближнего, но как ни был он привязан к жене своей. но нее кажется мне, что он не такого сложения душевного, чтобы дать ране глубоко забраться. О сестрах и братьях и говорить нечего. Эта потеря, как ни чувствительна им, а все посторонняя. Для одной матери она коренная, et sa douleur deviendra pour elle l'affaire de sa vie. Читала ли ты *Ourika*, новую, небольшую повесть? На всякий случай, если найду ее здесь в продаже, то пришлю тебе. Она прелестно написана и чрезвычайно трогательна: «J'avais même conservé une sorte de gaïté d'esprit; mais j'avais perdu les joies du coeur».

Сейчас приезжает за мною дьявол-соблазнитель Лев Давыдов и влечет от тебя, моя милая, к Красным Воротам, Бог знает куда и черт знает зачем! Но скажу опять то же: вот жизнь!

Приписка Л. В. Давыдова.

Настоящий соблазнитель не я, а ваш любезнейший су-

пруг, который еще завтрашний день везет на пикник, где цыганы и медведи будут играть первые роли. Revenez plus vite, chère princesse; votre présence est indispensable pour rétablir l'ordre; je vous prie de vous rappeler quelque fois du plus dévoué et du plus humble de vos serviteurs.

L. Davidoff.

Продолжение письма князя П. А. Вяземского.

21-го, 8 часов утра. Здравствуй, моя милая! Я недолго просидел вчера у Нарышкиной и рано встал, чтобы спешить на печальный обряд. Кстати! Из Петерб[урга] пишут и уверяют, что ваш одесский Пушкин застрелился. Я так уверен в пустоте этого слуха, что он меня нимало не беспокоит, J'espère, que Pouchkine ne sera jamais suicidé, que par une bête. Ты знаешь, что один французский maire писал к префекту, qu'il y avait beaucoup de mauvaises têtes parais les jeunes gens de sa ville et qu'il craignait d'être suicidé par l'un d'entre eux, à, quoi l'autre lui répondit par la phrase, citée plus haut.

Я вчера заезжал к Лодомирскин в Всесвятское. Только третья неделя, что она родила, а уже гуляет по лесам и собирается даже 23-го в Остафьево, чтобы 24-го – Борисов день – провести у Четверти пских. Вьельюрский здесь и очень благодарит тебя за платок; он подзывает меня к себе на 25-е к рождению жены. Может быть, и поеду; они 25 верст от Коломны, а ты помнишь прогулку нашу в Коломню, когда я провожал тебя. Сейчас Гейнеман возвращается в Остафьево; я им очень доволен и другими также, и детьми. Все идет у

нас, слава Богу, порядочно. Дай Бог, чтобы также и у вас. Вот 17-й день, что не имею вести об вас, Как это досадно! Обнимаю и благословляю вас, моих милых, от души. А шляпа? А трости? А булавка? Цалую тебя тысячи раз. Пора ехать мне на смерть! в девятом часу вынос....

Слава Богу! сейчас два письма от тебя: одно с описанием бури, другое от 7-го. Цалую вас тысячу раз. Мне пора ехать! Буду отвечать из Остафьева обстоятельно. Сделай милость, не ешь много фруктов. Там у вас лихорадочная земля, да и что за охота сидеть с поносом: довольно тебе одного сладострастия блох!

21.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

24-го июля [1824 г, [. Москва. № 18.

Вот тебе Оурика! Надеюсь, что ты ее еще не читала. Сейчас еду в Остафьево; хотел ехать вчера, но ужасная гроза помешала. Буду обедать с детьми у Четвертинских именинников. Мое дело кончено, и деньги получены: третьего дня и вчера расплачивался. К понедельник возвращусь сюда за тем же. Как больно было видеть Обрескова на похоронах жены! Он точно вне себя, но грусть его немая и неподвижная! Он точно обнят страданьем. Княгини Щербатовой я не видал; она чрезвычайно огорчена, но печаль её кроткая и христианская. Бедная Обрескова, сказывают, умерла с большим духом, сама читала вслух свои отходные молитвы.

Сейчас приносят мне твои строки от 14-го июля. Что же дети все еще мало поправляются в здоровый? Так ли их лечат? Хорош ли для них климат? Кажется, одно *видимое улучшение здоровья их* могло бы решить нас переселиться в Одессу; а если успеха не будет, то к чему же вся эта возня? Я могу еще, впрочем, и в конце августа привезти тебе детей и возвратиться сюда для устройства дел своих. Как ты полагаешь, лучше ли мне *привезти и уехать*, или тебе, оставя детей больных в Одессе, за моими приехать и возвратиться с ними, а меня здесь оставить месяца на два или три, чтобы съездить

в Кострому и дела свои там учредить, чтобы они могли идти без меня год своим чередом? Но главное дело взвесить точно потребность пребывания одесского для Николеньки и Наденьки! Ибо, если эта потребность не существенна, то все-таки скажу одно: к чему эта вся возня? Пережуй, перевари все это и дай мне ответ.

Обнимаю и благословляю вас, моих милых, от души. Пушкину кланяюсь. Что его дело? Авось обойдется! А здесь все еще говорят, что он застрелился, и Тургенев то же пишет мне из Петербурга. Цалую тебя нежно.

К Бьельгорским в деревню не еду. Заметила ли ты, что я нумерую свои письма, и догадалась ли ты, что ты по Но можешь видеть, исправно ли доходят до тебя все мои письма?

22.

Князь П. А. Вяземский своей жене. Осафьево, 37-го июля [1824 г.]. № 19-й. Видишь ли??????

Если имеешь сердечное убеждение, что одесское пребывание полезно для Николеньки и Наденьки, и доктора обещают совершенное выздоровление, и если эти доктора имеют твою доверенность и заслуживают ее; если точно можешь без страха и с спокойным духом оставить детей на попечение доктора или кого другого; если ты совершенно здорова и предпочитаешь – взвесья все с благоразумием – хлопоты дороги и тяжкую разлуку с больными детьми, которые все, как ни говори, а останутся на волю Божию, беспокойствию о здешних детях: то вели себе готовить лошадей и приезжай. Я совершенно отдаю все и себя на твою волю. Ты скорее соберешься моего, а время не терпит. В таком случае, отправив вас в Одессу, остался бы я месяца на два, три или сколько потребуется, для устройства дел, поездки в Кострому, где мое пребывание необходимо, а там соединился бы с вами. Раздумай все хорошенько! На тебя возлагаю всю ответственность этого предприятия; на мою ответственность надает одно, – что я дал тебе полномочие и *carte blanche*. Между тем этот страх не должен тебя связывать, а только более утвердит

твое внимание и заставить прилежнее выложить все итоги выгод и невыгод. Я в этом случае совершенно беспристрастен. Вижу одно, что дочерям нельзя долго оставаться без тебя или кого-нибудь, тебя заменяющей по доверенности нашей к ней. Остается два средства: или тебе возвратиться с детьми, если Одесса не обещает существенной пользы больным детям, или забрать в Одессу и остальных, если дальнейшее пребывание там может довершить то, что уже начато в пользу наших больных и пропадет даром, если перервем хорошее начало. Во втором случае есть два способа: тебе ли воротиться за детьми или мне привезти их и возвратиться потом в Москву для окончания своих дел? Раздумавши хорошенько, и это оставляю на твою волю, разумеется, с предположением, что ты волю свою покорить также пользе и решишься не прежде, как все разочтешь основательно. Кажется, вот все, что можно и должно было сказать по этому делу. Теперь вот тебе мое благословение, поцалуй и подпиши. Доверенность скреплена по порядку. Входи в переговоры с рассудком, сердцем, судьбою, карманом, – и я ожидаю твое решение или личное, или письменное в конце августа!

Дети, слава Богу, здоровы, и все идет порядочно. 24-го ночевали мы у Четвертинских, и ожидали их сегодня к себе так же, как и кое-кого из Москвы; но мы с Богом в удивительной контре. Дни стояли прекрасные; сегодня опять, как нарочно, да и верно нарочно, ветер и дождь осенние, так что честному человеку нельзя высунуть носа на двор. Что за лето? Вооб-

рази, что еще не успели справиться с сенокосом, О дорогах и говорить нечего. Il faudrait blasphémer, et Dieu m'en préserve!

Я все эти дни ждал твоих Волконских и уверен, что они приедут, когда буду в городе. Третьего дни собирался я в Сухауово, да и не собрался. Старик Волконский умер, отец кн[ягини] Софии. – Какой *Canaris* сжег турецкий флот? Уж не твой ли это крестник? Есть у греков известный *Bozzaris*, а о том я и не слыхивал. Петруше лучше, т.-е. он гораздо чище в лице, а здоров-то был и прежде, и становится смешен, однакоже все еще не попал в мои фавориты. Павлуша глупеет от женского воспитания и принимает бабьи ухватки. Если ты приедешь за детьми, то я хотел бы оставить его при себе, pour me l'appeler de temps en temps, que je suis marié et père de famille, но кто же будет за ним ходить? Я поляка отпустил и беру Михея. Впрочем, там увидим! Сослужит ли четверо-местная карета еще два похода? Вот и эта статья должна входить в расчеты; ибо если покупать карету, то надобно купить хорошую, – менее 4 или 5.000 не заплатишь. Говорят, что зима в Одессе несносная, а может быть, и нездоровая. А в Крыму где лучше провести зиму, т.-е. для погоды? Отбери все это! Вот тебе письма и 500 рублей от Полуектовой. Ведь ближайшая дорога из Одессы в Москву не через Киев! Разве по этому тракту тебе более удобностей, знакомств, и тогда на времени выгадаешь излишество дороги. Если Пушкину есть возможность оставаться в Одессе, то пусть остается он для меня, чтобы провести несколько месяцев вместе. Мы созда-

ли бы что-нибудь! А если он застрелился, то надеюсь, что мне завещал все свои бумаги. Если и вперед застрелится, то прошу его именно так сделать. Бумаги мне, а барыш, – кому он назначит. Вот так! Теперь умирай он себе, сколько хочет. Я ему не помеха! Если у вас что получено о смерти Бейрона, на каком бы то языке ни было, пришли мне все. Кажется, первое число крестим у Лодомирских. Он у нас был, а она нет, да и хорошо! Ей не минуло еще четырех недель. Вообрази, что Ив. Ник. у них еще не был с родин.

Не смотря на худую погоду обедали у меня Четвертинские, маленький Трубецкой, муж Пушкиной, сосед Окулов женатый, и Лев Давыдов, и Юшков, которые у меня еще здесь. Благословляю и цалую вас, моих милых, от души. Итак, вероятно, до скорого свидания! Предчувствую, что ты ждать себя не заставишь. Привези все, что можешь из стихов Пушкина. Цалую его, а тебя еще более.

Приписка княгини Надежды Федоровны Четвертинской.

C'est avec infiniment de plaisir, chère et bonne amie, que j'ai reçu de vos nouvelles assez en détail et je m'empresse de vous y répondre, établie pour cela encore une fois dans le cabinet de votre mari et vous écrivant dans sa propre lettre. Je suis charmée de vous savoir en bonne santé, mais bien peinée de ce, qu'il n'y ait pas encore de mieux décisif pour l'état de vos enfants; cela serait réellement désolant, que ce voyage ne contribue pas à l'amélioration de leur santé; peut-être, que ce changement en

mieux ne pourra se faire sentir, que plus tard. Fuisse le Ciel entendre les prières, que je ne cesse de lui adresser pour eux de bien bon coeur. Les médecins, m'avez-vous dit il y a quelque temps, ne désespèrent pas de leur guérison, (jue Dieu veuille les aider en cela. Ce Médecin Céleste plus que tous les autres peut l'opérer. J'étais bien persuadée, chère et bonne amie, de l'intérêt, que vous prendriez à la funeste mort de la pauvre Sophie Narischkine, relativement à l'amitié, que vous avez pour nous. Je vous ai déjà dit, que mon mari a été dans un état terrible à cette nouvelle et jusqu'à présent il porte au fond de son cœur une tristesse, qui ne peut se dissiper; il a reçu des nouvelles de sa sœur, qui lui annonce, qu'elle part d'un moment à l'autre; maintenant je la suppose partie. Je conçois, qu'elle doit avoir pris le séjour de Pétersbourg en horreur. Vos enfants se portent bien, grâce au Ciel- Marie a eu pendant quelque temps mal à l'œil et, pendant que cela a duré, ses leçons ont été en partie suspendus, mais maintenant elle en est tout à fait quitte; je l'ai entendue aujourd'hui toucher du clavecin avec M-r Hénémann. Elle en s'en est très passablement acquittée. J'ai beaucoup recommandé à M-lle Hélène de leur faire constamment répéter tout ce, qu'elles ont appris avec M-lle Goré pour la grammaire française et pour les autres leçons; elle m'assure qu'elles n'ont rien oubliées, et réellement je les ai questionnées, et ce qu'elles ont appris, elles le savent bien; elles auront encore le temps d'avancer une fois, que vous leurs ferez reprendre une méthode suivie: elles sont très sages et très dociles. J'ai recommandé aussi à Hélène de les faire

écrire tous les jours un peu sous la dictée en français; lors même, qu'elles ne le feraient que par routine, cela sera déjà autant de gagné. Je vous écrirai jeudi plus en détail. Je n'en ai maintenant ni le temps, ni la place. Vos coliques et vos puces m'ont fait mourir de rire. Adieu, bien chère amie. Mon mari vous baise les mains. Tous mes enfants se joignent à moi pour vous embrasser bien tendrement de tout notre coeur. Adieu, portez-vous bien et les chers cillants, que j'aime et embrasse aussi de tout mon coeur. Votre toute dévouée soeur et amie.

Négoii Czetwertinska.

23.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[31 июля 1834 г. Москва. № 20-й].

Если это письмо и застанет еще тебя, то, верно, уже на отъезде, и потому оно будет коротко. С письмом Карамзинных я согласен, да и я тебе то же писал, или почти то же. Теперь проживем зиму в Одессе и, вероятно, около года единственно для здоровья детей, единственно, — а о прочих видах и говорить нечего. Да и что за виды? История Пушкина меня не очень привлекает к одесской службе. Из Петербурга] пишут, что он выключен из службы, и велено ему жить у отца в деревне, Правда ли? И проедет ли он через Москву? Надобно было дарование уважить! Грустно и досадно! Дети здоровы, и все в порядке. Я приехал в Москву, плачу и плачу. Много было путаницы в управлении. В честности не сомневаюсь, но в неспособности управляющего также. И это предстоит важная статья и тонкая струпа! Бог знает, что придется делать? Если моего письма мало, то вот тебе чужия письма. О к[нягине] Волконской еще не слышу, но чуть ли не приехала она, потому что к[нязь] Никита долго не возвращается из Суханова. Я думаю, что завтра крестят у Лодомирских. Обнимаю и благословляю вас, мои милые, от всего сердца. Если Пушкин еще у вас и может ехать в Исков, как хочет, то пускай едет через Москву и заезжает в Остафьево.

Москва. № 20-й. Июля 31-го.

Князь П. А. Вяземский своей жене

Москва. 4 августа [1824 г.]. 21-й No.

Вероятно, мое письмо уже тебя не застанет, и потому пишу только несколько слов для очистки совести, которая, впрочем, и не очень чиста! Я вчерашний день прожил в Москве, чтобы вечером быть у Нарышкиной; зато спешу в Остафьево телом и душою. Вчера же имел известия о детях; они здоровы. Вчера же получил с Каталани драгоценные камни, присланные Николенкою, и везу их; вчера же получил письмо твое от 25-го июля и посылку с разными разностями, зефировою, перчатками и проч, вчера же все сдал Софии, которая у меня была при получении; вчера же кое-какую безделку продали у Марии Гагариной Paul, где обедали на именинах, и вчера же единогласно решили, что иное не дешевле здешнего, а другое дороже. А я, признаюсь, нашел, что ничего тут нет отменного, и потому не стоило и присылать. А между тем я тут не видал ничего из того, что мне посылаешь: ни подтяжек, ни тростей, Волконской еще нет. От к[нязя] Василия получил вчера письмо из Парижа после 15-ти дневного пребывания. Он доволен своим житьем-бытьем и начал лечиться порядком. Сделай одолжение, не приезжай в тот день, как у меня будут в Остафьево Ушаковы и Нелидовы варшавские. Ты всю обедню г..... сделаешь! На вся-

кий случай пришли передового из Подольского осторожно понаведаться, что можно ли ко мне приехать, Я боюсь, что ты меня застанешь как-нибудь *на босу ногу!* Дай оправиться! Врасплох приезжать ни мужу, ни жене не годится.

Обнимаю и благословляю вас всех от души. О Пушкине пишут из Петерб[урга], что он отставлен и что велено ему жить в деревне у отца. Василий Львович залился слезами и потом от этой горестной вести и сказал *la sauterelle l'a t'ait sauter!*

Цалую тебя тысячу раз.

Пушкину следует 1380 руб. ассигнациями. Привези же все, что можешь из стихов его.

25.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Остафьево. 11 августа [1824 г.] № 22-й.

И сегодня пишу тебе для очистки совести. Мы живы и здоровы и ждем тебя. Обнимаю и благословляю вас от души. Пишу нехотя, потому что умерен, что, когда письмо это дойдет до Одессы, тебя уже там не будет. Цалую тебя.

26.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[17 августа 1824 г. Москва. № 23].

Едешь ли ты или нет, моя милая? Жду-недождусь, по надеюсь, что едешь. У меня «се идет порядочно в моем отряде. Как у тебя? Вчера приехал я из Остафьева. Писать не хочется, потому что уверен сердцем, что мы будем вместе, прежде нежели письмо дойдет до тебя. Во всяком случае благословляю милых Николиньку и Наденьку, а тебя на всякий случай благословляю и нежно целую.

Москва. 10 августа. № 23-й.

27.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[18-21 августа 1824 г. Москва. № 24].

Сейчас получаю твое письмо от 8-го августа, где даешь ты мне неожиданное известие о твоём возвращении. Да будет над нами воля Божия и твоя! Только смотри, не увлекайся слишком в решении твоём впечатлением, над тобой сделанной несчастною смертью маленькой Гурьевой. Il ne faut [pas], que ta décision soit le fruit d'un découragement moral ou d'un dépit de coeur contre vos mauvais médecins.

Не пишу более и потому, что времени нет, и потому, что не хочу influencer votre décision. Я уже писал тебе сегодня несколько строк. Обнимаю и благословляю вас! Ожидаю с нетерпением дальнейших вестей твоих *подтвердительных* или *отрицательных*. Делай, как хочешь, как умеешь, как сердце скажет, как рассудок одобряет.

№ 24. 18 августа. Москва.

Сейчас получаю твое письмо от 10-го августа. Дай Бог нам увидеться в радости! Сейчас еду в Остафьево через Суханово, куда приедут и Четвертииские. Дети здоровы. Признаюсь, мне жаль отстать мыслью от Одессы, куда я было уже перенесся духом. Дай Бог, чтобы все устроилось к лучшему

или, по крайней мере, не к худшему. Обнимаю и благословляю вас, мою троицу, от души. Буду писать более в понедельник.

№ 24-й. Августа 21-го. Москва.

На всякий случай не забывай, что, если нужно будет, то я могу приехать к вам в Одессу с детьми, то есть привезти их, а потом возвратиться в Москву для устройства дел. Je te donne cet avis non pour changer ta résolution actuelle, mais pour que tu ayes cette ressource eu cas, que ton arrivée ièi se trouve retardée par quelque cause imprévue. Понимаешь ли? C'est une réserve, que je te donne et que tu ne dois employer, qu'à la rigueur, car je ne veux aucunement influencer ta décision. Мне все можно будет выехать и в половине сентября. Но смотри же! Это не совет, не мнение мое, а только *предосторожность* в случае непредвидимом.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[25 августа 1824 г. Москва. № 25-й].

Я опять в Москве. Приехал для свидания с Севериным, который здесь на два дня с Нессельроде и Матушевичевым; едут они в Пензу к Государю. Я вчера получил твое письмо от 15-го августа и вижу из него, что ты опять выбираешь новый маршрут против прежнего: уж не Харьков и Полтаву, а снова на Киев и Орел. Смотри, выбирай дорогу, которая теперь лучше, смотря по погоде. У нас становится осень прекрасная, ночи светлые и холодные, дни ясные и теплые! Дай Бог тебе воспользоваться ими! Воля твоя, а перемен в доме без тебя делать не буду: еще довольно времени останется; а там я знаю: то — не так, то — не тут, и житья от тебя мне не будет. Мне все неохотно пишется к тебе, потому что я ждал и ожидаю тебя; неравно письмо тебя не застанет, а я этого не люблю.

Довольно тебе знать, что мы живы. У Машеньки глаза были красны несколько дней, и только! Обнимаю и благословляю нас от всей души.

Волконские едут в четверг в Петерб[ург] Завтра сюда будут; надеюсь с ними увидеться. Я их очень полюбил, но мало бил с ними с глаза на глаз, а ты знаешь, что я при посторонних так же глуп], как иные dans le tête à tête. Четвертинским

они также понравились.

Москва. Августа 25-го, Но- 25-й.

На обороте, 2-ю листа. её Сиятельству, Княгине Вере Федоровне Вяземской, в Одессе, в доме г-жи Давыдовой.

29.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Остафьево. 31 августа [1824 г. № 28-й].

Мы, слава Богу, все живы и здоровы, наслаждаемся прекрасным летом, которое с неделю спало к нам с неба и ждем вас.

Благословляю вас. Дай Бог доехать вам до нас благополучно и увидеться нам в радости.

Дубликат этого письма идет сегодня в Одессу.

На обороте 2-го листа рукою кн. П. А. Вяземского. её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской, в Киеве, в доме генерала Раевского; неизвестной рукою: За выездом возвращается обратно в Москву... (одно слово и две цифры неразобраны).

1825.

30.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Нов-город. 16 [июня 1825 г.]. 10 часов утра.

Мы едем благополучно и проехали всю дурную дорогу; теперь до Петербурга предстоит нам шоссе. Мой товарищ славно выносит дорогу и ни на минуту не дал мне ни скуки, ни беспокойствия: ест, спит, болтает, поет и даже с.... так же, как и я, что в дороге имеет свою приятность и свой вес и sa v.... Он только первую ночь провел в дилижансе, а две другие со мною, по его просьбе. Он очень ласков и послушен. Завтра надеюсь писать тебе из Царского Села. Что дети? Что ты? Смотри, не забывай лечиться и нить пирмонтскую воду. Я тебе сказывал, что у Трубецких будет часто Thomas. Благословляю вас всех, моих милых, и чалую. Вьельгорский у тебя целует ручку и Щербатов кланяется. Павлуша велит вам кланяться и целовать. Как он болтает целый день.

Не забудь выслать мне иа correspondance de Byron и Греческую экспедицию.

31.

Князь П. А. Вяземский своей теме.

Царское Село. 17-го [июня 1825 г.].

Мы благополучно здесь. Жуковского впустил я с Павлушей к Карамзиным под именем маленького Трубецкого. Екат[ерина] Андр[еевна] удивилась, что он так дурен, когда братья его так хороши. Долго не находили они сходства со мною, а более с тобою. Сейчас приехали Тургеневы и Жихарев. Карамзины все здоровы и тебе очень кланяются. Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас всех от всей души. Теперь еще писать нечего. Получила ли ты мое вчерашнее письмо из Нова-города? Будьте здоровы, мои милые!

Приписка Екатерины Николаевны Карамзиной.

Merci, chère et bonne tante, du charmant cadeau, que vous nous avez envoyé, et surtout merci, pour ma part, de la confiance, que vous placez dans mes soins, car mon oncle m'a annoncé, que c'était à moi particulièrement, que vous recommandiez votre gentil Paul, avec lequel nous sommes déjà grands amis. Je vous embrasse de tout mon coeur et ne sais trop ce, que je vous écris, car mon oncle me fait éclater de rire à tout moment.

Catherine Karamzin.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Царское Село. 20-го [июня 1825 г.].

Сейчас получаю твое письмо от 15-го, которое ожидал уже с большим нетерпением. Радуюсь сердечно, что вы здоровы, но сердечно жалею о скуке твоего одиночества. И, конечно, скажу тебе одно и то же: занимайся! Занятие – лучшее развлечение! Не смотри на то, что есть учителя, оставь себе какое-нибудь занятие с детьми. Заставляй их, например, переводить с французского на русское и обратно, по крайней мере наизусть, если не письменно. У меня в русских книгах должно быть «Детское Чтение» Карамзина: пусть дети его читают и с него переводят. Ты сама читай и делай выписки из книг. Это заставит тебя мыслить и выражать твои мысли, чего, между нами будь сказано, ты делать не умеешь. Купи себе оперы Россини и разыгрывай, ходи за грибами, можешь даже и парить паренья, ездь иногда по соседям: вот сколько тебе предстоит удовольствий! Шутки в сторону, сделай себе постоянное занятие и задавай себе уроки; будь более с детьми; а мне все-таки жаль знать тебя в скуке. О здешнем и о себе сказать еще нечего. Мы слегка говорили о моем будущем, но ни на чем не остановились. Меня ни к чему не забирает, и ничто заживо не задирает. Может быть, как по-солю себя в море, буду и решительнее. Вчера был я в Пав-

ловском у Гагариных, Северина и у его невесты. Гагарины по старому; княгиня все хороша, но толста, хотя, кажется, и не толще прежнего. Северян влюблен и худ, как кошка; невеста мила и, вероятно, была молода. Здесь видел я Трубецкую; приветлива и хороша по прежнему, хотя и похудела. Разумеется, все о тебе спрашивали и тебе кланяются. Покойна ли ты? Вероятно, нет: ты желала бы, чтобы я всех поименно назвал и повторил слово в слово, что каждый и как каждый о тебе говорил. Кнорринг, должно быть, еще в Ревеле и будет в Питер не прежде 1-го июля. Боюсь с нею разъехаться, но всячески постараюсь съехаться. Сегодня, кажется, за мною заедет Тургенев, чтобы ехать в город. Павлуша вошел в моду и ведет себя хорошо. Прости, моя милая, простите мои милые. Обнимаю и благословляю вас всех от души. Если что узнаешь о Мамонове, дай мне знать. Что Небольсина?

Здесь барышни очень милы и превосходно добры. Катенька очень помилела и начала ездить в Павловск. Впрочем, теперь Павловска нет, потому, что и Вдовствующая здесь за родинами Велик[ой] Княг[ини] Александры.

Цалую тебя нежно и перенежно. Начала ли ты пить пирмонтские воды? Какова у вас погода? Можете ли купаться? Вот тебе занятие: вели себе сделать купальню на реке и ездит туда купаться.

Кланяйся Четвертинским. Не забудь отослать Rouqueville, когда прочтешь его, Анне Павловне Кутайсовой. Цалую в последний раз.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Петербург. 22-го [июня 1825 г.].

Я со вчерашнего дня здесь; вчера в воскресенье шатался по дачам и нашел, что все очень пусто и мертво против прежнего. На Крестовском острове не съезжаются, как прежде, а все рассыпаны по разным гуляниям, и оттого нигде никого нет. Утром был у Волконской; мать и дочь тебе очень кланяются; сегодня вечером буду у них. В Суханово они не будут. Приезд двора на зиму в Москву еще не решен, а вероятнее, что не будут. Таково общее мнение. Обедал я вчера у Муравьевой и видел там Огареву. Вечером возобновил знакомство с слепцом Козловым, который не унывает. Слышал поэму Пушкина: «Цыгане». Прелесть и, кажется, выше всего, что он доселе написал. Мать писала Государю и просила, чтобы сыну позволили приехать в Ригу или в другое место для операции: у него аневризм в ноге; но до сей поры ответа еще нет. С Вьельгорским виделся вчера; он пустился в большой свет и катается, как сыр в масле. Завтра вечером или после завтра утром возвращусь в Царское Село. Что вы делаете? Едешь ли к матушке? Довольна ли ты своим Конусом? Il est, heureux pour lui, qu'il aye une terminaison latine. Скажи это от меня княгине Четвертинской. Жукова принялась к Уваровой и, кажется, не очень деликатно поступила с

Карамзиными. Я завозил письмо Окуловым в институт и видел Радзивиккову, дочь Чернышевой; она очень мила, ожидает мать в августе. Обнимаю и благословляю вас всех, моих милых, от души. Отошли письмо Анете Окуловой.

34.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[С.-Печ'ербуиши 24-го июня 1825 г.].

Сейчас возвращаюсь в Царское Село, где надеюсь найти письмо от тебя. Прошу писать по крайней мере три раза в неделю.

В Царском пробуду до 30-го, а из Петербурга думаю ехать в Ревель 2-го или 3-го, Вчера у Кутайсова видел старуху Лопухину, которая о тебе спрашивала. Видел еще двух матерей, еще печальнейших: Бедосельскую и Давал, которая точно носит на лице печать горести. Что детки наши? Обнимаю и благословляю вас от всей души. В другой раз буду писать более, Кнорриигову ожидают 1-го июля. Цалую тебя нежно. Что же деньги?

С.-Петербург, 21-го.

35.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Царское Село. 20-го июня 1825 г.].

Сейчас получаю твое письмо от 22-го, Ты знаешь, что я не люблю, когда дети остаются одни, Мой совет тебе лучше совсем не ехать или ехать со всеми. Впрочем, если тебе в Остафьеве хорошо, и ты думаешь, что ваши Конусы в пользу для детей, то лучше оставайся, сказав маменьке, что меньшие дети не совсем здоровы, что и правда. В другом случае, не вижу беды взять тебе и всех вместе, если ты только уверена, что их ждут там покой и покой, Тебе нужно лечиться, не забывай и того; а дорога для тебя худое лекарство. Мне кажется, лучше оставаться дома; эта поездка хороша была, как отвод от скуки, а теперь ты уже обжилась. Наконец, делай, как хочешь, только бери всех детей, если поедешь. Почта отходит. Обнимаю и благословляю вас всех от души, Павлуша говорит: кланяйтесь маменьке моей и Машеньке, и Пашеньке, и целуйте, вот и только, а Наденька и Петруша не понимают. Он очень мил и умен. Его все полюбили. Цалую тебя нежно.

Царское Село. 20-го июня.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Царское Село. 29-го [июня 1825 г.].

Поздравляю тебя и вас, мои милые, с собою и с нашими именинниками. Мы здоровы и, кажется, весело проведем нынешний день. Как вы его проведете? Вероятно, с Четвертинскими. Барышни затеяли танцы к вечеру, а по моем возвращении будут играть комедию. Как я тебе уже сказывал, мы ничего не решили, т.-е. я ничего не решил о себе. В море надумаюсь. Теперь не имею никакой заманки, и ничто меня не соблазняет. Увидим, что будет вперед. С оным уже говорили обо мне, и, кажется, препятствия не будет. Завтра еду в город, получу деньги из Коммерческого Банка, которые мне уже объявлены, а 2-го или 3-го выезжаю в Ревель. Ехавши, надеюсь уже найти Кноррингову на даче у отца. Он писал мне, что ожидает ее в среду. Как я рад, что Конусы тебе пригодились. Из Варшавы не имею никакого ответа от Фовицкого. Княгиня Иович поехала в годам, и Великий Князь отправится за нею. Здесь уверяют что Новосильцев женится на Зубовой и что они уже помолвлены. О переселении Двора на зиму в Москву еще ничего нет решительного, но вероятнее, что он здесь останется, т.-е. в Петербурге. Сделай милость, пиши мне теперь почаще; в Ревеле не то, что здесь: будут минуты скучные и грустные. Адресуй письма в Петербург к

Константину Яковлевичу Булгакову для доставления князю Вяземскому, Петру Андреевичу. Говорят, что в Ревель много поехало и поедет петербургских. Я этому не рад. Впрочем, там сказывают весело и жить приятно. Временем я не опоздал, потому что до сей поры погода была холодная и до наливая. Дня три не более, как солнце начало греть, Что у вас делается на небе и на земле? Смотри, чтобы во время спустили крестьян с фабрики. И скажи машинисту Александре и Ивану Ив., чтобы прислали мне ведомость тому, что сделано на фабрике от 1-го мая до того дня, как спустили народ с фабрики, и сколько денег выручено. И чтобы так же, как прошлого года, наняли прях для заготовки шерсти. Вьельгорский приехал к нам вчера и ночевал со мною. Сегодня ожидаю Тургеневых и Жихарева. Жуковский живет в Царском Селе с Великою Княгинею, которая здесь родила. Сейчас видел я в церкви княгиню Екатерину Гагарину с детьми. Одна из дочерей очень хороша. И она находит, что Павлуша много и на тебя похож. Прошу не прогневаться! Прощай, моя милая; детей и тебя нежно надую и благословляю. Надеюсь, что Машенька и Пашенька напишут мне. Павлуша вас целует, а Катеньке ничего не сказывает, потому что она на него солгала когда-то.

Что же едете ли вы в Пензу? Кажется, время уже проходит. Не забивай же чаще писать.

Все здешние тебе кланяются.

Приписка Екатерины Николаевны Карамзиной.

А я, здешняя, хочу сама вам кланяться et vous féliciter, chère et bonne tante, sur le jour de tête des deux chers objets, que vous nous avez prêté, et sur celui du petit Pierre. La journée d'aujourd'hui vous paraîtra sûrement fort, longue et fort peu agréable, étant séparée des deux aimables именинники, que nous amusons, Paine, en voulant à toute force le faire danser ce soir dans notre belle rotonde chinoise, et le cadet, en lui donnant les joujoux les plus beaux, qu'on ait trouvé ièi (ce que n'est pas encore beaucoup dire). J'ai lu avec infiniment de reconnaissance la lettre, que vous avez bien voulu m'écrire, chère tante, et dans laquelle vous confiez à mes soins eousinels le petit Paul; j'ai fait part à la bonne, comme vous l'avez désiré, de la partie physique de vos instructions; quant à la partie morale, elle est tout-à-fait inutile; on n'a qu'il se louer rtt sa bonté, de son obéissance et de sa tranquillité. Les leçons de lecture ne battent encore, que d'une aile, mais j'espère, que bientôt elles le feront des deux, car Paul est fort attentif. Mon onde trouve, que *je me perepisse*⁹ beaucoup trop avec vous. Comment trouvez-vous ce noble calembour de sa façon? Adieu, chère et bonne tante. Je vous embrasse du fond de mon coeur.

Catherine K.

⁹ Эти три слова написаны рукою князя Петра Андреевича Вяземского.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[С.-Петербург. 3-го июля 1835 г. J.

Ты, мне кажется, очень ленишься и редко пишешь ко мне, моя милая княгиня. Завтра думаю ехать в Ревель. Сегодня получаю деньги из Коммерческого Банка; отдаю две тысячи Булгакову для отправления в Париж, потому что Северян сидит влюбленный в Павловском; вечером буду у слепца Козлова с Жуковским, Тургси, Вьельгорским, а завтра надеюсь уже обедать у Шверина на даче с Кнорринговою, хотя и не знаю еще наверное, приехала ли она; но должна приехать. Вчера говорил я много с Матушевичем о Варшаве. Там все по старому, и никто не стареется: ни Замойска, ни княгиня Заиончек, ни Гржнбов; все они сохраняются, как в прок соленые грибы. Княгиня Лоинч, сказывают, очень мила и счастлива. Если тебе нужно будет ей писать о маленьком Бибикове, то давай ей *de L'Altesse*. На конверте: *A Sou Altesse Madame la Princesse de Louiez*. В письме: при начале и в продолжении – *Altesse*, а в конце – *j'ai l'honneur d'être de Votre Altesse la dévoilée servante ou blanchisseuse etc. etc.* Вот тебе весь порядок. Тургенев привез мне изречение от Павлуши: у него спрашивают, где лучше в Царском Селе или в (Астафьеве? Здесь! говорит он, только одно хуже. – Что же? – Там живом мы в своем доме, а здесь в Государевом. – Маленький

вечер в Петров день очень удался, зато мне и Вьельгорскому досталось. Кавалеров почти не было, потому что вся военная молодежь в лагере, и барышни на нас двух выезжали. У Вьельгорского на другой день так расслабили руки, что он не мог замком поворотить в дверях. Как удивился я, нашедши в Павловском у Гагариных Лизу Потемкину, которая ехала в Петербург. Она сказывала мне, что послала тебе по почте из Киева шляпы от Савелова. Вчера вечером был я у ночной своей Голицыной, с Волконскими: она добра и врет но все-таки прежнему. Прежде заезжал я к молодой Бобринской, которая тебе очень кланяется. Слышишь ли? – кланяется и еще очень. Она очень мила. Хотя и ты очень мила, а прости, потому что в последний день надобно много таскаться. Хочется посмотреть хрустальную кровать, которую Государь посылает персидскому шаху, по собственному его желанию. Князю Федору Голицыну, теперь больному, но едущему через месяц в Зубрилонку, хочется, по рекомендации Вьельгорского, взять наших Конусов, и Вьельгорский, кажется, должен писать о том Valerio. Между тем, мы еще ничего о швейцарке не знаем и, может быть, будем сами иметь нужду в Конусах. Не надобно их лишать хорошего места, но и нам не должно хорошее выпускать из рук. Постарайся, чтобы они ничего решительного не предпринимали, по объяснившись с нами, и поговори о том Valerio.

Детей и тебя нежно обнимаю и благословляю. Сделай одолжение, пиши, по крайней мере, три раза в неделю. Мне

красноречие не нужно, а давай только знать, что вы живы и здоровы.

Петербург. 3-го.

38.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[С.-Петербург. 4-го июля 1825 г.].

Часа через два надеюсь выехать. Кноррингову, вероятно, увижу в Ревеле. Вчера встретился я с отцом, который мне сказывал, что она пробудет там до 8-го. Жаль, если разъедемся. Ты от Козлова получишь стихи; отошли их к Полевому для «Телеграфа», Я думал ехать с Тургеневыми несколько почта, но их не дождешься, а мне и нора купаться, да и здесь утопаю в скуке. Ведь ты знаешь, что оба Тургеневы едут в чужие края дня через три.

Цалую и благословляю вас, мои милые, от всего сердца. Я писал тебе вчера. Что слышно о Мамонове и Небольсиной?

4-го утром.

К тебе отправлены были продолжение «Тысячи и одной ночи»; отнеси их в библиотеку. Посылаю тебе в гостинец два новые романа Купера. Из Ревеля пришлю les mémoires de Mme Genlis, которые теперь беру на дорогу. Нежно цалую. Что же твое лечение? Устрой себе купание. Как не устроить?

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Ревель. 7-го [-8-го июля 1825 г.].

Вчера перед обедом приехал я сюда и вчера уже был на бале, который петербургская молодежь, между прочими, и Сергей Льво[вич] Пушкин, давали здешнему прекрасному полу. Ты скажешь, что я буду, как в масле сыр кататься. погоди! вчера же было и заключение всех веселий. Ревельское дворянство разъезжается по деревням, и остаемся одни мы, хворые и больные. Я нашел себе только одну комнату и ту низкую, узкую и без вида на море. Плачу сто рублей в месяц, но надеюсь имел другую квартиру, прекрасную, рублей за 200. В моей нет способа прожить, Ничего еще не могу тебе сказать о своих впечатлениях. Я и моря порядочно не разглядел, и красавиц видел только мельком, а нагляделся на Клюнфельда, которому я очень обрадовался, как бы ты так не обрадовалась, и на Гамильтона, который все тот же, имеет прекрасенькую дочку и довольно безобразную жену. Он очень жалеет, что тебя нет со мною, и с восторгом вспоминает, как ты его щипала. Сейчас виделся я с доктором, который после отчета моего о себе благословил меня на купания прямо в море, мимо комнатных ванн, чему я очень рад, хотя, кажется, купания в море здесь не хорошо устроены и очень мелки. Вообще распоряжение здешнее очень плохо; для приезжаю-

щих мало удобства, мало покоя, даже, кажется, и судна нет порядочного. Обед в заведении плоховат. Здесь много русских и слишком: семейство Сергея Львовича без сыновей; женская часть Обресковых Михаила Алексеевича; Багреевы, дочь Сперанского; княгиня Екат[ерина] Федоровна Долгорукая, которая вчера на бале не была за смертью Барятинского; молодые Веревкины, Рихтер, скоро уезжающий, которого видел в Москве; Мещерские, дочь Румянцова, а там Кожина, Шеншина и проч., и проч. Боюсь итога множества: не дадут мне покоя. Из здешних познакомился я с Тизенгаузенами, сестрою нашего Палена. Отец ласковый и добродушный, дочери красавицы, особливо же одна – необыкновенной красоты; но успокойся: сегодня же уехали в деревню! Кноррингова, *belle soeur* нашей, не первой молодости, но красивая и милая, но – успокойся: кажется, из рта нехорошо пахнет, а к тому же также сегодня едет; *M-me Stahl*, сестра нашего Кнорринга, которая остается еще на неделю; на ней надеюсь выехать, но, небось, не оседлавши ее,

8.

Вчера купался я в море. Жаль, что мелко; это купание, пак и речное, было для меня приятно, но ничего отменного я не чувствовал. Сегодня довольно ветрено, и, надеюсь, что волны меня порадуют. Я тебе и не сказывал неудачи своей с нашей Кнорринговой. Выехав из Петербурга, остановился я у Севериных часа на два; они дали мне письма к дочери и

говорили, что она не прежде 8-го выедет из Ревеля. Отъехав несколько верст от них, встречаю два экипажа; уже было темно, и никого разглядеть не мог. Приезжаю на станцию, и мне сказывают, что проехала генеральша фон-Кнорринг. Вообрази себе мою досаду. При встрече с него мае точно мелькнуло по голове, что это она. но услышав от Севершгах, что она еще наверное в Ревеле, я и отстал от этой мысли. Она пробудет в Петербурге до сентября, и, следовательно, еще увижусь с него. её belle soeur Кнорринг велела тебе кланяться и пила за твое здоровье, так много наслышавшись о тебе от нашей Кнорринговой. Вот какую славою обширную пользуешься ты! Тебя и в Ревеле знают и похваляют. Как мне жаль, что я тебя послушался и не взял сюда с собою Павлушу. Купание и здешний воздух, очень хороший, были бы ему очень полезны. Вчера был я в немецком театре и видел Freyschütz с удовольствием; есть певица изрядная; жаль, что вчера был последний спектакль; театр запирается на шесть недель. Я рожден для несчастья. Сейчас пришли мне сказать, что отдается мне другая квартира за 200 рублей, а квартира 600-ая, по нанявшие ее не приезжают. Я очень этому рад, потому что в моей дыре было уже слишком узко. Спать, с..... есть, мыться, подмывать ж..., сочинять, принимать, все должен был на одной точке. А в мою комнату перейдет брат Пущина, который сейчас приходил со мною знакомиться. У меня будет вид на море. Здешния прогулки прекрасны, и места живописные. Мы живем в ревельском предместьи у са-

мого моря, в так называемом Екатеринен-таль. Сад и парк очень хорошие. С маяка вид на море и на город прекрасные. Сказывают, что все окрестности прекрасные. Надеюсь смастерить себе верховую лошадь и начну рыскать.

Обедаю сегодня у Будберга, губернатора, живущего также в Екатеринен-таль во дворце. Он очень ласков, жена его тоже. Наша варшавская Голицына, сказывают, не будет: жаль! Я к ней пристроился бы! А к другим что-то не тянет. Попробую уединения или, лучше сказать, одиночества. Кажется, в первый раз от роду встречу один день рождения и потому не поздравляю вас с ним, Простите, мои милые! Сделай милость, пиши чаще. А отсюда почта отходит только два раза в неделю. Расцалуй детей. Обнимаю и благословляю вас всех от души.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Ревель]. 10-го[-11-го июля 1825 г.].

А у меня все еще судна нет; вообрази же себе или лучше спроси у Софьи Васильевны, каково быть на море без судна и на одном горшке; того и смотри, что сбудется со мною басня le pot de fer et le pot de terre, то-есть, что моя природная сковорода раздавит глиняный горшок. Попроси Софью Васильевну переложить этот аполог в стихи и отправить его в «Благонамеренный» к Измайлову, — Что это не получаю писем от тебя? Ты ли виновата, виноваты ли Карамзины? Вперед надписывай письма к Булгакову или делай два пакета: один на мое имя, а верхний на Булгакова. Я двадцать раз в день жалею, что нет со мною Павлуши и Наденьки; места у меня теперь много, воздух здесь прекрасный, и Наденька купалась бы в теплых ваннах, которые, верно, были бы ей полезны. Погода хороша, по не было еще жаркого дня, так что купание было бы потребностью и наслаждением; впрочем, мне в море хорошо; жаль только, что мелко. До сей поры купаюсь только один раз к сутки, жду хороших дней, чтобы купаться два и три раза: рано по утру, перед обедом и вечером. С хорошими днями начну и рано вставать, а теперь не зачем. Я думал, что здесь буду много читать, писать, а выходит, что ничего не делаю. Ты торжествуешь, но подождем

конца. Вчера был я на плясовом вечере у Шевичевой, сестры Бенкендорфа; познакомился с семейством Клюпфельда, которое поселилось в Ревеле. Сестры не хороши, но, кажется, хорошо воспитаны, и одна приятно разговаривает.

11-го. Вчера ездили смотреть le duc de Стоу, который был в службе у Петра Великого, взят в плен шведами, умер и не похоронен в Ревеле на долги, но прежнему шведскому закону. С 1701 года остался он в целости: все черты лица, все члены, даже..... ногти, кое-где волоса на голове, все в сохранности; разумеется, кожа погрубела, почернела, сморщилась, по все не хуже он какой-нибудь Елисаветы Петровны Глебовой и более похож на человека, чем князь Масальский. Екатеринен-тальский сад прелестен, но море что-то северное и смотрит сентябрем; по крайней мере доньше мало еще дает оно мне поэтической лихорадки. Вчера получил я твое письмо от 30-го июня. Как долго оно тащилось. Ты жалуешься на мое молчание, – перекрестись! Я никогда менее трех раз на неделе не писал тебе. Не валяются ли письма в городском доме? Отсюда будешь ты получать только два письма в неделю, потому что почта более двух раз в неделю не ходит. Я все надеюсь, что ты в Пензу не поедешь: не стоит того ехать, да и как же оставить больного Петрушу? Бедненький! Сделай милость, показывай его чаще Thomas. Поцалуй за меня Машу и поблаговари ее за то, что хорошо учится и послушна, а Пашеньке скажи, что мне больно слышать, что ею недовольны. Надобно, чтобы ты более и более старалась

приучать Машеньку к себе, и таким образом приобретешь её доверенность. Строгость с нею не у места, надобно кротко ее усовещивать, не стыдить грубо, а заставляя ее самой себя стыдиться. Более говори с нею о ней самой. Я получил вчера письмо от Тургенева из Петербурга накануне отъезда в чужие края; он пишет, что Павлуша здоров и очень смешен. Мне чрезвычайно жаль, что я не привез его с собою. Он никакого мне беспокойства не сделал бы; я здесь окружен знакомыми и добрыми людьми, которые смотрели бы за ним в мое отсутствие. Впрочем, большую часть времени таскался бы он со мною. Сейчас лечу в море, потом иду обедать к Пушкиным: дочь именинница и нездорова. Она очень мила и напоминает брата, от которого получил вчера письмо. Он отпущен в Псков., для лечения своего аневризма, но не знают, поедет ли. Мать, кажется, еще просила Государя, чтобы отпустили его в Ригу, где есть хороший доктор. Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас от всей души.

Ты хороша! Не знаешь даже, когда я и родился на свет, когда о том знает университет и весь свет. Не 10-го, сударыня, а 12-го Бог разрешился мною, и вот от чего 13-е есть дурное число. Ты, пожалуй, и дня смерти моей знать не будешь! бесстыдница! А вот, например, я твердо знаю, что нынешнего года сентября 6-го дня будет тебе..... вот я и забыл, сколько: 37 или 38 лет?

41.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Ревель]. 16-го [июля 1825 г. J.

Живу не по твоему. Сегодня встал я в осьмом часу, купался, потом гулял более часа один. Сегодня едва ли не первый летний день, теплый и без ветра, который здесь обыкновенно бывает холоден. Одно только худо, что редко получаю писем от тебя; последняя почта мне ничего не принесла, а из Петербурга только два раза почта приходит. Если и теперь переписка наша, по крайней мере с твоей стороны, так неисправна, то что же будет, когда ты зароешься в саратовскую глушь? Но я все надеюсь, что ты не поедешь, хотя и не знаю, отчего эта поездка мне как-то не по сердцу. Впрочем, ты все-таки поезжай, если можешь взять всех детей с собою. Мне сто раз на день жаль, что Наденька не здесь. Канкрин привезла детей сюда: одно из них страдает английскою болезнью и вовсе не ходило; нет еще и месяца, как они здесь, и оно уже бегаёт. Если на будущее лето все у нас будет по старому, и Наденька и Петруша не будут совершенно здоровы, то непременно надобно побывать им здесь. Доктора Винклера очень хвалят, он имеет здесь 37-летнюю опытность. Мы собираемся на той неделе, т. е. Клюнфельд, Пущин, я и, может быть, еще кое-кто, в Свеаборг морем. Много имеем прогулок в виду, но до сей поры все еще гуляем

на словах, а на деле ни с места или только на обед, с обеда на чай. Не знаю, как это делается: дела не делаешь, а время так и уходит, хотя больших веселий и нет. Завтра открывается здесь зала для ежедневного собрания, открытого от 9-ти часов утра до вечера. Оно тем более кстати, что здешние жители уже почти все разъехались, и губернатор с женою, у коих собирались часто и приятно, также на месяц отъезжают. Как мне хотелось бы доставить тебе портрет Сергея Львовича в шотландском клетчатом плаще, подобном тому, который смешил тебя на Сбедиго. Он точно живописен! Дочери лучше; она очень мила, жива. Клюнфельды также народ предобрый. Здесь тем хорошо, что никаких нет чинов, и на открытом воздухе со всеми бываешь открыто; даже и с Обресковым, румянами покрытым, мы обошлись очень дружелюбно. Одну Екатерину Федор[овну] Долгорукую я еще не встречал и очень тому рад, потому что она, верно, и здесь барится; Бог меня до сей поры помиловал еще и от..... сенатора Сумарокова. Впрочем, со всеми виделся я и подружился, как нельзя лучше и короче. Не знаю, также ли здесь действительны купания, как в Одессе, но, вероятно, жизнь в Ревеле приятнее и со временем еще лучше все устроится, потому что море здесь недавно вошло в моду. Мы на холод не смотрим и купаемся во всякую погоду. Вчера отправил я через Карамзиных к тебе три пояса стеклянные для трех княжен. Прошу не обижать их и не отнимать, а тебе не посылаю, потому что более теперь нет в лавке. Каково у вас лето? Ку-

паешься ли ты? Пьешь ли пирмонтскую воду? Много ли ходишь? Кажется, швейцарки из Варшавы нам не иметь: до сей поры нет о ней ни слуха, ни духа, а, по словам Клюнфельда, Нессельроде и Фовицкий должны теперь быть в чужих краях с Великим князем. Итак, ты можешь подумать о Конусах. Только где их в городе поместим? Нельзя ли взять одного мужа? Не провести ли зиму в Остафьеве или по крайней мере не остаться ли там, как можно, долее, а на короткое время в городе поместимся, как можно. О службе, кажется, думать нечего и особливо же о службе в России; о чужих краях во всяком случае прежде весны и помышлять нельзя. Следовательно, все еще около года имеем перед собою московской жизни и нужду в ком-нибудь при детях. Даю тебе полномочие уговориться с Конусами, только не спеши, чтобы, по обыкновению твоему, после не раскаиваться. У тебя и так уже много неудачных попыток на совести. Пора же сделать хороший выбор. У тебя никакое намерение на уме не лежит; ты тотчас выбрасываешь его, как слабый желудок выбрасывает пищу, еще не переваренную. Каково сравнение? Прелесть, что ты ни говори! Шутки в сторону, это суцая правда. Всякое намерение тебя тяготит, и ты нетерпеливо, и потому и необдуманно, приводишь его в действие, не дождав-шись зрелости, т. е. не дождавшись, чтобы эта пища посредством спасительной работы желудка рассудка обратилась в хорошее, сочное, здоровое г....! А ты думала, что? И конечно, – г....: оно лучший и необходимый результат нашей жиз-

ни, эссенция всего нашего дня. вернейшая ртуть нашего телесного барометра. Человек больной, человек озабоченный, человек беспокойный, порочный, слишком скорый, не имеет хорошего испражнения, а человек, нехорошо испражняющийся, никуда не годится. Спроси у Софьи Васильевны, которая верно логике училась, правильно ли мое рассуждение или нет? Я уверен, что она одобрит его, может быть, найдет в нем признаки *особенного вкуса*, но признается, что оно не без *фундамента* и докажет ей, что я еще протверживаю *свои лады*.

Жаль, что нет при тебе Александра Пушкина, Он умел бы оценить это письмо, а тебе писать все равно, что метать бисер пред свиньей. Итак, прощай, моя свинья. Целую и благословляю от всего сердца тебя и милых поросят.

Можешь показать мое письмо княгине Четвертинской: она тоже хорошо знает эту часть и любит вникать в нее. Да, кстати! скажи ей, что я наконец добыл себе судно, она всегда принимала участие в моем положении и, верно, порадуетя, что оно теперь исправилось: положение человека на судне гораздо приятнее, чем на горшке: *C'est un vilain défaut, que de porter le nez au vent, mais il est aussi désagréable de porter ta chose aux vents en l'air.*

Худо не иметь места, куда преклонить голову, но худо не преклонить и ж....

41.

Князь Л. А. Вяземский своей жене.

[Ревель]. 18-го [июля 1825 г.].

Наконец получил я вестей от тебя и два письма вместе — от 7-го и 10-го. Я так и думал, что две почты соединятся в одну. Радуюсь, что у вас хорошо идет, хотя горюю о Петруше. Что за несчастье у нас с детьми! Кажется, какой Петруша был здоровяк, и золотуха, которая к тому же так хорошо высыпала, по все не помогло. Карамзины пишут, что Павлуша здоров, но я также и на его здоровье не очень надеюсь. У него, верно, желудок слаб. Итак, ты, кажется, решилась не ехать в Саратов. А тебя ждали там или нет? Имела ли ты уже от матушки пригласительный ответ? Ноля твоя, что это нам, как жидам, рассеяться по лицу земли! один в Ревеле, другой в Петербурге, эти в Саратове, тот в Москве. Мы и так уже порядочно разбрелись. Впрочем, какое сильнейшее оправдание перед матушкою, как болезнь Петруши? Ты, верно, лжешь на погоду, чтобы не купаться и не лечиться. Будто для питья пирмонтской воды нужны жары? все-таки можно час гулять по аллее или даже и по галлереям, когда дождь идет, а для купания есть комната. В деревне не мудрено все это устроить. Прошу глупых отговорок не приносить и все делать, что должно. Я возвращусь отсюда 18-тилетним молодцом, а тебя найду еще старше твоей собствен-

ной старости (уж больше, кажется, и нельзя!). Тебе же хуже! Мы вчера, мужская компания, ездили верст за тридцать, человек десять на одних дрожках или, лучше сказать, дрогах, похожих на дилижанс или *désobligeante*, которая отвозит проезжающих на тот свет. Цель нашей прогулки – место прекрасное! Есть прелестный водопад, и ми по острым и узким камням пробрались за водяную занавесь, но не бойся: опасности не было; если и поскользнулись бы, то упали в воду так, чтобы замочить ноги, не более. Речка очень матка, но падение воды довольно сильное, и скала, с которой вода падает, составляет совершенное полукружие, обвешенное хрустальной занавескою; а наверху речка бежит по каменным, широким плитам, точно как по гладкому паркету. Часа три мы только и делали, что лазили по горам и спускались с гор. Море в версте, и дорожка к нему разнообразная. К одном месте стоит балкон, или просто несколько досок положено на четырех обрубленных деревьях; лестница, туда ведущая, не самой прочной работы, гибкая и зыблется под ногами, по мы храбро на нее вскарабкались; впрочем, большой храбрости не было, да и смотреть было нечего, кроне моря и города вдали, – два предмета, которые здесь выказываются на каждом возвышении. С нами ходил старик Вейнер, фортопианист, который на ту пору был форто-каламбурист: он морил нас своим германским французословием. Например, кто-то говорил: «*Voyez, comme la rivière serjiente!*» – «*Ht qu'a-t-elle fait de mauvais, dit-il, pour qu'elle se repente*», или нет, это было

бы правильно, а он говорил: «Pourquoi? est-ce que la rivière se repente? a-t-elle fait quelque chose de mauvais? ah! c'est qu'elle a porté des pêcheurs. И он дождал нас таким образом во всю дорогу взапуски с небом, которое также дождало нас порядочно; но третьего дождя, т.-е. Сергея Львовича, с нами не было. На днях гулял с Пушкиным но дождю и, слушая его, уверился я в смысле своих стихов:

Однажды

Шел дождик дважды.

И вот как le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable. Вечера, заведенные здесь в галлерее, кажется, пошли в ход. Вчера мы поздно возвратились, и бедные дамы сиротели без нас, ибо вся блестящая молодежь, или весь ревельский мир, был на дрогах. Зато сегодня все расцветет радостью и присутствием нашим. Л меня ждет еще другая радость: рост-биф у Гамильтона. Жена его также совершенной английской породы, как и рост-биф. Картинная англичанка, т.-е, в роде тех, что видишь во французских карикатурах. Впрочем, она, кажется, женщина умная, хорошо воспитанная и добрая. Дочка у них очень мила. Гамильтон уморителен. Все свое хвалит, от крыжовника до жены, точно как. Василий Львович. Он живет за городом на плоском месте и уверяет, что у него лучший сад и лечебнейшее место в мире, здесь есть сад другого англичанина, который точно опрятен и кра-

сив, как кабинет щеголихи. Все устлано дерном, как зеленым бархатным копром; других дорожек нет, и это прекрасно. Я нашел только, что дочь его довольно худое растение в таком хорошем саду; впрочем, лицо её цветет: что же будет, когда созреет?

Я о полотне здесь спрошу, но не думаю найти. Порт заперт в наказание за контрабанды, и торговли вовсе нет. У пристани нет кораблей, и море сиротеет. Может быть, где-нибудь подалее найду. Не знаю еще, поедем ли, т.-е., поплывем ли в Свеаборг. На той неделе решится. Я никак не успею выкупаться 60 раз, ни даже сорок: погода не позволяет купаться вечером. Увидим, что будет впереди. Я получил письмо от Тургенева из Риги; он грустен; тебе велит сказать: *все, что Бог дружбы мне на сердце положит*. Со всем тем деятельная набожность его не покидает; он на несколько часов остановился в Риге и был у 2 русских и у немецкой обедни. Впрочем, в тот же день, т.-е. 12-го, то же делал и я и, сверх того, был еще у эстляндской. Здесь по киркам хорошие орги. Ты не любила бы здешних церквей: при входе почти в каждой стоит несколько экипажей смерти, и полы намощены надгробными камнями. Таким образом здесь в церквях настоящий *hôtel garni* покойников. Есть им, на чем проехаться и где лечь; впрочем, уже давно не хоронят в храмах.

Гамильтонша приехала на днях в нашу галлерею к семи часам; в половине осьмого начали съезжаться, а она убираться домой. Ее удерживать, спрашивать, зачем она едет так ра-

но. Она отвечает, qu'elle n'aimait pas à veiller. Этот ответ, сказанный в присутствии солнца, а quelque chose de sublime. Исправно ли получаешь мои письма? Я пишу два раза в неделю: более нельзя. Прости, моя милая, обнимаю, благословляю вас и целую всех от души. Машеньку благодарю за письмо и за слезы, Пашеньку также и целую обеих.

Извини, что в этом письме нет ни одного свинства, по я посылаю его через Карамзиных. Зато в следующем будет двойная порция: лучше попользоваться тебе одной, чем делиться с другими. А у меня есть еще прекрасная штучка о судне... морском, разумеется! (Exprès!). Однакоже, так и быть, напишу его симпатическими буквами, так что они не разберут:

Приписка Екатерины Андреевны Карамзиной.

Puisque votre mari nous ft laissés dépositaires des secrets, qu'il vous communique, je vous dirai aussi, mon aimable et chère amie, le plus agréable des secrets, celui, que le cher Paul sc porte à merveille, mange bien, mais pas trop, dort bien, marche et court beaucoup et surtout digère parfaitement Ce n'est que les premiers jours de son arrivée, qu'on lui a donné une couple de fois de la rhubarbe, mais depuis il n'a besoin de rien, et que le Ciel nous accorde la grâce de le voir toujours aussi bien portant. Pour ce, qui est des progrès en science, ceci ne me regarde pas; faites-vous rendre compte par ceux, qui en ont été chargés. Jo volts conseille de suivre les avis de votre mari par rapport à votre santé,

ne serait-ce que par amour propre de coquette, si ce n'est par celui de l'humanité, qui agit pour la conservation. Nous revenons de Peterhoff, où nous avons eu le plus beau temps et la plus belle fête, qu'on puisse voir. Nous serions très contents de notre existence, si ce n'était la santé délabrée de mon pauvre mari, qui m'ôte toute faculté de jouissance. Pour le reste de la famille, tout le monde se porte bien. Je fais des vœux, pour qu'il en soit do même avec vous tous et que le petit Pierre se débarrasse de ses humeurs. Adieu, je vous embrasse de tout mon coeur, aussi que les chères nièces et avec une tendresse particulière ma chère Mâcha. Mon mari vous baise les mains à toutes.

Приписка Софии Николаевны Карамзиной.

Pour moi, ma charmante tante, je irai point de rapports à vous faire, puisque vous ne m'avez pas jugée digne de la moindre confiance pour l'éducation moral et physique de Paul, mais je ne puis m'empêcher de lui rendre justice: e'esL bien le plus délicieux enfant, que j'ai jamais vu; il est d'une docilité, d'une humeur charmante; il semble, qu'il ait passé sa vie panais nous, tant il y est à son aise et bien avec tout le monde. Un de ces jours nous comptons vous expédier une longue epitre bien détaillée avec de belles ceintures, en vue qu'on vous envoie de Revel. Pour le moment, je n'ai que le temps de vous embrasser, comme je vous aime, bien tendrement.

S. K.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Ревель]. 22-го [июли 1825 г.].

А я все не могу добиться до того, чтобы два раза в неделю получать письма твои. Верно, опять два письма придут в один раз. Со вчерашнего дня у нас лето во всей красоте! на долго ли? Зато уж я не выхожу из моря, или не схожу с лошади, или с гор. Все одно горе у меня, что вода мелка; надобно идти с версту от берега, чтобы иметь воду но груди, а то надобно плавать *ventre à terre et с.. en l'air*. Одна выгода, что наши купания мужские очень близки от женщин, и утешаешься тем, что и... не даром выказываешь. Сегодня здесь празднуют Марию Федоровну картинами, концертом, спектаклем, все это благородными артистами обоего пола, а после все собираются в вале. Девушки Клюпфельды поют: голос их довольно приятен. Как Клотильда переменился! Помнишь ли его судорожную веселость, вечное движение, по которым предсказывал я, что он с ума сойдет. Все это пропало! Он точно болен и едет в чужие края, кажется, на несколько лет; отпущен бессрочно Великим Князем со всеми почестями и выгодами.

Вчера ездили мы в *Вимс*, деревню Буксгевдена, верст за 12-ть, на тех же дорогах смертных, с Пушкиными и барынями Дороховыми: вдова Дорохова, которая была девицею Прота-

совой), родня Карамзиным, потом была Маркова, – овдовела, Дорохова – овдовела и теперь, кажется, осуждена вдовствовать решительно. У неё две барышни: старшая Дорохова, дочь мужа от первого брака, и дочь своя от Маркова. они добрые люди et je me mis acosquiné à eux ou à elle. Мадригалов однакоже никому еще не писал и, кажется, не напишу. Вообще я ничего не пишу, кроме писем, и то к тебе и к Карамзиным, и почто ничего не читаю. Мои все новости переходят из рук в руки и до меня не доходят; впрочем, и читать некогда: целый день проветриваюсь (однакоже не целый день пускаю ветры) и мочусь (однакоже не целый день стою над урыльником), а дело в том, что сижу в море или стою на ветру. Физическая жизнь здешняя мне очень нравится, хотя она и самая трезвая: здесь довольно худо едят и пьют. Вимс – место хорошее, на горе лесистой; виды на море, на город, на острова. По дороге развалины древнего монастыря святой Бригитты; на возвратном пути луна выглядывала из пустых окон обители. Меня схватил припадок поэтической меланхолии, и я наслаждался, стоя на пароме один, отставши от прозаической толпы; тут паром на речке у самого падения её в море. Одно только на этом месте разрушает очарование: жид Буксгевден, содержатель парома, берет за перевоз по 25-ти копеек с лошади, даже и с крестьянской, и таким образом бедный крестьянин должен платить за перевоз и обратный полтину, т.-е. иногда более того, что он может выработать. Я опишу свое ревельское пребывание, хотя единственно для

того, чтобы ошельмовать этого. а может быть и устыдить его. Кстати! Прошу беречь мои письма. Я тут найду материалы для себя, а до сей поры еще не начал я вести журнала. О полотно я спрашивал. Его здесь получают, как и все товары, из Петербурга. Уже семь лет, как порт здесь заперт в наказание за контрабанду.

Не могу писать более: перо прескверное, а море прекрасное, да и здесь рано обедаю. Уже третий час: иду купаться. Прости, моя милая. Цалую тебя нежно и обнимаю и благословляю вас от души. Денег не присылай. Здесь расходы не велики. Не могу собраться написать, т.-е. отвечать, Чернышеву, Галифу. Море меня обленило. Будь здесь Дерптский университет, я охотно переехал бы жить сюда. С 2Б.000 дохода можно здесь жить в довольстве. Еще раз цалую. С Еленою Ивановною делай, как знаешь. Окулова получила ли мое письмо? Есть ли что от Пушкиных Елене Григорьевне? Нет дня, чтобы я несколько раз не подумал о Пушкине. Никакая смерть постороннего на меня подобного впечатления не делала.

Напиши Орлову Михаиле или Орловой о Мамонове, Может быть, он и придет к нему. Может быть, и есть еще способ его образумить, а таким образом его совершенно и безвозвратно взбесят. Я сказывал в Царском Селе Мамоновой, чтобы она писала брату, с которым уже она давно в ссоре; не знаю, послушалась ли она моего совета, хотя и обещалась. Теперь все растрavляют Мамонова; надобно же. и покоить

его. Он, верно, не в своем уме, но тем более должно беречь его и стараться привести его в себя. Может быть, и Орлов в том не успеет, по крайней мере, один он, может быть, испытает это с надеждою на успех. Ты можешь переписать ему мои слова.

Князь П. А. Вяземский сваеѣ жене.

[Ревель], 20 [июля 1826 г.].

Вот письма от к[нязя] Василия, но довольно старые. Имеются ли деньги для него? Пока я здесь, то пришлите, а я перешлю. Вчера говорили обо мне и, как сказывают, довольно благосклонно, но я сам еще до зимы ничего решительного предпринять не могу. Устроятся ли так дела, чтобы можно было весною отправиться за границу, где место мне обещано на мой выбор? Более всего нравится мне пока вице-губернаторское место в Ревеле, которое теперь еще занято, но, кажется, скоро будет упразднено, и это мне место обещано, когда очистится. На этом месте в два года можно отложить тысяч сорок, и тогда на этих деньгах легче будет отправиться далее. Ревель всем хорош: уж не совсем Россия; дешевизна, природа, здоровый воздух, рассеяние не круглый год, а два раза в году; много порядочных людей; а если бы далее пожить, то для Павлуши и дерптский университет не далек; близость Петербурга для дел, для Карамзиных; самое вице-губернаторство в тех губерниях не кабачное дело, как у нас, а место чистое. Вот много преимуществ, и все несомнительные! Не говори только никому об этом месте, ни даже о переговорах моих вступить в службу. Теперь прости. Обнимаю и благословляю вас от души. Что Лодомирские? Будут ли они

осенью в Москву! Я охотно сделался бы с ними в рассуждении Остафьевской фабрики. Спишись с ними и отбери у него решительно; будет ли он в Москву, захочет ли года два быть в Остафьеве и в товариществе со мною по фабрике? В случае нашего отъезда можем сделаться с ним и об городском доме,

Цалую нежно.

25-го.

44.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Ревель]. 26 [июля 1825 г.].

Так и есть! Я опять два твои письма получил вместе. Ты меня все пугаешь Петрушею. Показывай его чаще Thomas. Зато спасибо Наденьке, что она так хорошо ходит. Можно ли было ожидать, что она перегонит Петрушу? Ты жалуешься на погоду, на холод и на грозу. Как это согласить вместе? А у нас третий день, как погода прелестная, и я вздыхаю по грозе. Вчера ездили мы на корабль адмирала Кроуна, который с своею эскадрою приставал к Ревелю. Я в первый раз видел военный корабль снаряженный. Что за великолепная машина этот плывущий мир! Я был в восхищении и сердечно жалел, что не посвятил себя морской службе. Вот поэзия в мундире! Военное сухопутное ремесло возвышается в военное время; гражданский мундир не лакейская ливрея в тех только государствах, где царствуют законы и свобода; должность моряка имеет во всякое время много поэзии, то-есть смелости и благородства. Он завсегда имеет перед собою сильных друзей или сильных врагов (лучше бы *могущих*), небо и море. С ними честному человеку весело ладить и бороться. Моряк посвящен в таинства природы: он с нею в тесной связи. Пыль и грязь природы до него не касаются. Он проникает в её лучшие тайники, в бездонную бездну океана и в сокровенное ло-

но бурей. К сожалению, эскадра, с которою надеялся я поворотиться, получила неожиданно покоевание от Государя возвратиться немедленно в Кронштадт. Адмирал Кроун, 70-летний молодец, храбрый, ласковый, добродушный, обласкал нас и показывал нам корабль во всей красоте. Жаль, что они не могли здесь остаться долее: я непременно отправился бы с ними; но со всем тем я все еще не теряю надежды отправиться морем в Петербург. О Свеаборгском путешествии, кажется, думать нечего. Этот проклятый Сумароков тут впутался и прежде трех недель не едет. Тогда, боюсь, будет поздно. Сегодня думаю ехать в Гапсаль, верст около за сто, где тоже есть купания; пробуду там дня два, три или сколько проживется, или покупается. И потому, может быть, следующей почты от меня и не получишь. Может ли быть, чтобы мои письма не доходили до тебя исправно? Регулярно пишу тебе отсюда два раза в неделю и посылаю письма к Булгакову петербургскому. Не задерживаются ли письма в московском доме? Кажется, на почте их задерживать не зачем! Они дышат благочинием и глупы даже не по чину моему. Не только коллежскому, но и тайному советнику не быть выдержнее меня на мысли и на уме! Посылаю тебе первый том Genlis и при нем морской сухарь, взятый с корабля для тебя и с ведома адмирала, который был тому очень доволен и смеялся; впрочем, и первый том Genlis род сухаря; следующие томы немного будут подобнее. Они теперь ходят здесь по женским рукам. Я если сам не читаю, то по крайней мере про-

свещаю здешнюю область. Я думаю, оттого и здоров и весел, что ничего не делаю, не пишу, не читаю и не думаю. Может быть, поглупею, но у нас это не беда. Напротив, может быть, еще и вперед пригодится, а особенно же, если запишусь в службу. Слава Богу! сейчас вдали прокатился гром. Увидим, что будет.— 22-го у нас здесь праздновали вдовствующую Государыню. Театр был наполнен, и живые картинки удались, хотя выбор был довольно странен для случая. Представляли барку Харона, зато в концерте пели из Cendrillon: «Te laisses-tu mourir». Одна здешняя барышня играла превосходно на фортепиано. Из театра все отправились в нашу Катеринентальскую дачу и плясали усердно и верноподданно. Я и так познакомился с молодою Пушкиною; она премилая девочка. Она, Дорохова и я живем в большом ладу и составляем также тройственный союз, и прошу верить, также святой и совершенно безгрешный. Здесь еще есть милая бабочка, черная, как арапка, — Жадовская¹⁰, дочь Донауровых. Вот и все мои занятия и вся моя команда. Здешнее ревельское общество совершенно рушилось. Вчера уехала губернаторша, женщина умная и образованная. Много и приезжих разъезжаются: сегодня уехала Кожина и Бороздина с дочерью, красавицею в иголку или в булавку с бриллиантовою головкою. В самом деле, голова прекрасная, но рост крошечный, и негде по ней мысли расходиться ни вдоль, ни поперек: так же мила, как и худа. Опять мое ожидание не сбылось: гроза до нас не дошла

¹⁰ В оригинале написано Ждановская.

и разлилась дождем. Авось, нальется воды в море, которое высохло как Сонцова. Более, нежели когда-нибудь, плаваю *ventre à terre*. Иногда хожу в городские купания, где воды гораздо более, но скучно ходить туда в зной. Зато в Гапсале купаюсь до-сыта. Мое путешествие сюда, вероятно, не столько мне, как Михею, пользы принесет. Здешний доктор лечит его, и он употребляет теплые ванны, которые ему много добра делают. Выйдет, что его курс гораздо дороже моего будет стоить. Мне очень жаль Якова; он очень был прилежен и смышлен, если, впрочем, ты говоришь о том, о котором думаю. С поваром Василием делайте, как хотите и как умеете. Сюда приехали Лебцельтерны, но я их еще не видал. Они живут за другим концом города. Видишься ли с Зенеидою и где она, в Москве или в Воронцове? Гамильтона вижу часто и иногда у него обедаю. У него вина не по годам, а по часам растут; нет моложе столетнего: *ce sont les Benjamins de la cave*. Я не помню, был ли он прежде такой гасконец, как ныне. Во всяком случае жена у него старше вина, но не упоительнее. Умора, что делает она на фортепиано: и точно играет бегло, так что и слушатели рады бежать, а добрый Гамильтон глаза к небу и тает. Вот письмо от князя Василия. Устройте же его дела с Пospelовым и Толстым! Перезаложено ли его имение на 25-ть лет, а если нет, так зачем не перезакладывают? Доверенность его, на мое имя данная, должна быть у Ивана Иванова или Пospelова. Если нужно мне будет подписать доношение или что другое, так пришлите сюда,

чтобы не задерживать дела. А дело князя Федора устроено ли князем Павлом Павловичем? Если увидишься с графом Григорием Орловым, скажи ему, что при мне Крылов еще не получал экземпляра басен и потому и благодарить не мог, Слава Богу, еще удар грома! Может быть, гроза меня ждет и не хочет маневрировать без меня. Итак, прости и простите. Обнимаю, целую и благословляю вас от всей души, не забывай же, что одна почта может придти для тебя с пустыми руками. Будьте здоровы.

Приписка Екатерины Николаевны Карамзиной.

Paul continue à se porter à merveille, chère et bonne tante, et ses joues embellissent tous les jours en devenant plus vermeilles et plus rondes encore, qu'elles ne l'étaient à son arrivée ici; je crois, que le beau temps y contribue beaucoup. Nous avons de nouveau l'été avec son brûlant, soleil, son air doux, ses belles soirées, ses belles étoiles, enfin avec tous ses beaux attributs; d'après ce, que vous dit mon oncle, il me semble, que vous êtes moins heureux sous ce rapport à Moscou, et c'est bien à regretter, surtout lorsqu'on a, comme vous, des petits êtres souffrants, pour qui un bon air est ordinairement un remède si efficace. Veuillez, chère et bonne tante, distribuer de tendres baisers à votre petite famille et, en recevoir deux bien plus tendres encore pour vous-même.

Catherine Karamzin.

Приписка Екатерины Андреевны Карамзиной.

Votre fils veut barbouiller sous ma direction un baiser pour vous et pour ses soeurs et son frère.

45.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Ревель) 31-го [июля – 1-го августа 1825 г.].

Вчера вечером возвратился я или возвратились мы, потому что со мною ездил Пущин, из Гапсаля и прочих, и прочих мест, куда путеводила нас наша кочующая звезда. Вот тебе журнал путешествия. Мы выехали в субботу в полночь 25-го или, правильнее, 26-го, потому что воскресенье было уже на дворе, когда мы тронулись со двора, и таким образом воскресенье сменило нас в Ревеле. До утра ехали мы и ничего не видали, разве во сне, да и того не помню; помню только, что за несколько верст от города вылезли мы из коляски, завязнувшей в песках, и прошли с полверсты пешком, там сели и опять заснули. Часов в 8 утра представился нам на дороге замок довольно красивой наружности, а в нашей внутренности представилось желание есть. Спрашивать там, здесь, – везде один ответ: «*ei moista*», то-есть, «не понимаю»! Наконец, хозяин замка, 70-летний старик, барон Стакельберг за-видел нас и, велев расспросить у нас раза но три наши имена, пригласило, к себе и напоил хорошим кофеем. Мыза его – Riesenberg; дом обширен и хорош; построен, омеблирован все собственными людьми и стоит 28 тысяч, а по оценке нашей тысяч около ста. У него жена и много детей, но все в разброде. До Гапсаля не нашли мы ничего примечательно-

го, кроме весьма порядочного обеда в корчме под вывескою: «*Астанависа*», т. е. «остановися»! и то же самого на немецком и эстонском языках. Примечательно и то, что обед нас двух и двух людей наших стоил рубль. Дешевизна везде чрезвычайная, в особенности же за Ревелем, где нравы еще во всей чухонской простоте. Здесь приезжие уже набивают цену. Гапсаль – род Подольского, но Подольского на море. В середине города и перед самыми окнами трактира, или кабака, в котором мы жили, возвышаются и великолепствуют развалины древнего монастыря, епископства укрепленного. Я люблю развалины. Рябина растет и краснеет на обломанных стенах, может быть, на том же самом месте, где толстел и краснел благочестивый монах за стаканом рябиновки или тому подобного, потому что рябиновка российское и новейшее произведение, как о том говорит Шишков в своей Академической речи и Сергей Глинка в 16-й главе своей истории. В Гапсале есть также собрание больных, довольно здоровых: семейств 30-ть, более из Петербурга, но мало коренных русских. Есть галерея, куда собираются два раза в неделю плясать под дождем, когда Бог велит, чтобы шел дождь, а если нет, то все довольно сухо. Мы тут нашли ревельских наших Мантейфеля и Башуцкого, адъютантов Милорадовича; Мантейфель – умный и милый малый, Башуцкий – урод, для Башуцкой породы. Мы сейчас познакомились со всеми и были Чернышевыми, Кассельскими героями, собрания.

Было несколько милостивых творений. Сиротка *Кнор-*

ринг, воспитанная старухой Ренненка[м]пфъ, – не красавица, а мила, героиня Августа Иафонтена; не любит Ревеля, потому что Ревель слишком большой, блестящий город, и предпочитает ему Гапсаль. – Говоря о развалинах я забыл сказать, что есть еще высокая башня, на которую мы взобрались. Виды с неё обширные, но море в Гапсале не хорошо, перерезано островами. Морское дно черное, зеленоватое, свинцовая глина: ноги, точно как в теплой каше. Этой грязью хорошо тереться, и лице, говорят, от того белеет, а как намажешься, – походишь на железную маску в драме Коцебу. Года, кажется, за три, верх одной стены, не моря, а развалин, обрушился на деревянный домик, из коего псе убежать успели, кроме одной молодой девушки, тут погибнувшей. С её могилы перейдем опять на бал, где укажу тебе на петербургскую девицу Rchette, лица красивого, стройную, живую, не блестящей породы, как сдается, а с Васильевского острова, петербургского Замоскворечья, а я, ты знаешь, и в красавицах враг аристократии. Красавицы под пышным гербом редко мне нравятся: они обыкновенно сухи, жестки, как их родословный пергамент. Тут познакомились мы с одним Кноррингом, у которого на другой день были на мызе версты за три (Weiasenfekl). У него нашли родственницу его из Ревеля, которую еще я не знаю, Баранову, но не меринской и не московской породы, а здешней; у лея дочери две, из коих одна совершенная красавица, но довольно ледовитая. Так как в воскресенье не весь Гапсаль был на бале, а следу-

ющее собрание было назначено в среду, до которой мы не хотели оставаться, решили мы с общего согласия уговорить entrepreneur созвать весь народ на другой день, обещаясь заплатить за освещение, музыку и прохладительные, которые здесь, то-есть в Гапсале, не дороже, да и не вкуснее промывальных. Так и было сделано. Крылатая молва разнеслась повсюду, и вечером было около двухсот человек в зале, и многие из них, а особливо же из женщин, были точно с человеческими лицами. На другой день, покатавшись по морю с некоторыми из дам, которые от нас не отставали и учредили новую прогулку мимо окошек наших (извините! не нарочно промолвился)¹¹, оставили мы Гапсаль в слезах, т. е. Гапсаль, а не мы в слезах. Для совершенно больных Гапсаль, думаю, лучше Ревеля: вода действительнее, да и жизнь гошпитальнее. Климат также должен быть получше: по крайней мере, хвалят тамошние фрукты, груши, reine-claude. Впрочем, и здесь в растении, то-есть в прозябении, большая разница с нами. В Катеринентальском саду есть каштановые деревья прекрасные, растущие без присмотра и выносящие зимы, не хуже варшавских.

Эпизод.

Боже мой! Что за несчастье не уметь бриться! Сейчас матрос жирною, вонючею, мокрою рукою гулял по лицу моему и точно гулял, потому что руки его воняли потом, которым

¹¹ Оговорка эта объясняется тем, что сначала вместо наших князь П. А. Вяземский написал моих.

обыкновенно воняют ноги chez le commun des martyrs. Каково же было мне судить об этом анатомическом феномене! Если бы ты видела, если бы ты чувствовала, как он лапою своею (вот настоящее и обоюдное здесь слово) лобызал мои уста и трепал, как грации, *мои ланиты тучны!* Нет! лучше не знать грамоте, а уметь себя брить! Только что приеду в Москву, отдам 11 аилу ту не в школу, а в цырульню. Справься, где лучшая.

Продолжение рассказа.

Во вторник итак, т. е. итак во вторник, мы выехали не без труда: не то, чтобы мы сердцем привязались к Гапсалию, а то, что лошади не шли с места, потому что фурман напился пьян; несколько добрых подзатыльников, данных ему сторицею, по примеру Дашкова с Шишковым, выбили из него упоение, и мы полетели рысью. Мы поехали по другой дороге. В окрестности Гапсаля мелькали мызы, довольно красивые. Здешние дороги там, где нет песка, чрезвычайно хороши: слой земли каменистый, и везде натуральная шоссе превосходная. Зато пропадешь в песках с лошадьми чухонского происхождения и немецкого воспитания. Поля хорошо обработаны и все обведены оградами, по большей части из камней, друг на друга поставленных, вышиною в аршин или в полтора: признак уже некоторой образованности в домоводстве и обдуманности. У нас все делается на Божию волю. Русскому Богу много хлопот за нами; чухонскому менее: люди менее на него надеются и менее плошают. Наруж-

ность здешних сел и поселений бедная, грустная, даже отвратительная; но на деле, полагаю, нет большой бедности. Я не мог еще порядочно узнать, какие плоды принесла здесь свобода крестьян, или по крайней мере некоторое их освобождение. Кажется, de fait все или многое осталось по прежнему, и ни господа, ни крестьяне не дали еще себе отчета в новом своем положении. Вообще все-таки мера принятая хороша: главное дело сделано. Рабство, нарост уродливый на теле, срезан: от врачей, от больных, от времени, от обстоятельств зависит последствие. Скоро ли больной встанет на ноги и пойдет, долее ли пролежит и прохворает, – по все уже он облегчен и не умер под ножом оператора. Весь этот переворот, конечно, доселе более на словах, чем на деле существующий, совершился без шума, без бунта. Это тем замечательнее, что не все были разом освобождены, а по ломтям. Может быть, другая, а не чухонская природа, и не выдержала бы этой очереди. Все растущее поколение будет грамотное: не дают причастия детям без экзамена. Вот лучшее орудие, чтобы добыть и упрочить свободу. Всю ночь мы проехали, или простояли в корчме или у корчмы, или пролежали, а утром очутились мы в мызе г-на Рамма *Padis-Kloster*. По внушениям рыцарских преданий и наущениям голодного желудка, постучались мы у ворот замка. Нас впустили; самих хозяев не было, но был приятель дома и кофе. Тут также развалины древнего монастыря (все это памятники католицизма) и развалины, поруганные чухонским и варварским рас-

четом. Многие стены обломали и построили из них господский дом; в остальных стенах завели анбары, клева, подвели соломенную крышку, и чухонская экономия ругается прахом столетий, Прерываю рассказ одного путешествия, чтобы предпринять другое, не такое большое. Идем на тех же смертоносных дорогах в *Tuuepm, Tisskert*, верст за 12-ть, лучшее, говорят, место в окрестностях ревельских: крутая, высокая скала на берегу моря, Левкадский прыжок. Увидим! Пока прости; я зайду за тобою в *Padis-Kloster*, чтобы идти далее. Между тем, спасибо за письмо, которое мне сейчас принесли, от 19-го. Я нее сокрушаюсь о Петруше и надеюсь на Thomas. Сейчас окропил мне ухо Серг[ей] Львов[ич] и проворковал старым и хриплым голубем, что линейка готова, и меня ждут. Вот можно о нем сказать, *que ses paroles mut comme la rosée du ciel.*

Вечер.

Не ты неисправна, моя милая, а почта. Вот сегодня получаю три письма от тебя: от 19-го, 22-го и 24-го. Слава Богу, что Петруше получше. Сажайте его в соленые ванны. Гапсальская грязь должна быть бальзамом для детей. Жаль мне, что князья проиграли процесс; но нельзя ли еще поправить? Потолкуй с князем Павлом и снесись с Толстым. Как мне жаль и молодого студента! Как он казался тих и добр. Что за ужасное создание человек! – Варшавская швейцарка найдет скоро место. Пускай пока она живет у нас, если ты решилась взять Конусов. Возвратимся к моим путешествиям. Идти ли

по порядку? Нет! перескачем со мною на Тишертскую скалу, с которой я сейчас возвратился. И в самом деле место прекрасное! Скала, зелень и море, вот богатые материалы для картины. Скала версты с две или более: величественная крепость природы! Здесь висит она круто над морем, здесь подается уступами, то голыми, то одетыми деревьями, растущими в различных направлениях. Начало скалы красивой наружности и зеленеет под дерновым бархатом; на первом этаже стоит домик консула, кажется, английского, с развевающим флагом; подалее на площадке желтеет жатва, точно пол золотой в изумрудном храме! Далее скала морщится; тут она улыбалась. Вид её становится дикой, и дикость её величественна. Вечер был прелестный, и захождение солнца восхитительное. На краю горизонта облака пылали, как огненные горы, из волн выходящие. Вдали Ревель был освещен; море было тихо, но прибрежные валы его с невыразимым шумом и с обыкновенною расстановкою ударялись в берег. Французское слово *bruissement* довольно хорошо выражает и действие и звук. Что за поэтический голос в этих столах моря: оно как будто сетует, как будто жалуется, что обнимается с землею, как молодая жена, которая, цалуясь с дряхлым мужем, невольно вздыхает и удерживает в груди свои вздохи. Далее от берега, там, где валы дома, они окликаются между собою совсем иначе! Я непременно поеду еще раз в Тигаерт ночевать, провожать и встречать солнце. Теперь возвратимся в Radis-Kloster, откуда я тебя схватил и перебро-

сил с собою через расстояние и время. Но на лету услужу тебе гостинцем. С нами ездил Дубенский, богатый питерский житель и славный своею крепостною музыкою; он жестоко красноречив и говорит так кудряво, что каждое слово его в завитках. Вот и это жестоко воняет припекою щипцов! Как бы то ни было, вот его фраза: «J'ai coulé ièi des jours filés d'or et de soie, comme dit M-me Sévigné». Впрочем, и Кассельский Чернышев говорил однажды: «il a été attrapé flagrant délit, comme disait Napoléon».

Чухонский бич хлопнул, и мы из Padis-Kloster поехали верст за двадцать к Кнорринговым, о коих говорил я тебе в первом письме. Дом его прекрасный и также состроен, меблирован его людьми и стоит, верно, впятеро менее такого дома у нас. Мыза его (Wichterpal) у моря, и с балкона оно видно так же, как и городок Балтийский Порт, куда также ты со мною съездишь. У них нашел я Клюпфельда с сестрою из Ревеля, и мы очень друг другу удивились. Дом Кнорринга устроен, как нельзя лучше, и даже с отменным щегольством, — не только комнаты, но и все домашнее житье-бытье как для хозяев, так и для гостей. Жена его, как я тебе сказывал, красавица и вместе ключница. Она водила нас по всем чуланам опрятным, где держит молоко, чеснок, яйца, хлеб, холст и прочее, и прочее. И так как в домашнем быту у них нет никакой скупости, а напротив более довольство и изобилие, то ключ ничуть не портит её рук и делается у ней эмблемою порядка, а не скупости. У нас большой недостаток в

воспитании девиц, что их не приучают к домоводству. Кноррингова сказывала мне, что хозяйственные занятия отнимают у неё два часа в сутки, и она доказательством служит, что они ничуть не сушат души и не наводят морщин ни на нрав, ни на лице.

Выдав десяток луковиц или часть телятины, она возвращается в свою гостиную и не хуже вас, чисторуких барынь, готова кокетствовать на свой немецкий и лафонтеновский лад. Пускай хоть это примирит вас с немецким хозяйством. Шутки в сторону, я желал бы, чтобы паши княжны побывали в этой школе. Меня это совершенно обворожило. Муж также большой хозяин в большом масштабе, и крестьяне его, сказывают, благополучны. Мы ходили по жатве: жницы все опрятно одеты, и, чтобы им не было скучно работать, чухонский трубадур с волынкою под мышкою, ходит взад и вперед по полю. Это, кажется, уже лишнее и, как будто, насмешка над потом, орошающим лице бедных работников. Добро еще песни наших крестьян на работе: они поют сами, когда хотят и когда поется, но этот *accompagnement oblig * мне совсем не нравится. Это песни жрецов при заклании жертвы; веселее ли ей от них? Мы хотели ехать в тот же день, но ласковость и обещание доставить нас на другой день морем в *Baltis Port* заставили нас остаться ночевать, а коляску отправить в город сухим путем. Усталость также заставляет меня оставить до завтрашнего дня окончание рассказа, а теперь иду спать. Простите, мои милые. Обнимаю и благословляю

вас. Под солнцем, на море и на скалах, посреди восторгов и рассеяний возвышенных, воспоминание об вас, как облако, заглядывает в сердце мое. Хорошо, а все чего-то нет, да, впрочем, и во всей жизни все чего-то нет! Купания, кажется, помогают мне и крепит мои нервы, но все не могу совершенно отделаться от каких-то облачков, которые внезапно набегают на меня. Должно однакоже признаться, что эти сердечные затмения редки, не продолжительны и не совершенно мрачны. Вообще я здоров духом и телом. Обнимаю вас.

1-го августа.

День ненастный, дождь и, кажется, на целый день, на природе физиономия осенняя; но мне однакоже не помешало купаться. В Катеринентале гулять нельзя; возвратимся в Вихтерналь. Как я там ел, это ужасно! Вместо супа подавали какие-то пироги из каши, род ватрушки, и обливают их сливками, простоквашею и творогом: объедение! Но деревням везде это блюдо в обыкновении два раза в неделю, в среду и, кажется, в субботу! Ночь провели также хорошо на чистых, мягких постелях, все обзаведение домашнее хорошо обдуманно и устроено, На другой день встали рано, до 8 часов плотно два раза позавтракали и пустились на чухонской лодке морем в Haitis Port, верст за 12-ть или поболее. Время было тихое, и в этой прогулке ничего не было поэтического. Версты за четыре от пристани принял нас дождь и хлестал до самого берега. Крупные дождевые нули с небес-

ной тверди скакали по равнине морской, но никакого следа в море не оставляли: вот что называется кидать горохом в стену! Балтийский Порт есть не законченная мысль Петра или Екатерины, наверное, не знаю, а кажется, обоих. Мы видели тут развалины значительных укреплений и нескольких миллионов, брошенных в море, потому что ничего не кончено, и время в море подмыли труды человеческие. Порт имел бы ту выгоду, что мог бы почти весь год быть отперт, потому что море редко, и то на несколько только дней, здесь замерзает. Здесь море прекрасное, и вид на него безграничен: здесь оно барится, а не жметя к земле, как в Ревеле или в Гапсале. Зато уже твердая земля в городе и около весьма бедной наружности. В истории его примечательно, между прочим, и то, что при Екатерине несколько шведских лодок им овладели и наложили на город значительную контрибуцию, несмотря на то, что город имел коменданта с полком. Может быть, это забавное приключение отвратило Екатерину от дальнейших видов на порт, обещанный при самом рождении. Недавно устроили в нем деревянную гавань, куда заходят корабли в сильные непогоды. Мы тут нашли преемника того коменданта, который принял нас хуже шведов и в 11-ть часов утра приглашал нас остаться в городе весь день, добро бы с тем, чтобы у него отобедать, нет, а после обеда напиток чаю. Нам этот чай показался горчицею после ужина, и мы, покупавшись весьма неприятно, потому что дно моря у берега вымощено острыми камнями, и пообедав налегке у трактир-

щика, поворотили оглобли в Ревель, к 48 верстах от порта состоящий. Всего примечательнее тут показалось (*sic*) нам осетр, величиною в сажень слишком, пойманный русскими рыбаками из Осташкова, с давнего времени промысляющими здесь рыбным промыслом тысяч на сорок в год. Чухна покупает мелкую рыбу, кильки и проч., солит ее и продает по деревням и городам. За этот осетр просили сто рублей. Мне представилась радость московских бригадиров, если подать бы им такого осетра за столом, и в легком тумане явились мне тени Дурасова и графини Толстой, летающими и сетующими над этим осетром, подобно алкионам. Приближаясь к Ревелю, увидели мы на небе приготовление сильной грозы или сильных гроз, обхвативших небо кругом, Небо было перерезано грядами разноцветными. Крайняя гряда на горизонте была желто-медная; я никогда не видывал подобной. Точно медная стена со сводом! Приехавши, мы бросились в море, темное и повременно обожженное сверканием молнии. Весело было нырять в эти огненные волны, но с веселием мешался и какой-то тайный страх. Молния и в постеле найдет свою обреченную добычу, а все как будто безопаснее быть под защиту чего-то нам знакомого. Человек везде и всегда слабое и глупое животное, именно от того, что врожденный ум его, т.-е. природный инстинкт, выживается из дома каким-то умствованием, спесивым пришельцом, который озадачивает простое и грубое здравомыслие хозяина. Хозяин и видит, что гость его пустомеля, да, делать нечего,

соглашается с ним, потому что так велено, так заведено.

Берег! берег!

Конец благополучну бегу!

Вот тебе подробное донесение! Кушай и слушай на здоровье! Я вчера получил ответ от нашей Кнорринговой из Петербурга. Она пишет мне, что зовет тебя к себе. Знаешь ли что? Если очень тебе хочется с нею увидеться, то можешь приехать в конце августа с двумя княжнами недели на две: к твоему приезду приехал бы и я, и вместе отправимся в одном дилижансе, а бричку мою продать в Петербурге или оставить до зимы. И из Москвы ты возьмешь дилижанс: двух старших, и девушку, и одного человека, а два задних места можно уступить кому-нибудь. А что же сделаешь с двумя меньшими, а что скажет Прасковья Юрьевна, что к ней ты не могла приехать, а в Петербург поехала? Разве оставить меньших у Четвертинских или перевезти их в город, потому что сентябрь уже не очень благоприятен для детей, да и докторский надзор тут? Раскуси, разжуй, развари все это, а я только тебя этим потчую и ни за что не отвечаю. Во всяком случае с моей стороны честь предложена, а знать об убытке – твое дело. Оставляю тебя с этим планом и с крепкою думой. Думай! Обнимаю и благословляю вас от души.

Я получил письмо от ссылочного Пушкина; он, кажется, довольно доволен позволением ехать в Псков и имеет уже

там на примете оператора. Он думал, что ты со мною, и тебе кланяется: «поклон княгине-лебедушке от арзамасского гуся».

Посылаю 2-й том Genlis.

Приписка Екатерины Николаевны Карамзиной.

Maman vient de recevoir votre lettre, chère et bonne tante; elle en a été vivement affectée ainsi, que nous toutes, et compte y répondre de suite. Quant à moi, je ne veux pas vous expédier ce volume sans vous donner des nouvelles de votre Paul, auprès duquel nous avons rempli votre message, mais qui nous a soutenu bien affirmativement, qu'il vous aimait bien plus encore, qu'il ne vous craignait. Sa santé et sa bonne humeur sont toujours dans un état florissant; quant à son français, je doute, qu'il y fasse des progrès brillants, car le gouverneur de mon frère est le seul, qui le lui parle, et Paul prétend n'y rien comprendre.

Je vous embrasse, ma chère tante, de toute la tendresse de mon coeur.

Catherine Karamzin.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Ревель]. 5-го августа [1825 г.].

Вчера получил я твое коротенькое письмецо от 29-го. Радуюсь, что у вас здорово. Как решилась ты с варшавскою швейцаркою? Куда ми весь этот народ уместим в московском доме? Если обе дамы останутся вместе, будут ли они уметь быть вместе или это из них будет выше? Как ты это все уладишь? Бог помощь! — У нас погода было испортилась, но теперь опять солнце во всей красоте. Я между тем накупил или накупал себе маленький флюс; боли нет, а показалась маленькая опухоль. Здесь на флюсы и легкия простуды поветрие; но солнце все высушит или море все смоеет. Ожидаю завтра генерала Спафарьева, которого, помнишь, принимал а в Москве за грека; он будет из Петербурга, куда ездил недели на две, а перед отъездом обещался он отпустить меня на своей яхте в Петербург. В половине августа хотелось бы мне выехать отсюда с 60-т купаниями на шее. Наконец отвечал я Галифу и писал к Крюднеру, посылая ему письмо. Я здесь узнал от Клюпфеля, что княгиня Сулковска умерла, и сердечно пожалел о ней. Что бедная Небольсина? Писал также к Александру Пушкину, который теперь должен быть в Пскове. Что слышно об Елене Григорьевне и что делает сын с делами? Пишешь ли к Чернышевым? Скажи им

на всякий случай, что я писал им. Сейчас был у меня Тизенгаузен, le beau frère de Fahlen. Он в деревне за 50 верст, и я обещался быть у него. Деревня, сказывают, прелестная, а дочери, особливо же старшая, как я тебе сказывал, красавица. У меня ваш студент не выходит из головы, и мне сердечно его жаль. Неужели никто не подучил его, и разврат гнезвился под эту доброю и простодушною наружностью? Я думаю, любовь к Софии Васильевне вскружила ему голову. Что с ним будет? Во всяком случае в преступлении его много глупости. Сегодня мне нечего тебе описывать и рассказывать. Я ничего не видал, кроме озера¹² на высоте за городом, из которого идет вся пресная вода для города. Не могу добыть себе доброй лошади верховой. Моя вчера раза два кидалась с испуга в сторону, и это очень не весело. Я люблю так сидеть на лошади, чтобы о лошади не думать, а ехать, спустя поводы и рукава. Здесь есть развалины монастыря Бригитты, которые мне очень нравятся; я любил бы туда ездить вечером амуриться с луною. Клюпфель на днях отправляется; буду писать с ним князю Василию. Он через месяц будет в Париже. А, может быть, мы и вместе поедем, только не в Париж, а в Кронштадт, если Спафарьев даст нам яхту. А ты, ваше сиятельство будешь ли в Петербурге? Я тебя очень балую; даю тебе полную волю располагать собою – ехать, оставаться. Уж не лишнее ли с моей стороны? Более с пера ничего не льется: все вылилось. До субботы! Обнимаю и благословляю

¹² Одно слово неразобрано.

вас от всей души, а тебя нежно палую. Сказывал ли я тебе, что Лебцельтерны здесь?

Извини меня перед барышнями Хитровыми, что в этом письме нет никакой глупости. А Варвара Петр[овна] Хитрово читает ли мои письма? Давай ей самые г.....!

На обороте, 3-го листа. её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской, в собственном доме, Чернышевский переулок, в Москве.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Ревель]. 8-го [августа 1825 г.].

Управляйся, как умеешь, а я рад между тем, что меня тут нет. Впрочем, на всякий случай ты можешь держать у себя варшавскую швейцарку, пока не найдет она себе места. Отпустив Елену и Каролину, можно дать бы тысячу рублей и без большой необходимости. Мы, кажется, не виноваты ни пред нею, ни пред Фовицким. Более двух месяцев оставляли они нас без ответа. Что у нас за погода? Баснословная! Сегодня опять едем в Тишерт на прощание с Пушкиными, которые завтра в Петербург отправляются. Я еще не видался с Спафарьевым, вчера приехавшим, и потому не знаю, когда еду, ни – как: морем или землей; но во всяком случае не позднее, как около 20-го, т.-е. дней через десять. На днях Лазарев, адъютант Комаровского, давал нам плясовой завтрак, обед, ужин, плошки, музыку в Löwenruh. Мало было кавалеров, и бал вертелся на мне и на Bourdeau, коменданте Нееловых.

Что какова Елена Васильевна? Сейчас готовится гроза на небе. Не знаю, что скажут барыни и Сергей Львович, который также страшная. и мочится ртом. С нами едет также каламбурист фортопианист.

11 мне тоже очень жаль Мамонова! Писала ли ты Орло-

ву о нем? Кто этот попик, который прислал мне книгу? И чего он от меня хочет? Вероятно, денег! Знает ли его твоя швейцарка? Я имени его разобрать в письме не мог. Может быть, тебя это письмо уже и не застанет в Москве! Будешь ли в Петербурге? Полотна здесь нет, я уже несколько раз тебе сказывал, а ты все пристаешь с портками своими. Контрабанда здесь производилась уже за несколько лет, и портки, сшитые из тогдашнего контрабандного полотна, успели прорваться на всех причинных местах! Отвяжись от меня с своими портками! Небесная канонада все гремит, но гроза, кажется, пройдет мимо и вспырнет нас один дождь, ты думаешь?

Нет, – Сергей Львович! Прощай. Это письмо не годится ни для бессмертия, ни для княгини Волконской! Мало времени и мало мыслей в голове; я одержим головным запором. Авось, в середу пронесет меня порядочно. Обнимаю и благословляю вас от души. Бедный Петруша! Да какая его болезнь? Неужели тоже английская! Я все думаю, что купания были бы ему полезны. Как мне жаль, что его нет со мною. Здесь поставил бы я его на ноги. Целую тебя нежно и кланяюсь всем соседям и соседкам.

На обороте 2-го листа. её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской, в Москве.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Ревель]. 12-го [августа 1825 г.].

Спасибо за строки от 3-го августа. Ты ленишься, матушка княгиня, и рада беду свою сваливать на Окулову, которую также благодарю за милое письмо. Ведь она получила мое, которое я писал ей после моего посещения в Екатерининском институте? Как я рад, что у вас погода хорошеет, и что дети и ты могли купаться. Слышу отсюда, как Машенька и Пашенька визжали, когда в первый раз полезли в реку. А Машенька, послышалось мне, даже и плакала. Так ли? Что бедный Петруша? Третьего дня в 10-ть часов утра отправились мы к Тизенгаузенам в Вальдау, верст около за 60, а вчера в 10-ть часов вечера возвратились. В его стороне природа не хороша, кроче той, что ходит в юбке. Место плоское и без моря, но деревня хорошо устроена. Дом красивый, большой и хорошо расположен; большие оранжереи в порядке. Он почти их не топит, а согревает одним солнцем. У него есть галерея стеклянная виноградная, которую и вовсе не топят, а иные ветки уже и теперь созрели. Персики и вишни с нашими не сравняются: вообще в здешних плодах мало вкуса. Все заведение для гостей в отличном порядке и судна также. Это напомнило мне, что у нас судная часть, я не говорю о России, а о нашем Остафьевском доме, не весьма исправна.

Устрой это хорошенько: при обеих лестницах вверху и внизу можно учредить четыре чулана под надписью: *Кабинет для чтения стихотворений графа Хвостова*. Суднам должно быть покойным, в роде Вольтеровских кресел, – но их перекрестим мы в Хвостовские кресла, – широким; не только de grandeur et de largeur naturelle, но даже размера колоссального, как чтобы, например, Вадковская могла усесться на них, не затопляя берегов: в этой части миньютюра не идет, il faut un style large et analogue au sujet; мягким, так чтобы не от одной нужды, но и из прихоти можно было туда сходить, даже и не за тем, чтобы сходить. Вот тебе маленькая пиитика судна, которую спиши для Тургенева. Еще заметил я очень удобную *небель* для спальни: стол с крышкою, куда вкладываются в сделанные впадины лаханка, рукомойник, мыло, щетки и проч., и проч. Здесь та выгода, что все строится и работается дома и, право, очень хорошо. Тнзенгаузен мать, умная, но мало сообщительная, ищем очень похожа на брата нашего знакомца; старшая дочь – красавица, роста прекрасного, и чем более в нее вглядываешься, тем более находишь в ней прелести: выражение кротости удивительной. С нами ездил Лазарев, молодой и холостой миллионщик, которого я все подзадоривал влюбиться в нее и жениться. Влюбиться, кажется, он довольно готов, но на женитьбу еще мало подается, и удерживает его то, что она слишком велика. Он все время нас смешил рассуждениями о ней, всегда оканчивающимися восклицанием с армянским ударением: mais c'est

dommage, qu'elle soit si grande! Хотя поездка эта и довольно мне понравилась, но, возвратившись в Ревель, сожалел я, что не остался дома, узнав о буре, которая здесь на море третьего дня куралесила. Эскадра адмирала Кроуна возвратилась сюда, и сорвало с якоря один бриг; долго носило его по волнам вдоль берега; палили из пушек, весь берег покрылся народом. Зрелище, говорят, было прекрасное! Наконец шлюпки, долго боровшиеся с заливающими волнами, подъехали к бригу и все и всех спасли. Мне жаль, очень жаль, что не удалось мне быть на этой суматохе. За тобою, то-есть за письмами к тебе, прогулял я также морскую прогулку: меня приглашали съездить на корабль адмиральский. Прошу принять в уважение сию жертву брачной чувствительности и оценить ее, как должно. Прогулять для тебя красавицу дело естественное, но корабль... в этом отречении есть что-то сверхъестественного. Вот уже третий день или четвертый, что дует сильный ветер с моря. Купания упоительны! Как я люблю, когда волна задаст холодную пощечину: в этом случае, как добрый христианин, подставляю всегда другую щеку и жалею, что нет третьей. За неимением подставляю ей гиббоновские ланиты. Все еще не добьюсь толка, когда и как поеду. Признаюсь, что, если мог бы я отправиться с эскадрою, то решил бы и пожертвовать несколькими днями. Бог знает, может быть и по придется мне побывать в другой раз на море: благо, что есть случай. Авось, к субботней почте решится; а не то в начале будущей недели отправлюсь сухим

путем и с горем пополам, Пушкины отправились. Вот стихи, мною ей написанные в день отъезда.

Нас случай свел; но не слепцом меня
К тебе он влек непобедимой силой,
Поэта друг, сестра и гений милой,
Во сердце ты и мне давно родня!

Так! в памяти сердечной, без заката
Мечта о нем горит теперь живей:
Я полюбил в тебе сначала брата,
Брать но сестре еще мне стал милей!

Его удел – блеск славы горделивой,
Сияющей из лона бурных туч,
И от неё падет блестящий луч
На жребий твой смиренный, по счастливый.

Но ты ему спасительнее¹³ будь!
Свети ему звездою безмятежной!
И в бурной мгле участием, дружбой нежной
Вливай покой в растерзанную грудь!¹⁴

Меня ломала слегка стихотворческая лихорадка, и я выдрожал или выпотел стихов 50 о Байроне с удовольствием.

¹³ В оригинале слово спасительней подчеркнуто и на поле написано еще еще полезней.

¹⁴ На поле, против этого стиха написано тоскующую, томящуюся.

Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю нас от души. В дилижансе ли ты или нет? Нежно целую.

Приписка Екатерины Николаевны Карамзиной.

Paul se porte bien et vous embrasse. Nous eu faisons tous autant.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Ревель]. 15 августа [1825 г.].

На дворе холодно, в комнате свежо, в воде очень холодно; становится плохо. Сегодня адмирал Проун звал было всех здешних красавиц к себе на корабль, но ветер слитком силен, и все отказано; разве мы, одни мужчины, поедем. Здесь Шварценберг, которого также всюду подмывает – и в Свеаборг, и с эскадрою в Петербург. Сейчас был у меня Спафарьев и говорит, что пойдет на своей яхте в Свеаборг: это соблазнительно! Пойдет на три дни; но на его слово худо положиться можно: оно зыбко, как море. Во всяком случае не кончаю будущей недели здесь и на какой ни есть стихии, а отправлюсь. Спасибо за письмо из Москвы от 6-го августа. Я рад за тебя приезду Орловой и поездке твоей в Семеновское. А в Петербург будет ли ваше сиятельство? Надеюсь, что будущая почта уже разрешит мое сомнение. И разумеется, не жди моего приезда, чтобы разделаться честным образом с варшавскою швейцаркою. Судя по портрету, она ни на что не годится. Кажется, от купаний должно отказаться. Говорят, что теплые дни еще будут, по меня уже не застанут они здесь. Холодные пощечины волн становятся слишком чувствительны. Это жаль; я желал бы еще схватить десяток купаний, но делать нечего. Я писал вчера князю Василию с Клюпфелем,

который отправился сегодня в 3 часа утра в Ригу, а там морем во Францию. Он здесь немного поправился в здравии своем. Мы здесь с Шварценбергом неразлучны; не знаю, как это сделалось. Кажется, перед отъездом побываю и у Лебцельтерна, который уже раз звал меня обедать, по мне нельзя было обедать у него. Он и они здесь очень ласковы и учтивы со всеми. Бедный Сбедиго! разве нельзя его перевезти в Москву? Я много надеюсь на Орлова для пользы Мамонова. Сегодня письмо мое будет глупо, потому что небо глупо, что я глуп: устал от ночи, – не пугайся! Ночь провели мы за ужином, прощальным для Клюпфеля и угостительным для капитана корабля, который несколько раз нас потчивал на корабле. Шампанское было не забыто, но не путайся! А только я здесь отстал от ночных экспедиций и сегодня я, так разбитая лошадь. Обнимаю и благословляю вас, моих милых, от души. Дай Бог увидеться нам скорее и в радости, Клюпфель тебе очень кланяется. Цалую тебя нежно.

Посылаю 3-ию Genlis.

15-го августа.

На обороте 2-го листа. её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской, в собственном доме, в Москве.

50.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Ревель. 18-го августа 1825 г.].

(В Остафьево).

Наконец я завербован; завтра в четыре часа утра мы на корабле адмиральском и плывем с ним, куда Бог велит, куда ветер велит, куда адмирал велит. Он не прямо идет в Кронштадт, а будет крейсировать и пойдет к Готланду; надеюсь, что во всяком случае не более десяти дней будем на море. Теперь я бы почти и на понятный двор, потому что захотелось вас брюхом и сердцем увидеть; но любопытству очень льстит эта поездка. Меня корабль усыновил: старик Кроун полюбил меня, и весь экипаж со мною на дусерах (sic), потому что они видят первого русского поэта на корабле. Одно сокрушает меня: то, что еду без писем ваших. Последняя почта мне ничего не принесла, и грустно ехать без свежих вестей от вас, мои остафьевские и царскосельские друзья. Что делать? В этой грусти есть что-то поэтическое! И я с трудом и с сердечным надрывом отстаю от земли.

Awaking with a Start.

The waters heave around me; and on high
The winds lift up their voices: I depart,
Whither I know not!

Вот что я скажу завтра! Это между нами, Софья и Екатерина Николаевны! Но прошу перевести это для жены и для меня к моему приезду. *Avez vous lu mon mandement?*— *Oui, Monseigneur, et vous?* — Итак, я завтра на адмиральском судне, прошу не прогневаться! Увидим, каково на нем сидеть; только на этом судне действие бывает противное обыкновенному: тут ходишь не на низ, а на верх, и часто не с низу, а с верху идет. Извините меня, придворные барышни, что это письмо так дурно пахнет, но оно ведь не к одним вам писано, а отправится в остафьевскую сторону, где эта *сторона est en lionne odeur* во всем околке.

Прощайте, мои милые остафьевские и царскосельские. Весь Ревель ждет меня в зале, где дается прощальный бал: музыка гремит, а я в халате пишу к вам. Сегодня уже не ложусь. Прямо с бала отправимся на корабль. С нами едут Шварценберг и Пущин. Надобно еще укладываться, отправить коляску в Петербург.

Дай Бог увидеться нам в радости! В объятия свои включаю всех, а благословляю, кого следует. Если я дал бы вам сердцу, то готов очень разнежиться, но не хочу и оставляю вас! То-то привезу славные стихи с корабля и буду поверять Байрона, как Василий Львович поверял *Виргилиеву бурю*. Я надеюсь, что на судне пронесет меня хорошими стихами. Жуковский! позавидуй мне! Такая поездка стоит твоего чернослива! Кого-нибудь бы из сердечных при мае, и поезд-

ка была бы в тысячу раз приятнее. Боюсь, что придется мне *удерживаться на судне*. Вот положение! Настоящее Танта-лово страдание! Тьфу, Боже мой! у меня на языке и на пере так и висит судно! Я совсем провоняю в Ревеле. Теперь, решительно, простите. Обнимаю вас, прижимаю к сердцу, и полно.

18-го.

51.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Петербург. 22-го [августа 1826 г.].

В Петербург не дошло еще письмо мое к тебе из Ревеля, в котором уведомлял я тебя об отправлении своем морем на адмиральском корабле, по крайней мере дней на десять, а я уже здесь. На другой день нашего плавания застегнули нас сильные ветры, которые решили адмирала оставить дальнейшее крейсирование и спуститься к Кронштадту. Я и рад и не рад тому. Первый день на море был для меня очень тяжел; хотя меня и не рвало, но тоска, как свинец, лежала на душе; все было не по мне, и самое море опостылело мне, но на другой день я начинал уже привыкать, а вчера мне было уже грустно расставаться с кораблем. Неизъяснимо также грустно было мне, расставшись у парохода, на коем пришли мы из Кронштадта с Шварценбергом и Пушиным, въезжать одному в эту столичную пустыню Петербурга, где мае некого было видеть и некого было искать за отсутствием Тургенева, которого я привык видеть первого в Петербурге. Я однакоже остановился у них на квартире; коляски моей еще нет; она должна была отправиться в тот же день после меня из Ревеля, и удивляюсь, что её еще здесь нет. Я совершенно здесь чужестранцем на диком острове, Первое мое движение было броситься на почту, чтобы узнать, нет ли тебя в Царском Се-

ле или, по крайней мере, нет ли писем от тебя. Письмо нашел твое от 14-го из Семеновского; ты меня поддразниваешь своими веселиями. Веселись с Богом! А приедешь ли сюда? Теперь уже не знаю, на чем решиться и что присоветовать? Я полагал, что мы около одного времени съедемся в Петербурге: это было бы и хорошо! Теперь придется мне ждать тебя? И это можно, но долго ли? Из Царского Сада, куда поеду часа через два, буду тебе писать подробнее о сем. Если сама не приедешь и во всяком случае, если деньги есть, пришли мне тысячи полторы. Я заказал себе в Ревеле платья за дешевизною и кое-что купил, по только не холстины и ничего для тебя, – не прогневайся! Теперь прощай! Хочу побывать у Северина. Обнимаю и благословляю вас от души. Теперь письма мои пойдут опять глупые. Пора хороших писем отцвела: извини меня перед Волконского. Ненавижу Петербург.

Цалую тебя нежно и нежно.

52.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Царское Соло. 23-го августа 1825 г.].

La porteuse de cette lettre et la rapporteuse de ma vieexistence il Rewal est ma soeur d'adoption Mademoiselle Olga Pouschkin, que je vous recommande. Je vous prie de l'aimer et de lui donner quelque chose.

Постарайся ст. него увидеться, только не очень ее слушай, если она тебе станет сказывать, что я много шалил в Ревеле. Обнимаю.

Царское Село. 23-го.

На обороте 2-го листа. Княгине Вере Вяземской.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Царское Село. 24-го августа 1825 г.].

Я здесь в Царском Селе; нашел Павлушу румяным и свежим. Ник[олай] Мих[айлович] все не очень здоров. Мне так больно, что он не съездил в Ревель; я уверен, что месяца два в Ревеле, или в другом месте подобном, дали бы ему здоровья на много лет. Прежде 8-го сентября мне быть к вам нельзя, потому что барышни затеяли «Полубарские затеи» для моего высокаторжественного приезда. А ты что же делаешь? Скажись! Погода здесь грустно хороша. Как бы теперь хорошо быть в море, если не быть уже в Остафьеве. Вот тебе мое прощальное письмо из Ревеля, мою лебединую песнь! Теперь я попал в колею глупости и сухой прозы. Государь едет из Петерб[урга] в Таганрог 31-го августа, а Императрица Елисавета дня три после.

Обнимаю и благословляю вас, моих милых. Ольга Пушкина вчера поехала в Москву, отыщи ее с Трубецкими Знаменскими, у которых она верно будет. Я дал ей записочку к тебе. Нежно целую тебя. Пришли же денег.

24-го.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Царское Село. 28-го августа 1825 г.].

Каковы девицы княжнушки? С нетерпением жду новых вестей и, надеюсь, хороших. Твое последнее письмо из Остафьева – от 22-го. По всему вижу, что тебе нет охоты сюда ехать.

Что же о том и говорить? я звал тебя для тебя. К тому же, вероятно, теперь будем мы в Петербурге будущей весною. Следовательно, лучше отложить поездку; впрочем, делай, как умеешь и как хочешь. А если не будешь, то я все к 17-му приеду. Приехал бы и ранее, потому что мне делать здесь нечего, хочется домой, да и нужно мне будет съездить еще нынешнею осенью в Кострому, да нельзя не дожидаться спектакля, который, надеюсь, будет не позднее 10-го. В воскресенье думаю ехать в Петербург и увижусь с Кнорринговою, от которой вот записка ко мне. Вот и письмо от к[нязя] Василия и росписка его, доставленная мне Булгаковым. Нельзя ли будет занят для него денег, если Пospelов прежде октября или зимы в приходе иметь не будет?. Нельзя ли сделаться с банкиром, pour qu'il avance une somme de huit a dix mille roubles, с тем, чтобы князь Василий мог бы до зимы обратиться в Прованс. Потолкуйте с Толстым, Пospelовым, к[нязем] Павлом Гагариным. Деньги, верно, будут у Пospel-

лова в приходе до нового года; дело только в том, чтобы несколькими месяцами ускорить. Что дело князя Федора с Толстым и Лодомирским? Я сейчас ходил смотреть с Екат[ериною] Андр[еевною] портреты царя и царицы, писанные известным Давом. Как помнится мне, они должны быть схожи. Здесь свадьба: фрейлина Великой Княгини Алекс[андры] Фед[оровны] Ушакова помолвлена законно-гвардейского Барыкова, брата [графи]ни Толстой Тургеневской. У него ничего нет, у неё только несколько лет в барышах против него, но любовь была им свахою, и они счастливы. Я читал у Жуковского письмо Пушкиной: она все очень горюет и на зиму едет во Флоренцию. Сделай милость, если детям будет хуже, и ты будешь о них беспокоиться, не обманывай меня и дай сейчас знать. Я этого непременно от тебя требую. Да и во всяком случае, хоть по словечку, уведомляй меня о их здравии.

Прости. Обнимаю и благословляю вас от души. Дай Бог нам увидеться в радости. Цалую тебя нежно.

Я и забыл, что я еще должен за книги Жуковс[кому] 500 рублей; следовательно, пришли 2000 на имя Булгакова.

28-го.

Смотри не показывай никому, разве одним Четвертинским, письмо к[нязя] Василия, ради сплетней сто о Голицыне. Скуловой Анетой я очень доволен и в знак благодарности

повторяю ей милость, которую оказал ей за ужином у Зенеиды.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Царское Село. 29-го августа 1825 г.].

Отчего получил я два письма из Остафьева от 22-го августа и одного содержания, то-есть уведомляющие, что дети все кашляют и что ты на другой день едешь в Москву? О приезде твоём сюда писал я тебе вчера и сегодня то же повторяю. Ты не с жадностию приняла мое приглашение; следовательно, тесте и приехать не очень хочется. Теперь же становится поздно! Это затянет нас до октября. Не имея в виду возможности быть нам здесь будущею весною и не предвидя, — когда, я более ценил для тебя выгоду прогулки в Петербург, но теперь, если все будет по добру и по здорову, то мы побываем здесь на будущий год. Впрочем, с моей стороны согласие было дано, и я назад его не беру. Повторяю свое: делай, как умеешь и как хочешь, а я заранее подписываю: быть по сему. Пуще всего: что кашель детей? Не коклюш ли? Боже сохрани! С страхом и нетерпением ожидаю новых вестей. Мой Павлуша здоров и здесь зарумянился. Он каждый раз с слезами на глазах и в голосе говорит о сестрах своих и о желании их увидеть, хотя ему и здесь весело. Фаворитка его — Маша. Дай Бог увидеться им всем в радости я нам долго на них наглядеться. Довольно о деле, поговорим о вздоре. Скажи Пушкиной, что я ее почти разлюбил или, по крайней ме-

ре, что любовь моя к ней сильно поколеблена. Л здесь слышал от Воейковых, что она худо говорила о Лизе Дороховой: если это правда, то она крепко провинилась и перед совестью дружбы и передо мною. Я все надеюсь, что это здешняя сплетни. Неужели она так бессовестно фальшива и так мало дорожит моим мнением о ней? Отплачиваю ей добром за зло: уведомляю, что вчера Жуковский получил письмо от её брата, гораздо в лучшем духе писанное, чем то, которое она получила. Он соглашается ехать в Псков и, кажется, все будет устроено. Покажи ей мое письмо, но на всякий случай не при родителях, которые, может быть, не знали, что Пушкин отказывается ехать в Псков. Здешние барышни тебя нежно целуют. они сохнут над рисунками, которые готовят завтрашнему имениннику, Обнимаю и благословляю вас всех, моих милых, от души. Спасибо за описание ваших Семеновских потех, и слышу отсюда твой хохот¹⁵.

29-го.

На обороте 2-ю листа. её Сиятельству княгине Вере Федоровне Вяземской, в собственном доме, в Чернышевском

¹⁵ За за этим письмом в переплетенном томе писем князя П. А. Вяземского к жене, за 1834-1831 годы, следует белый лист с приклеенным к нему синим конвертом, на котором рукою князя Петра Андреевича написано: Письма мои, писанные к жене из Ревеля к 1825 г. Ma femme en défendra la lecture à moi filles. (К этим словам им же приписано: по крайней мере до замужества). – В числе писем моих есть и утраченные, н. п. описание поездки в Фаль etc. etc.

переулке, в Москве.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Царское Село]. 31-го [августа 1825 г.].

Сохрани, Боже, и подумать ехать теперь осенью с детьми. Коклюш – болезнь шестинедельная; хорошо менять комнат для воздуха, но, признаюсь, не понимаю и страшусь твоих беспрестанных прогулок с больными детьми. Твое вчерашнее письмо меня ужасно встревожило. Я как будто предчувствовал это горе и писал тебе третьего дня о страхе, чтобы этот кашель не был коклюшем. Я не понимаю, как могла ты серьезно предложить мне приехать после двух недель болезни, которой известный срок шесть недель. Ради Бога, будь с ними осторожна и не доверяй лучшему. Прежде 6 недель болезнь эта все еще пристать может, и если ты в Остафьево переедешь, то все не своди детей вместе. Ради Нога, давай мне знать в точности о здоровье детей и не скрывай худого, если по несчастию будет. Я тотчас пушусь в путь. Теперь мне совестно оставить Карамзиных с приготовлениями спектакля, тем более, что ты пишешь, что болезнь прошла, хотя я мало тому верю. Ради Нога, говори правду, всю правду. У Машеньки грудь и так слаба, кашель и пуще истомит. Как можно более береги их: теперь, в осеннюю пору, воздухом добра не много сделаешь. Признаюсь также, что твое вчерашнее письмо и в другом отношении не но мне: связь твоя с

Нащокиными сидит у меня на шее. Мне нельзя будет ее поддерживать, особливо же с старшим, который не может быть терпим. Ты всегда что-нибудь да состряпаешь. Да теперь не о том дело: дай Бог мне получить от тебя хороших вестей, вот главное, а прочее как-нибудь вынесем. Вот письмо от Фовицкого! Весело пошли эти тысячи рублей. Да если она примется куда-нибудь в дом, нельзя ли будет выручить их?

Я со вчерашнего вечера в городе у Северина и вчера: ке был на бале у Муравьевой на Каменном острове, где был весь блестящий Петербург и где мне было тяжело и скучно. Все говорят, что Катенька Карамзина – фрейлина, но верно ничего еще не знаю. Сейчас оденусь и пойду к Кнорринговой, Я так и дрожу, что ты уже в дороге! И ты и Скюдери с ума сошли. Дай Бог, чтобы это письмо застало тебя на месте и спокойною о детях. Сердечно пожалел и я о Сбедиге, и об Елене Васильевне. *La vie* же *dégarnit furieusement*. Мне, страх, грустно и холодно на душе.

Сейчас был я у Кнорринговой, в которой не нашел никакой перемены. Детям её лучше; они, кажется, очень милы и образованы для их лет. Девочка, ровесница Наденьки, очень порядочно говорит по-французски, по-русски, и 'по-немецки, и по-польски. Она ожидает мужа к 5-му числу и думает ехать отсюда около 12-го опять через Ревель. Булгаков сказывал мне, что о фрейлинстве Катеньки говорил ему к[нязь] Алекс[андр] Никол[аевич] Голицын. Кажется, должно быть правда. Ради Бога о наших фрейлинах дай мне поскорее хо-

рошую весточку и во всяком случае береги их, как бы болезнь еще и не проходила. Не забывай, что осень на дворе, что сегодня тепло, а завтра – хоть шубу надевай. Как можно было подумать пуститься с ними в дорогу! Это мне в голову не входит.

Обнимаю и благословляю вас, всех православных, а особенно же вас – Машеньку и Пашеньку. Я вчера поплакал об вас, и теперь все сердце еще не на месте.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[Царское Село, 3-го сентября 1825 г.].

Не стыдно ли тебе, что не пишешь во мне! В воскресенье получил я твое письмо о болезни детей, сегодня уж четверг, и я все новых вестей не имею. Хорошо, что Булгаков пишет к брату о тебе, и потому надеюсь, что ничего нет худого. Это бессовестно с твоей стороны, и я очень грустен и недоволен. Булгаков также пишет, что ты уже не едешь сюда, и я, по крайней мере, на этот счел успокоен. Зная, что почта ежедневно отходит, как не найти минуты, чтобы сказать два слова о себе и о детях. Не понимаю этой жестокой лени и непростительного забвения.

Катенька – фрейлина. Я непременно буду к 17-му, но не знаю еще наверное, в который день выеду. Прости. Ты не стоишь длинного письма. Довольно с тебя будет и то, что я тебя выбранил. Обнимаю и благословляю вас от души.

Императрица сегодня отправилась в Таганрог.

Царское Село. 3-го.

На обороте 2-го листа. её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской, в собственном доме, в Чернышевском переулке, в Москве.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[С.-Петербург. 4-го сентября 1825 г.].

Спасибо за письмо от 31-го. Стало, я немного был шпионят вчера, жалуясь на твое молчание, хотя и не совсем, потому что ты все-таки редко пишешь. А дети, видно, все еще порядочно кашляют! Ради Бога, береги их и не забывай, что теперь осень и что на воздух много надеяться нечего. С чего ты ждешь меня к 6-му, когда в каждом письме говорю тебе, чтобы ты не ожидала меня прежде 17-го. Карамзины не отпускают меня прежде спектакля, а спектакль будет не прежде 12-го. Это меня очень расстроивает, но что же делать? Я здесь скучаю и, как волк, все в лес гляжу, то-есть к вам. Боже мой! что за перья в этом Петербурге и у этих государственных людей! Зачем ты ждешь отъезда Муханова или Нащокина для отправления денег к к[нязю] Василию? Отправь просто по почте! Разумеется, к[нязь] Василий более дорожит временем, чем весовыми деньгами, которые издержатся по почте. Деньги давно уже были бы у него. Что за алтынный расчет, когда человеку до зареза нужны деньги и что (*sic*) он верно втрое истратит на проценты. Если можешь отправить деньги прямо не позже 8-го числа, то отправь их прямо на мое имя в Царское Село, а если позже, то и мои и к[нязь] Василиевы в Петербург к Северину, с письмом, где

его попросишь переслать 2.000 в Париж, а из моих денег заплатить себе то, что я ему должен, а 500 руб. отдать Жуковскому. Не забудь также, что он женат, и скажи слово об жене. Я вчера был в спектакле и на бале у Татищевой. Давали «Le Roman d'une heure» и «La Princesse de Tarera», забавную фарсу, где хорошо играли. Хорошую сцену и я там сыграл Ченерентоловскую. Черт дернул граф[иню] Choisenil-Голицыну выбрать меня для вальса и башмаку моему слететь с ноги. Каков дебют пред сливками петер[бургскаго] общества! – Я видел там Потемкину и подумал о дружбе здешнего мира, вспомнив смерть Héléne.

Обнимаю и благословляю нас всех, моих милых, от души. Ради Бога, частых и хороших вестей о детях. После 10-го вышли мне письмецо в Тверь, чтобы спокойнее въехать мне в Москву. – Я заказал S-t Priest для тебя карикатуру мою на босу ногу.

Петербурга. 4-го.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[С.-Петербург. 8-го сентября 1825 г.].

Вот опять я несколько дней сижу без письма; ты, верно, ждала меня к 6-му, но с чего, когда я тебе с самого приезда говорил, что поеду не прежде 8-го, а после уже говорил о 12-м. Погода портится, дорога также: буду ли к 17, т.-е. успею ли? Ночи теперь темные, с Павлушею надобно мне будет ехать осторожно. Все это меня беспокоит: мне хочется скорее вырваться отсюда и ворваться к вам. Увидим, что будет! Где Четвертинскому управлять фабрикою? Я совсем на это не согласен, потому что никакой пользы ни себе, ни ему от того не ожидаю. Лодомирский – другое дело. Сонюшка все эти дни была нездорова от цветов своих, поднесенных Царю; она беспрестанно брала в рот кисть с красками и напилалась ядом. Теперь ей лучше. Завтра думаю в последний раз съездить в Петербург, повидаться с Кноррингом, который должен был приехать. Повидаюсь и с Шульгиным, чтобы поговорить о Четверт[инском].

Что бедные дети? Каков их кашель? В Остафьеве ли вы и тепло ли их держите? Теперь воздух не летний, нечего надеяться на него. Прежде шести недель не своди их с Наденькою и Петрушею. Дай Бог съехаться нам на радость! Все мое ревельское здоровье телесное и умственное, кажется, издержива-

лось в Петербурге. Я совсем не тот. На всякий случай попроси Булгакова, чтобы он попросил Рушковского выслать обо мне приказ на станциях (*sic*) для скорейшего проезда моего, а здесь от Булгакова возьму другой.

Мы пили здесь 6-го за твое здоровье и детей, Мне очень грустно было, что я не с вами. Авось, буду 17-го. 12-го в ночь или 13-го утром отправлюсь непременно. Не забудь выслать мне строчку в Тверь о вашем здоровьи.

Обнимаю и благословляю вас, моих милых, от души. Что же деньги?

8-го.

На обороте 2-го листа. её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской, в собственном доме, в Чернышевском переулке, в Москве.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

[С.-Петербург]. 11-го [сентября 1825 г.].

Жаль мне, что я не тебе посвятил свою сказку: «*Дар все делать невпопад*»! Ты пишешь, что деньги отправляешь с Мухановым, а его еще нет, и у генерала его сказывали, что он будет не прежде 10-ти дней, а я сижу без гроша, а мне после завтра нужно ехать. Очень весело ходить собирать милостыню! Как ты жестоко умеешь бесить меня за одно с проклятым небом, которое висит над нами, как мокрая тряпка, которую из всей мочи выжимают невидимые силы. Что за погода? Что за ты? Не знаю, на кого мне досаднее! Как поедем мы? Тысячу (*sic*) кошек скребут мои нервы, и они никогда в таком разладе не бывали. Хотя и тысячу купаний принял бы в Ревеле, и нервы мои окрепли бы, как бычачьи, то и тут в один час этой погоды все пошло бы, к черту! Павлуша здесь со мною; вчера возил я его к Кнорринговым, которым он очень понравился. Кнорринг все тот же. Доселе Павлуша здоров, но смерть боюсь за дорогу. К 17-му не жди меня; верно, не попаду. Мне нужно будет дней пять проехать, и то – слава Ногу, если без беды. Что за дорога должны быть под Москвою! тут только сутки проедешь! А к Остафьеву что за дорога! Веселая перспектива! Я думаю, что возвращусь плешивым как потому что выдеру себе все волоса на голове. Зачем

было не прислать денег с Волконским? Зачем не по почте? Что тут за алтынные расчеты, когда деньги нужны. Особливо же к[нязю] Василию сделала ты большую разницу: здесь стоял необыкновенно хороший курс на Париж, при себе от правил бы я тотчас; ты все..... с своими Мухановыми! Что за русская и бабья манера все писать *по сей верной okazji*, которые совсем не верны. Одна почта верна: у диких народов её нет, но она есть плод образованности государственной, плод просвещения; вот отчего ты ее и переварить не можешь, а все ждешь okazji, когда почта шесть раз в неделю ходит. Неимоверное дело, как ты все делаешь на перебор рассудку. Какие тут okazji! Черт ли в них! Муханов может сто раз..... деньги на станциях, сто раз переоколеть на дороге, а почта не..... и не околевает, потому что она застрахована. Кто тебе за Муханова отвечает, если его обкрадут на дороге, или пронесет его до смерти! Меня бешенство на тебя и на небо давит! – Сегодня возвращаюсь в Царское. Что там за холод, что за сырость! Какая тряпка небо, это затасканные и..... портки, которые выжимают над нами.

Вот, надеюсь, последнее мое письмо к тебе. Вчера дрались здесь на пистолетах молодой Новосильцов, сын Орловой, и брат его бывшей невесты – Черневский, Черневич что ли? Оба тяжело и опасно ранены: Новосиль[цов] в бок, а тот в голову. У Новосиль[цова] секундантами были Герман и Реад, и, следовательно, все происходило в порядке.

Обнимаю и благословляю вас от всей души, которая смор-

щилась, как старый сморчок, или Масальского..... Увидимся ли, хотя и в дождь, но здоровыми! А тебе первый мой поцалуй будет кисель..... за Муханова. Что за почта Муханов? разве мы живем на диком острове! Неимоверное дело! Ну, уж ты дала мне себя знать.

61.

Князь П. А. Вяземский своей жене.

Царское Село. Среда. [Сентябрь 1826 г.].

Многого из последнего письма твоего от 5-го сент[ября] не понимаю, но по всему вижу, что и ты меня не понимала. Неужели ты полагала, что я приписываю твой неприезд сюда твоим московским веселиям? Не зная ничего о болезни детей и видя, что ты не едешь, я расчел, что тебя удерживает или неохота ехать или издержать тысячи две рублей на пустую прогулку. Я звал тебя для тебя, думая, что тебе приятно будет проехаться и повидаться с Кнорринго[во]ю. Узнав о болезни детей, я не только одобрил, что ты не едешь, но всячески умолял тебя не ехать. О знакомстве с Нащокиными не мог я тебе не сказать моего мнения, потому что по приезде моем не мог бы я поддерживать его, и в этом отношении должен был тебя предупредить. Вот все, все тут ясно! А ты, Бог знает, что мне в письме своем городишь и оправдываешься, когда я тебя не обвиняю. Обвиняю в одном – в редкости твоих писем: ты можешь писать каждый день, а пишешь раза два в неделю и оставляешь меня в беспокойстве и о себе и о детях. Я и не знал, что и ты кашляла. Это новость для меня! Хороши же вы! – Здесь погода ужасная: холодно, сыро, мокро. Как мы поедем? Я между тем ожидаю с нетерпением минуты, когда сядем в коляску, хотя и с страхом по-

полам. Все это и твои вести о детях погубили весь барыш от ревельских купаний. Мне скучно, мне досадно, и даже и телесно мне что-то не хорошо. Завтра еду в город, а в воскресенье утром, т. е. 18-го (n'est-ce pas un mauvais jour?) пускаемся в путь. Хорош будет путь! Осень со всею пакостью своею воцарилась. Tu sais, que personne au monde n'a le talent de me mettre de mauvaise humeur, comme le baromètre; c'est mon ennemi personnel. Надеюсь найти Муханова уже в Петербурге.

Обнимаю и благословляю вас всех от души. Дай Бог увидеться нам в радости и чтоб о коклюше уже слуха не было! Слышите ли, гадкая девчоики, а то разделаюсь с вами порядком. Цалую тебя нежно и перенежно. Что за перья в этом проклятом Петербурге! – Как она хочет, но я Анетою Скуловою так доволен, что теперь цалую ее в плечо, а к свиданию готовлю ей три поцадуя: в лоб, в левую щеку и в.....¹⁶ глаз. Сегодня в Павловском свадьба Нелидовой и Трубецкого, брата [По]темкиной¹⁷. Прощай. Бог с вами!

На обороте 2-го листа. её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской, в Чернышевском переулке, в собственном доме, в Москве,

РАЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

¹⁶ В оригинале здесь несколько букв вырваны.

¹⁷ В оригинале здесь несколько букв вырваны.

ИЗ

ОСТАФЬЕВСКОГО АРХИВА КНЯЗЕЙ ВЯЗЕМСКИХ.

Князь П. А. Вяземский Д. Н. Блудову.

[Конец 1816 года. Москва].

Благодарю от всего сердца милостивую государыню, любезнейшую Кассандру Николаевну за милое её письмо и присланные книги. С трепетом внимаю пророческому голосу, с удовольствием и страхом следую его призыванию; но что ждет меня? Стыд или успех? Громкий хохот тучных славян или улыбка одобрения строгого Арзамасского ареопага? Думать нечего: жребий брошен. Смелым Бог владеет, и, может быть, удастся и мне совладать с моим предметом. Со всем тем, всякое лицепритие в сторону, мне жаль, что вы уступили мне перо. Я с Тургеневым объяснился на этот счет и повторяю вам то и. е с прежнею искренностью. А теперь поговорим о деле. Вы назначаете мою статью или, лучше сказать, предназначаете ее в первый том; но тут, мне кажется, приличнее быть известию о жизни автора; а я предполагал кинуть взгляд на драматические заслуги Озерова, Мне хотелось, пробежавши на почтовых песчаную дорогу нашего театра, уткнуться на «Эдипа» и с него пойти по следам Озерова. Вот какая была моя мысль; не знаю, годится ли она к исполнению вашей. Во всяком случае мне хотелось бы иметь понятие о мелких стихотворениях его, обещанных издателями во втором томе. Еще нужно бы мне иметь перед глазами

Дюсиса, из которого он взял, как мне сказывали, «Эдипа», хотя русский «Эдип» во многом сходен с греческим, но в греческом нет смерти Креона. Чья эта смерть – Озерова или Дюсиса? Сказывали мне также, что есть какая-то фран[цузская] опера Эдипа (*sic*), которая служила отчасти образцом ему. Жду вашего разрешения, а между тем, собираясь с силами, примусь по-маленьку за работу. Что делаете вы, любезный Дмитрий Николаевич? Долго поджидал я вас в пашу сторону, по данному обещанию, но вместо оригинала приехал портрет, за который, несмотря на обманутую надежду, благодарю от чистого сердца. Что делает Арзамас?

Все та же ль там краса природы?

Все так ли там, как в старину?

Мы здесь при своем старосте сетуем о прошедшем и гадаем о будущем. А он сам сидит при подагре, раскаиваясь в прошедшем и робея будущего. Рифмы скрылись от него, и он, проживши месяц в деревне на подножном корме, не привез к нам ни белого стиха. Зато сколько у вас белых горячек! Измайлов точно пьяный Крылов.

Олин

Водяною болен;

Капнист

И тощ, и сух, и *чист* (выражение игрецкое: то-есть – проигрался).

Вы видите, я говорю о предметах языком, их достойным; не даром слушал я и собираюсь снова слушать лекции Мерзлякова, Век живи, век учись. Что сказать вам о пипиньке-Марсе? Он все болен и ударился в прозу, то-есть не совсем лицом в грязь, а, как бы вам сказать, променял ястреба на кукушку. Шутки в сторону: не знаю, хорошо ли он делает, что отстает от стихов. Впрочем, что он ни писал прозой, все имеет цену; но возраст прозы, кажется, еще для него не настал. Есть время всему: за двумя зайцами бежать вдруг невозможно, а русак Батюшкова – стихи.

Простите, любезный согражданин. Поставьте от меня свечку преподобному арзамасскому гусю. Когда приложусь к священной..... его, во имя Светланы, Клещуна-Гавинье [*sic*] и облобызавшего ее старосты? Усердным поклонникам его олтаря мой усердный поклон.

Москва.

Князь П. А. Вяземский Д. Н. Блудову.

Москва. 11 февраля [1817 г.].

Получал ли Озеров какие-нибудь знаки благоволения от Государя? Писал ли он что-нибудь по смерти «Олега» и до рождения «Эдипа»? Каких лет умер он? Каким учился языкам? Знал ли древних лично или заочно? Оставил ли начатые творения? Нет ли в жизни его красноречивой черты, по которой всякий, знавший его, мог бы сказать: так! это – Озеров! Фонтенель, показывающий целый сундук ругательств, напечатанных на него, и признающийся, что он ни строки не читал из них; изгнанный Лафонтен, отвечающий другу, призывающему его к себе: я и так к тебе шел, – вот сокровища библиографа, вот краски, одушевляющие его рисунок: без них изображение будет мертво, без них вместо портрета создашь силуэт, мелом писанный по белой бумаге. Но так и быть! Если не дадите мне сахара, любезнейшая Кассандра, то дайте по крайней мере хлеба, то-есть ответы на запросы. Буду ожидать их с нетерпением, а пока занимаюсь разбором его театра. Ему непростительно, что он не уморил Эдипа: позволивши себе конец сверхъестественный смертью Креона, чего ему страшиться было? Со всеми её пороками лучшая его трагедия – «Дмитрий Донской». В «Поликсене» найдутся явления, которые могут стать наравне с лучшими древ-

него и новейшего театра. Вообще Озеров, как мне кажется, был удачнее в изображении женских характеров. Возьмите его Антигону, Ксению, Мойну и отпечаток греческой – Гекубу и Поликсену! Сейчас Громовой сказывал мне, что Озеров писал сначала французские стихи: нельзя не упомянуть об этом! Это любопытно! Еще говорил он мне о какой-то трагедии: *Ярослава!* Я понятия о ней не имею! Ради Бога, давайте мне более теста: того и смотри, что видит сухой сухарь, на подобие плоских печений булочника, или буточника, сына отечества. Что вы делаете, любезнейший из ленивцев? Я на Арзамас скалю зубы, но зуб неймет. Что делать? Я все еще в ожидании разрешения. Бог весть, когда случится! Жуковский на своем ставит, и я глухому читал проповедь. Он хочет закурить нас табаком немецкой литературы. Делать нечего: его, как и Бога, оспорить и перекричать нельзя. Пришлось повиноваться. А я все сплю и вижу арзамасский журнал. Мне хотелось бы заставить сказать: *C'est du Nord aujourd'hui, que vous vient la lumière!* Но не тут-то было! Буду сидеть у моря и ждать погоды. Простите, любезнейший Дмитрий Николаевич. Избранным поклон в пояс. Василий Львов сын Пушкин по прежнему одержим сильною испариною. Капля и камень пробивает, говорит пословица: посмотрим, что будет.

Москва. 11-го февраля.

Скажите мне ради Бога, чем умер или, правильнее, чем

изволил обкушаться Александр Иванович?

Приписка С. П. Жихарева.

Вот и я опять в доброй гостеприимной Москве, почтеннейший Дмитрий Николаевич; по приведении всех дел в надлежащий порядок возвращаюсь в недра незабвенного Арзамаса. Дней через десять надеюсь обнять вас. Прошу свидетельствовать истинное душевное мое почитание Анне Андреевне и поцеловать милых малюток.

Вяземский добивается все прежних творений Озерова, до его ироиды Абелярда и Элоизы. Кажется, у вас есть ода его на смерть Ангальта, писанная на французском языке. Я говорил ему об ной; он считает, что будет хорошо, когда упомянуть в обозрении его творений, что лучший наш трагик начал писать по французски.

Искренно преданный С. Жихарев.

Приписка князя П. А. Вяземского.

Василий Львович, верно, скажет: и я начал французскими стихами! но как кончал? Он на днях читал в Московско-Варего-Халдейском обществе любителей бессловесности и губителей словесности прекрасную басню, перевод из Лафонтена.

64.

К. Н. Батюшков князю П. А. Вяземскому.

[1811 г.].

Приехали Муравьевы, которые у меня похитили все время; к тому же прибавь хлопоты об отъезде, которых, право, не мало; у меня один человек я тот не надежный. Надобно все делать самому. Если я не был у тебя, то, право, потому, что не нахожу удовольствия быть с тобою. Признайся сам, милый друг, что Вяземский, проведя в чаду целый месяц, друзьям дает пустое сердце и пустой ум, а я, признаюсь, эпикуреец и в дружестве. Желая тебе веселиться, от вс[ей] души желаю. Но прошу одного: не забывать, что Батюшков тебя любит, как брата, как друга. При отъезде я нахожу некоторое удовольствие повторить тебе, сколько я к тебе привязан! Еду завтра, а если Мурав[ьевы] задержат, то после завтра, и к тебе заверну.

65.

М. Н. Загоскин князю П. А. Вяземскому.

[1837 г.].

Почтеннейший князь Петр Андреевич.

Благодарю вас от всей души за уведомление ваше, что вещи и платья г.¹⁸ Белькур будут выпущены из С.-Петербургской таможни, и спешу отвечать на вашу приписку. У меня теперь решительно ничего нет, что могло бы по своему объему войти в состав «Современника». Я пишу и еще не кончил довольно большой роман, но к сожалению все то, что в нем не вовсе дурно, так тесно связано с целым сочинением, что нет никакой возможности выбрать какой-нибудь отрывок, который имел бы и начало и конец. Во втором томе есть только один эпизодический рассказ, который подходит под это необходимое условие; но это, по мнению моему, самое слабое место из всего романа и может дать весьма невыгодное о нем понятие; но, несмотря на это и чтобы доказать вам, как искренно я желаю, хоть несколько участвовать к прекрасном и благородном намерении пашем сделать добро семейству нашего великого понта, я пришлю к вам этот рассказ – только с условием: если вы найдете его

¹⁸ Г-на или г-жи *наткано в оригинале, – неясно.*

через-чур плохим, то Бога ради не церемоньтесь и раскурите им вашу сигарку.

Позвольте еще раз поблагодарить вас и уверить в моей искренней приязни и неизменном уважении, с которыми я за удовольствие почитаю называться вашим преданным и покорнейшим слугою.

Михаил Загоскин.

NB. Вы не ошиблись, почтеннейший князь Петр Андреевич, я точно оплакиваю вместе с вами Пушкина; я никогда не был в числе его близких друзей, но всегда любил его, как честь и славу моего отечества.

66.

**Священник о. М. Г. Пиняев
князю П. А. Вяземскому.**

[Село Красное Костромской губернии. 12-го декабря 1811 г.].

Сиятельнейший Князь,
Милостивый Государь!

Дерзаю и я сим вас беспокоить и, не взирая на мою низкость, просить, да услышан буду. Не безызвестно, князь сиятельнейший, что самый простый и серый камень содержит в себе огненное вещество: едва коснется ему сталь, он испускает из себя сильные искры. По воспитанию моему и по необращению я никакого ни в чем расторопства не имею; я сельский вашей вотчины священник и обращаюсь больше при одной только сохе; но слыша, что ваше сиятельство милостиво выслушивать и таких благоволяете, а при том узнавши, что

К надежде нашего покоя,
К отраде искренних сердец,
Господь, велико благо строя,
Как брачный, возложил венец
На вас, князь Петр, с княжною Верой,
Подобно с розой спелой, зрелой, –

то почувствовал некоторое восхитительное потрясение в душе моей. Сведомость сия, подобно крепкому железу, ударила, в мое сердце, разверзла его жесткия поры и произвела пламень, которого я угасить не в силах; он поддает мою внутренность, наливается на язык и никак не остается под спудом. Сии-то самые искры усердия и пламенные чувствования заставили и подданных ваших принести благодарность Вышнему о совершении вождеденнейшего для нас вашего бракосочетания, потому наипаче, что

Природа исстарь заключила
И мужеский и женский пол,
Любовь же обще утвердила
В вещах двуродный свой престол.
Свились где винограда лозы,
Где две сплелись друг с другом розы,
Где птички выют гнездо весной,
Где отрок нежну мать целует,
Любовь приятно показывает
Возженный тамо факел свой.

О, если бы при свете такового факела удостоились и мы озаряемы быть вождеденнейшим вашим присутствием; когда бы получили счастье взирать на человеколюбивейший взор ваш; когда бы возымели случай вкушать сладостное наставление, из уст ваших проистекающее, растворенное од-

ною благостию: тогда бы восхитились более, нежели как северные народы явлением прелестные зари и лучезарного светила. Что бо вожделеннее для нас быть сего может, как видеть тех, которых сам Господь дать нам чрез пророка своего обещал: «И дам вам покровители и правители по сердцу, иже управят вас разумом и учением». – Сиятельный князь! К совершенному нашему счастью премудрый Вышнего Промысл, вручая вам ключи правления над нами, украсил вас бесподобным достоянием благости и вознаградил даром человеколюбия, так что каждое ваше веление, каждое изречение восхищало наши сердца и преклоняло умы под подчинение велениям вашим и власти. Свидетельства сии ежедневно, явно, ясно и очевидно узрите, ежели удостоите только своим посещением. Удостойте нас оным! Мы ни цели, ни меры усердным нашим желаниям не поставляем ни в чем другом, как единственно в созерцании на знаменитые ваши особы. Ныне только слухом уха слышим, а когда очами увидим, то по подобию Савской государыни, пришедшей посмотреть Соломона, единогласно, просто, но усердно скажем: «Блаженны очи, иже выну предстоят пред вами, слышаще всяк глагол ваш».

Тогда беспристрастные отроки, желающие видеть вас, как присного покровителя, от избытка радости своей учинят вашему сиятельству следующее усердное приветствие:

Гость дражайший! Гость любезный!

Коль приход твой веселит,
Показует то наш тесный
Дух, кой в нас теперь горит
Радостью в твоём приходе;
Как денница на посходе,
Сердце наше пламенеет
Жаром искренней любви,
Кую каждая имеет.
Гость, душа, драгой, к тебе,
Каждая вещает песни,
Се желанья нелестны.
Гость любезный! Гость дражайший!
Жизнь твою Творец веков
Да блюдет во век должавший,
И да будет вам покров.

Потом предстанут к её сиятельству с робкою торопливостью девочки и с её повеления приятность любви хвалою превознесут тако:

Любовь где царствует, повсюду –
Тут зиждет дивны красоты,
Там движет каждую вещь внутрь уду,
Там симпатической четы
Младые руки соплетает
И в их улыбках обитает,
Там в семи-тростковую свирель
Играет громко и приятно,
Поя в веселий очунь внятно

Через свою согласну трель.
Любовь, поди дочь первобытной!
Дотоле твой престол стоит,
Среди вещей природы скрытной
Доколе все твой огонь живет;
Ты двух в едино составляешь
И всяким счастьем награждаешь,
И ты нын в полной чистоте
Внутри князей наших пробуди,
Живым бальза[мо]м три их груди:
Стоит престол твой в их чете.

Ваше сиятельство! вожделем будет в нашей жизни тот час, как удостоимся видеть вас; тогда и самые развесистые наши ивы и престарелые сосны почтем мы за пирамиды, под тению которых всякий успокоится во всех отношениях, а наипаче небогатые обретут при нас нужное и необходимое: женаты будут их дети в надлежащее время, и девки будут выходить в замужество без суеверия и без ханжества неискушенны; не слышно будет ни воздыханийв огорченных, ни рыданийв безотрадных, словом все пойдут на гору своего благоденствия тем млечным путем, которым, как сказывают, хаживали меньшие боги на совет к Юпитеру.

Князь сиятельнейший! Ниспосли милостивое ваше внимание и благоволение на сие прошение и приими его, как приношение верности, с родственным вам благодеянием, приими, как приношение повиновения, приими, как жертву

искреннего сердца.

Искренность сердца моего не может более успешнее изъясниться пред вами, как единственно правдивым и нелицемерным исповеданием того, что я не в силах вымыслить ничего сего более величественнее и преимущественнее. Ваш

Вашего Сиятельства

Милостивого Государя

покорнейший слуга

Костромской Вашей вотчины.

Села Красного Богоявленский Иерей Матфий Пиняев.

1811 года, декабря 12 дня.

Примечания

1. Князь П. А. Вяземский своей невесте княжне В. С. Гагариной. [*Август 1811 г. Москва*].

– (Стр. 3). В этом письме князя Петра Андреевича Вяземского к своей невесте княжне Вере Федоровне Гагариной речь идет о беспокоившей их встрече с Карамзиными (как известно, Н. М. Карамзин во втором браке; был женат на родной сестре князи П. А. Вяземского), для которых помолвка князя была неожиданностью и которые, очень дружелюбно относясь к нему, не были однако довольны тем, что князь женится на дочери Прасковьи Юрьевны Кологривовой (урожд. княжна Трубецкая; в первом браке была за князем Ф. С. Гагариным). – См. письмо Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 27 августа 1811 года: «Мы думали жить в деревне до Октября, но Бог сделал иначе. Наш князь нечаянно объявил нам, что он помолвил жениться на Княжне Гагариной, дочери Кологривовой, Прасковьи Юрьевны. Мы не имели даже ни малейшего подозрения.... Между тем мы должны расстаться, то есть жить в разных домах: он думает скоро жениться и переехать в Подмосковную, а твой Историограф, не очень здоровой, не очень веселой, занимается теперь хлопотами нового особенного хозяйства..... Не подумай, любезнейший, чтобы я был сердита на Князя: люблю его, как истинно родного..... Повторяю сердечную мою прозбу, что-

бы ты был всегда его покровителем.» [*Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*. С примечаниями и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским. С.-Пб. 1866, стр. 154-155]. – Срав. *Кн. И. М. Долгоруков*. Капище моего сердца, М. 1874, стр. 203-204.

Отметим, что «подмосковная», о которой упоминает здесь Карамзин, – усадьба князя И. А. Вяземского (ныне принадлежащая графу С. Д. Шереметеву) *Остафьево* (Московской губ. Подольского уезда), где Карамзин писал «Историю Государства Российскаго» и о котором он так тепло отзывается в письме к Н. И. Кривцову от 22 июля 1822 года (Отчет И. Публ. Библиотеки за 1892 год. С.-Пб. 1395, Приложения, стр. 33): «Остафьево достопамятно для моего сердца: мы там наслаждались всею приятностью жизни, не мало и грустили; там текли средние, едва-ли не лучшие лета моего века, посвященные семейству, трудам и чувствам общего доброжелательства, в тишине страстей мятежных».

2. Князь П. А. Вяземский своей жене. 10-17 августа [1812 г. Москва].

– (Стр. 4). Княгиня В. Ф. Вяземская с Е. А. Карамзиной находились в это время в Ярославле, куда они уехали из Москвы в виду приближения французов. – См. напечатанные кн. П. А. Вяземским «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива» (*Русский Архив* 1866 г., ст. 226-227).

– (Стр. 4). Рихтер – Вильгельм Михайлович, знаменитый

московский врач, акушер (княгиня Вера Федоровна ожидала в это время рождения первого ребенка). – См. т.т. I–II.

– (Стр. 4). Жуковский – Василий Андреевич. – См. т. I, стр. 686.

– (Стр. 4). Иванов – вероятно, Федор Федорович, драматический писатель. – См. т. I, стр. 414-415.

– (Стр. 4). Четвертинский – князь Борис Антонович Святополк-Четвертинский, женатый на родной сестре княгини Веры Федоровны Вяземской Надежде Федоровне, – См. т.т. I–III.

– (Стр. 4). Николай Михайлович – Карамзин. – См. его письмо к И. И. Дмитриеву из Москвы от 20 августа 1812 г.: ... Я переехал в город, отправил жену и детей в Ярославль с брюхатою Княгинею Вяземскою; сам живу у графа Ф. В. Ростопчина и готов умереть за Москву, если так угодно Богу... Я рад сесть на своего серого коня и вместе с Московскою удалою дружиною примкнуть к нашей армии... Я простился и с историей» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С.-Пб. 1866, стр. 165).

Отметим, что с Ростопчиным Карамзин был в свойстве: Карамзин в первом браке был женат на Е. И. Протасовой; графиня Е. П. Ростопчина – урожденная Протасова.

– (Стр. 4). Катерина Андреевна – Карамзина, сестра кн. П. А. Вяземского. – См. т.т. I–III.

3. Князь П. А. Вяземский своей жене. 20-28 августа

[1812 г. Москва].

– (Стр. 5). «Сейчас получил я письмо от Милорадови-
ча...». – Это письмо графа Михаила Андреевича Милора-
довича князь П. А. Вяземский напечатал в *Русском Архиве*
1866 г., столб. 221.

– (Стр. 6). Николай Михайлович – Карамзин,

– (Стр. 6). Прасковья Юрьевна – Кологривова. – См. вы-
ше и т.т. I–III.

5. Князь П. А. Вяземский своей жене. 30 августа

[1812 г.]. Москва.

– (Стр. 7). Об участии князя П. А. Вяземского в Боро-
динской битве см. в его статье: «Воспоминание о 1812 го-
де» (Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского, т.
VI, С.-Пб. 1882, стр. 190-213).

– (Стр. 8). Князь Федор – князь Федор Федорович Га-
гарин, родной брат княгини Веры Федоровны Вяземской. –
См. т.т. I–III.

– (Стр. 8). Валуев Петр Петрович – кавалергардский офи-
цер. – См. о нем в «Записках *Сергея Григорьевича Волкон-
ского* (декабриста)», С.-Пб. 1901 г. (издание кн. М. С. Вол-
конского), и в издании: «Сборник биографий кавалергардов.
1801-1826. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского
её Величества Государыни Императрицы Марии Феодоров-
ны полка. Составлен под редакцией С. *Панчулидзева*», С.-
Пб. 1906, стр. 170-171. – Князь П. А. Вяземский говорит о

Валуеве и в «Воспоминаниях о 1812 году», и в стихотворении: «Поминки по Бородинской битве» (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 205, и т. XII, стр. 396). – Срвн. *Граф С. Д. Шереметев*. Князь Петр Андреевич Вяземский. С.-Пб. 1891, стр. 10.

6. Князь П. А. Вяземский своей жене. 28 мая [1824 г. Москва].

– (Стр. 9). 24 мая 1824 года княгиня Вера Федоровна Вяземская с двумя больными детьми (Николаем и Надеждою) отправилась в Одессу для поправления их здоровья. Другие дети (Мария, Павел, Прасковья, Петр) остались с князем Петром Андреевичем Вяземским в Остафьево. – См. т. III, стр. 48, и письма А. Я. Булгакова к брату К. Я. Булгакову, от 5 и от 22 мая 1824 г. (*Русский Архив*, 1901 г., кн. II, стр. 55 и 58).

– (Стр. 9). Рушковский – Иван Александрович, московский почт-директор. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 9). Давыдов – Петр Львович. – См. т. III.

– (Стр. 9). Петруша – сын князя Петра Андреевича Вяземского. Родился 28 марта 1823 г. ум. 18 апреля 1826 г. – См. т. II.

– (Стр. 9). «Покупка деревни нашей утверждена Государем». – Здесь и в некоторых из следующих писем речь идет о продаже князем П. А. Вяземским своей о тверской деревни Комиссии по сооружению в Москве храма Христа Спаси-

теля. Решиться на эту меру князя заставили крупные долги. А. Я. Булгаков к письме к брату К. Я. Булгакову, от 25 июля 1824 года [*Русский Архив* 1901 г., кн. II, стр. 72-73] пишет по этому поводу: «Вяземский получил свои полмиллиона денег за проданное имение и поскорее расплачивается со всеми, боясь такую сумму держать дома: еще тяжелее должна быть для него мысль, что он долги свои нажил от проклятой игры. Эту дыру мудрено для него заткнуть. Поправить игрою мудрено для него: надобно бы играть наверняка, а он слишком честен и благороден для этого, а еще рисковать, чтобы последнее проиграть, было бы сумасшествие непростительное для отца семейства. Он должен делать горькие размышления, но помочь злу уже нельзя». – Подробности о ходе дела по продаже деревни см. в переписке князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым [т. III, стр. 7 и след.] и в письмах Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому [*Старина и Новизна*, кн. I, С.-Пб. 1897, стр. 149 и след.].

– (*Стр.* 9). София – София Федоровна Лодомирская, урожденная княжна Гагарина, родная сестра княгини Веры Федоровны Вяземской. – См. т.т. I–III.

– (*Стр.* 9). Каталани – Аделина, певица, невестка знаменитой Анжелики Каталани. – См. т. III, стр. 402.

– (*Стр.* 9). Аменаида – действующее лицо в опере Россини «Таипред», либретто которой составлено по трагедии Вольтера, имеющей то же название.

– (*Стр.* 9). Байрон скончался 19-го апреля 1824 года.

– (Стр. 9). «Ты и смерть Байрона не выходят у меня из головы и из сердца...» – Срвн. письмо кн. П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 26 мая 1824 г. (*Остафьевский Архив*, т. III, стр. 48-49).

7. Князь П. А. Вяземский своей жене. 1 [июня 1824 г.] Москва.

– (Стр. 9-10). В переплетенном томе писем кн. П. А. Вяземского к жене, за 1824-1831 годы, это письмо ошибочно помещено перед письмом от 28 мая 1824 г., но к собственноручно написанном кн. П. А. Вяземским (и вклеенном в тот же том) реестре писем, отправленных им к 1824 г. жене, это письмо правильно помечено № 3.

– (Стр. 9). Машенька – дочь князя П. А. Вяземского, княжна Мария Петровна. Родилась в 1813 году, ум. в феврале 1849 г. Замужем была за П. А. Валуевым. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 9). Пашенька – дочь князя П. А. Вяземского, княжна Прасковья Петровна. Родилась в феврале 1817 года, ум. в 1835 году в Риме. – См. т.т. I–III, и *Русскую Старину* 1881 г., т. 31, стр. 205.

– (Стр. 9). M-lle Goré – гувернантка при детях кн. П. А. Вяземского. – См. о пей в дальнейших письмах.

– (Стр. 10). Четвертинские. – См. выше. – Их имение Филимонки (Московской губернии Подольского уезда) находилось недалеко от Остафьева.

– (Стр. 10). Павлуша – князь Павел Петрович Вяземский,

сын князя П. А. Вяземского. Родился 2 июня 1820 г., ум. 29 июня 1888 г.

– (Стр. 10). Окуловы – соседи князя П. А. Вяземского по Остафьеву: их имение Микульское смежно с Остафьевым. – Об Окуловых см. т.т. I–III.

– (Стр. 10). Модест – сын Алексея Матвеевича Окулова. Родился, как видно из дел Департамента герольдии, в 1810 г. [В. С].

– (Стр. 10). «J'ai l'ait ce que ja devais faire» – повидимому, цитата из трагедии Вольтера «L'Orpheline de Ia Chine», V, 1, где она, впрочем, читается, «J'ai fait ce que j'ai dû». [А. Ф.].

– (Стр. 10). Юсупов – князь Николай Борисович. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 10). Давыдов Левушка – Лев Васильевич, брат партизана Дениса Васильевича Давыдова. – См. т. II.

– (Стр. 10). Давыдов Дмитрий – Дмитрий Александрович. – См. т.т. I–III.

8. Князь П. А. Вяземский своей жене. 6 [июня 1824 г. Москва].

– (Стр. 10). Давыдовы. – См. выше.

– (Стр. 11). Всесвятское – находится в трех верстах от Москвы.

– (Стр. 11) Пушкин – Александр Сергеевич. О пребывании его в Одессе см. П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России. Материалы для его биографии. М. 1862»; «А. С. Пуш-

кин, Труды и дни. Хронологические данные, собранные *Николаем Лернером*. М. 1903»; «Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии Наук. Переписка. Под редакцией и с примечаниями *В. И. Саитова*. Том первый (1815-1826). С.-Пб. 1906».

На смерть Байрона Пушкин отозвался несколькими строками в стихотворении 1824 года: «К морю»,

– (Стр. 11). Кюхельбекер – Вильгельм Карлович. – См. т.т. II–III.

– (Стр. 11). Кривцова – вероятно, жена И. И. Кривцова, Екатерина Федоровна, рожд. Вадковская. – О Кривцовых см. т.т. I–III и, кроме того, письма в Н. И. Кривцову Н. М. Карамзина, Л. А. Жуковского и князя И. А. Вяземского в «Отчете И. Публичной Библиотеки за 1392 год» (С.-Пб. 1895), Приложения, стр. 30-50.

9. Князь П. А. Вяземский своей жене. 8-го июня [1824 г.] Остафьево.

– (Стр. 12). «Кутайсова решительно помолвлена за Голицына». – Кутайсова – графиня Александра Павловна, дочь графа Павла Ивановича Кутай сова, вышедшая замуж (12 ноября 1824 г.) за князя Алексея Алексеевича Голицына (*Род князей Голицыных. Составил кн. Н. Н. Голицын*. Т. I. Материалы родословные, с 1 гравюрою и 12 фототипиями. С.-Пб. 1892, стр. 171).

– (Стр. 12). Четвертинская, княгиня Надежда Федоровна

(в семье ее ввали Négeon), – жена князя Бориса Антоновича Святополк-Четвертинского, родная сестра княгини Веры Федоровны Вяземской. – См. т.т. I–III и *Старина и Новизна*, кн. VIII, М. 1904, стр. 47-48.

– (*Стр. 7.2*). Nadinka – княжна Надежда Борисовна Святополк-Четвертинская, впоследствии княгиня Трубецкая (ум. в 1909 г.). – См. т. III, и *Старина и Новизна*, кн. VIII, стр. 47-48.

10. Князь П. А. Вяземский своей жене. 11 [июня 1824 г..] Остафьево.

– (*Стр. 7.9*). Нессельроде – Федор Карлович, граф. – См. т.т. II–III.

– (*Стр. 14*). Васильчиков – может быть, Илларион Васильевич. – См. т. I–III.

– (*Стр. 14*). О французской водевильной труппе, приехавшей во главе с d'Angeville в Одессу летом 1824 года, рассказывается в «Записках графа М. Д. Бутурлина» (*Русский Архив* 1897, кн. II, стр. 28). – M-r Auguste – может быть, танцовщик, об участии которого в спектаклях за 1824 г. упоминается в «Летописи русского театра» П. Арапова (С.-Пб. 1361, стр. 449-365).

– (*Стр. 14*). Лодомирская – Софья Федоровна. – См. выше.

– (*Стр. 14*). Матьяс – граф Матвей Юрьевич Виельгорский? – См. т.т. II–III.

– (Стр. 14). Давыдов – Дмитрий Александрович. – См. выше.

– (Стр. 14). «Поздравляю тебя с завтрашним новорожденным...» – 12 июня – день рождения князя П. А. Вяземского.

11. Князь П. А. Вяземский своей жене. 16 [июня 1824 г.]. Москва.

– (Стр. 14). Сергей Сергеевич Кушников – первенствующий член Коммиссии по постройке храма Христа Спасителя, купившей имение кн. П. А. Вяземского. – См. т.т. II–III.

– (Стр. 15). Раевский – Николай Николаевич, генерал-от-кавалерии, герой 1812 года. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 15). Орлов – Михаил Федорович, женатый на Екатерине Николаевне Раевской, Арзамазец, с которым князь П. А. Вяземский был в дружеских отношениях, – См. т.т. I–III, и «Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди (Заметки на статью П. И. Бартенева: «Пушкин в Южной России»)» в *Русском Архиве* 1866 г., столб. 1429 и след.

– (Стр. 15). Булгаков – Александр Яковлевич, близкий приятель кн. П. А. Вяземского. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 16). Comte Michel W.– вероятно, граф Михаил Юрьевич Виельгорский. – См. т.т. I–III.

12. Князь П. А. Вяземский своей жене. 21-22 июня [1824 г.] Остафьево.

– (Стр. 16). Елена – повидимому, бонна при детях князя

П. А. Вяземского.

– (Стр. 16). Скюдери – Петр Антонович, московский врач. – См. т.т. II–III.

– (Стр. 16). «Quand vous votre femme.....» – фраза из приписки Екатерины Андреевны Карамзиной в письме Н. М. Карамзина от 13 июня 1824 года к кн. П. А. Вяземскому (*Старина и Новизна*, кн. I, С.-Пб. 1807, стр. 164-155).

– (Стр. 17). Из хранящегося в Остафьевском архиве письма княгини В. Ф. Вяземской к мужу, от 4 июня 1824 г, видно, что Louis, о котором говорится здесь, – доктор.

– (Стр. 17). Волконский – князь Сергей Григорьевич. О поездках его в Киев и на Кавказ см. главы XLV и XLVI его *Записок (Записки Сергея Григорьевича Волконского* (декабриста). Издание Князя М. С. Волконского. С.-Пб. 1001) и письмо его к А. С. Пушкину от 18 октября 1824 г. (Академическое издание переписки Пушкина, т. I, С.-Пб. 1906, стр. 138-139). – См. т.т. I–III.

– (Стр. 17). Князь Никита – князь Никита Григорьевич Волконский, муж княгини Зинаиды Александровны Волконской. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 17). О князе Петре Михайловиче Волконском см. т.т. I–III.

– (Стр. 17). Суханово – имение князей Волконских в Подольском уезде Московской губернии, в 10 перстах от Остафьева.

– (Стр. 17). Волков – Александр Александрович, москов-

ский комендант – См. т.т. I и III.

– (Стр. 17). Депре – вероятно, Филипп Иванович, владелец винного погреба (См. «Записки гр. М. Д. Бутурлина» в Русском Архиве 1897 г., кн. II, стр. 183).

– (Стр. 17). Прасковья Юрьевна – Кологривова. – См. выше.

– (Стр. 17). Каролина – повидимому, бонна при детях князя П. А. Вяземского.

– (Стр. 17). A la d'Arlicourt. – Д'Арленкур – французский писатель (1789-18511). Ср. в статье кн. П. А. Вяземского: «Разбор Второго разговора, напечатанного в 7-м номере Вестника Европы» (перепечатан в «Остафьевском Архиве», т. III, стр. 405-413) следующую фразу (стр. 409): «Если правда, как сказал он (Второй Классик), что *несовместное соединение слов* принадлежит новой школе, то его по справедливости можно назвать *ультра-романтизм* или *классическим романтиком*, ибо у самого виконта Дарленкура не найдешь примера подобного сочетания слон и понятий несочетаваемых».

13. Князь П. А. Вяземский своей жене. 26-го [июня 1824 г.]. Москва.

– (Стр. 18). Гейнеман. – Из хранящегося к Остафьевском архиве письма (без даты) кн. В. Ф. Вяземской к мужу видно, что Гейнеман – учитель музыки.

– (Стр. 19). Дочь Марии Антоновны (Нарышкиной,

урожд. княжны Четверти покой, сестры кн. Бориса Антоновича Четвертинского) – София Дмитриевна Нарышкина. О смерти её и о том, какое впечатление эта смерть произвела на Императора Александра И-го, см. «Воспоминания моей жизни- Записки почетного лейб-хирурга *Д. К. Тарасова*» (*Русская Старина* 1871, декабрь, стр. 638-640). – Кроме того, см. т. III.

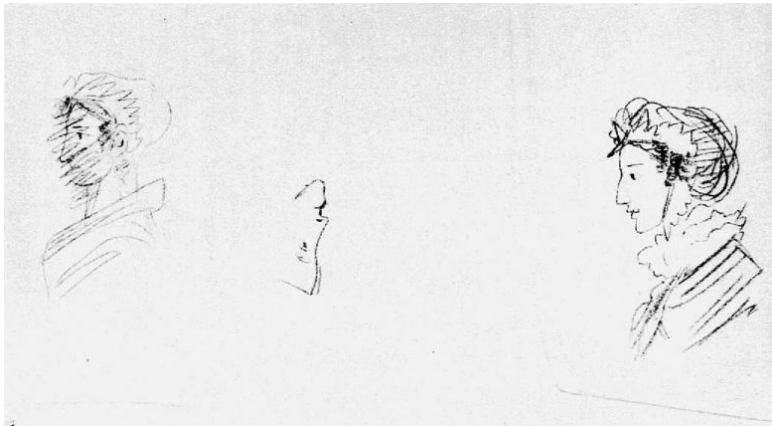
– (*Стр. 19*). Всесвятское. – См. выше.

– (*Стр. 19*). Орлова – Екатерина Николаевна, рожд. Раевская. – См. выше.

– (*Стр. 19-20*). Письмо А. С. Пушкина (к кн. П. А. Вяземскому?) от 5 июля 1824 года (написано карандашом на письме кн. П. А. Вяземского к жене от 26 [июня 1824 г.]).

Письмо это по тому же оригиналу, но которому оно издается здесь, напечатано уже в Академическом издании переписки Пушкина (Т. I, С.-Пб. 1906, стр. 123), как *черновое*. Отметим, что письмо это является переработкой чернового письма Пушкина к Вяземскому от 4 ноября [1823 г.] (там же, стр. 83, примечание) и что в оригинале письмо от 5 июля 1824 года не производит впечатления черновика, так как написано без помарок.

На обороте 2-го листа нарисованы карандашом три головки, которые воспроизведены здесь (на стр. 125) автотипией.

– (Стр. 19). Robertson, William (1721 г.– 1793 г.) – известный английский историк. Главный труд его – «History of Scotland». London. 1759», но всемирную известность доставила ему «The History of the reign of the Emperor Charles V». London 1769. 3 vol. – Сочинения его были переведены на французский язык и вышли в Париже в 1817- 1821 гг., в 12 томах. [А. Ф.]

– (Стр. 19). Lemontey – Pierre Edouard (1762 г.– 1826 г.). Пушкин имеет в виду здесь его «Etablissement monarchique de Louis XIV». Paris. 1818. [А. Ф.]

– (Стр. 19). Юм (1711 г.– 1776 г.) – английский философ и историк. [А. Ф.]

– (Стр. 19). Rabaut, denn Paul, более известный под именем Rabaut – Saint-Etienne (1743 г.– 1703 г.) – политический

деятель, автор нескольких исторических трудов и сочинений политического характера. [А. Ф.]

– (Стр. 20). Лавинь – Jean-François-Cosimir Delavigne, французский поэт и драматург (1793-1843) [А. Ф.]

– (Стр. 20). Писесы «Bonaparte» и «Le poète mourant» – составляют 7 и 5 méditations в сочинении Альфонса Ламартина (1710 г.– 1869 г.): «Nouvelles méditations poétiques. 2-е édition. Paris. 1824». [А. Ф.]

14. Князь П. А. Вяземский своей жене. 29 июня [1824 г.]. Остафьево.

– (Стр. 20). «Поздравляю тебя с тремя именинниками»... – Кн. П. А. Вяземский имеет в виду, очевидно, себя и двух сыновей Павла и Петра.

– (Стр. 20). Булгаков – Александр Яковлевич. – См. выше.

– (Стр. 21). Канцлер – граф Николай Петрович Румянцев. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 21). Бобринская – графиня Анна Владимировна, вдова гр. Алексея Григорьевича Бобринского; Гагарина – княгиня Мария Алексеевна, дочь гр. Бобринской. – См. т.т. I–III и *Русский Архив* 11)01 г., кн. II, стр. 27.

– (Стр. 21). Петровское – имение А. М. Пушкина.

– (Стр. 21). Пушкин Алексей Михайлович, – См. т.т. I–III.

– (Стр. 21). «Мы были в Петровском, у Алексея Ми-

хайловича Пушкина, который расшибся и дал прекрасный *gouté* для помолвленных...» – Для пояснения употребленного здесь слова *расшибиться*, приведем параллель из письма А. Я. Булгакова к брату от 30 июня 1826. (*Русский Архив* 1901, т. II, стр. 1004): «Хотя новокоронованное величество [французский король Карл X-й] могло бы *расшибиться* для доброго нашего и небогатого князя П. М... но и это хорошо. C'est toujours un agréable souvenir, qu'il gardera de l'époque du sacre et qui passera à ses enfants».

– (Стр. 21). О браке графа Василия Алексеевича Бобринского с княжностью Лидией Алексеевной Горчаковой см. письмо А. Я. Булгакова к брату от 9 июня и 7 июля 1824 г. (*Русский Архив* 1901 г., кн. II, стр. 63, 417 и 68). – См., кроме того, т. III.

– (Стр. 21). М-г Catalani – муж упомянутой выше певицы. – Срвн. письмо А. Я. Булгакова к брату от 4 августа 1824 г. (*Русский Архив* 1901 г., кн. II, стр. 76).

– (Стр. 21). Тимирязев – вероятно, Иван Семенович, адъютант Великого Князя Константина Павловича. – См. т.т. I–III; портрет И. С. Тимирязева в *Русском Архиве*, 1884 г., кн. I.

– (Стр. 21). Оленин – Евгений Иванович, генерал-майор (ум. 30 октября 1827 г.); женат был на Варваре Петровне Хитрово. – См. «В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий». Т. II, С.-Пб. 1887, стр. 231; «Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). Издание князя М. С. Волконского. С.-Пб. 1001,» стр.

172 и «Домашний Памятник Николая Гавриловича Левшина» (*Русская Старина* 1873, т. 8-й, стр. 817-848).

– (*Стр.* 21). M-me d'Angeville-Vanderberg. – См. выше.

15. Князь П. А. Вяземский своей жене. 1-го июля [1824 г.]. Остафьево.

– (*Стр.*,23). «Мое дело с Спасом» т.-е. с Комиссией по сооружению в Москве Храма Христа Спасителя.

– (*Стр.*,24). Очевидно, конец, этого письма имел, между прочим, в виду Пушкин, когда в письме от 15 июля 1824 года (Академическое издание, С, – Пб. 1907, т. I, стр. 125) писал князю П. А. Вяземскому: «За что ты меня бранишь в письмах к своей жене? за отставку? т. е. за мою независимость? За что ты ко мне не пишешь? Приедешь-ли к нам в полуденную пыль? Дай Бог! Но поладишь-ли ты с здешними властями, это вопрос, на который отвечать мне не хочется, хоть и можно бы».

16. Князь П. А. Вяземский своей жене. 6-го июля [1824 г.]. Остафьево.

– (*Стр.* 24). Волконский – князь Сергей Григорьевич. – См. выше.

– (*Стр.* 20). Софья – Софья Федоровна Лодомирская. – См. выше.

– (*Стр.* 20). Прасковья Юрьевна – Кологривова. – См. выше.

– (Стр. 20). Наденька – княжна Надежда Борисовна Четвертинская, впоследствии княгиня Трубецкая.

– (Стр. 20). Дашков – Дмитрий Васильевич. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 26). «Что же Байрона?»... Кн. П. А. Вяземский ждал от Пушкина стихотворения, посвященного смерти Байрона, – См. выше письмо № 8.

17. Князь П. А. Вяземский своей жене. [10-го июля 1824 г.]. Москва.

– (Стр. 26). Трубецкой – вероятно, князь Петр Петрович, управлявший Одесскою таможеню, брат декабриста, князя С. П. Трубецкого. – См. «Записки гр. М. Д. Бутурлина» (*Русский Архив* 1897 г., кн. II, стр. 23).

– (Стр. 26). Николенька – сын князя П. А. Вяземского. – См. выше.

– (Стр. 27). Воронцовы – граф Михаил Семенович и графиня Елизавета Ксаверьевна. – См. т.т. I–III

– (Стр. 27). Гурьев – граф Александр Дмитриевич, бывший в 1822–1825 гг. Одесским градоначальником. – См. «Одесса. 1794–1894. Издание Городского Общественного Управления к столетию города. Одесса. 1895». и «Записки гр. М. Д. Бутурлина» (*Русский Архив* 1897 г., кн. II, стр. 18).

– (Стр. 28). Бюкна – невидимому, прозвище кн. С. Г. Волконского (см. выше). Отметим, что княгиня В. Ф. Вяземская в одном из хранящихся в Остафьевском архиве пи-

сем 1824 г. к мужу называет С. Г. Волконского – Vuhna Volkonskoï. – Срвн. письмо А. Я. Булгакова к брату из Москвы от 7 декабря 1823 г. (*Русский Архив* 1901 г., т. I, стр. 602): «Нашел я тут (в театре) Бюхну Волконского; он на днях едет к Вам».

– (Стр. 28). Княгиня Волконская – вероятно, София Григорьевна, жена кн. И. М. Волконского. – См. письмо кн. И. М. Волконского к гр. А. А. Закревскому от 24 мая 1824 года: «...на будущей неделе отправлюсь с тетушкой в Суханово... Вчера получил письмо от жены из Радзивилова; она и Длина, слава Богу, здоровы и теперь уже в Одессе, откуда будут в Суханово, а в июле поедут в Петербург» (*Сборник II. Русского Исторического Общества*, т. 73, С.-Пб., 1890, стр. 87). Срвн. в дальнейших письмах кн. П. А. Вяземского указания, что Волконские приехали в Суханово позже, чем их ожидали.

– (Стр. 28.) Aimeé – Любовь Федоровна Полуектова, урожд. княжна Гагарина, родная сестра княгини Веры Федоровны Вяземской. – См. тт. I–II.

– (Стр. 28). Софья – Софья Федоровна Лодомирская. – См. выше.

– (Стр. 28). Обрескова – София Александровна, жена полковника Петра Александровича Обрескова, урожд. княжна Щербатова (род. 1800, ум. 18 июля 1824). – См. *В. В. Руммель и В. В. Голубцов*. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II, С.-Пб., 1887, стр. 191.

– (Стр. 28). Кн. Василий – князь Василий Федорович Гагарин, – См. т.т. I и III.

– (Стр. 20). «Мне страх на него (Пушкина) досадно...» – Кн. П. А. Вяземский имеет к виду здесь известное столкновение Пушкина с графом М. С. Воронцовым, вследствие которого Пушкин был выслан в Псковскую губернию.

– (Стр. 20). Бофреры – женатые на сестрах княгини В. О. Вяземской, В. Н. Лодомирский, Б. В. Полуектов и кн. Б. А. Четвертинский.

18. Князь Н. Г. Волконский и князь П. А. Вяземский княгине В. Ф. Вяземской. 13 июля 1821 г. Остафьево.

– (Стр. 20). О князе Никите Григорьевиче Волконском см. тт. I–III.

– (Стр. 30). Соболевский – Сергей Александрович. – См. тт. II–IIII.

19. Князь П. А. Вяземский своей жене. 17 июля [1821 г.]. Москва.

– (Стр. 31). Огарева – вероятно, Елизавета Сергеевна, рожд. Новосильцова. – См. тт. I–III.

– (Стр. 31). Юсупов – князь Николай Борисович. – См. тт. I–III.

– (Стр. 31). Сергей Петрович Румлинцов – граф, брат канцлера гр. Н. П. Румянцова. – См. тт. I–III.

– (Стр. 31). «Дядя его (А. С. Пушкина) выпотел посла-

ние к другому племяннику...» – Здесь кн. П. А. Вяземский, очевидно, имеет в виду напечатанное в «Дамском Журнале» 1824 года стихотворение В. Л. Пушкина: «К Л. С. Пушкину» («Сочинения В. Л. Пушкина, изданные под редакциею В. Л. Саитова. (Библиотека «Севера», 1893 г., октябрь). С.-Пб. 1893, стр. 96-97).

– (Стр. 31). «Что говорит он о горячке Кюхельбекера?» – Кн. П. А. Вяземский имеет в виду напечатанную в «Мнемозине» статью Кюхельбекера: «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». – Срвн. письмо кн. П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 26 июля 1824 г.: «Читал ли ты Кюхельбекериаду во второй «Мнемозине». Я говорю, что это упоение пивное, тяжелое» (Остафьевский Архив, т. III, стр. 62 и 440-447).

20. Князь П. А. Вяземский своей жене. 20[-21] июля [1824 г.]. Москва.

– (Стр. 32). О Ржевских. – См. т. III.

– (Стр. 32). «Обедал в Петровском у своих Долгоруких». – Может быть, князь П. А. Вяземский говорит здесь о семье кн. Василья Васильевича Долгорукова, женатого на двоюродной сестре княгини Веры Федоровны Вяземской, княжне Варваре Сергеевне Гагариной. – См. *Князь Петр Долгоруков*. Российская родословная книга, т. I, С.-Пб. 1854, стр. 100 и 103.

– (Стр. 32). Княгиня Варвара Петровна – Щербатова,

(род. в 1774, ум. 1843 г.), рожд. кн. Оболенская, жена кн. Александра Федоровича Щербатова, мать С. А. Обресковой, о которой говорится в этом и предыдущих письмах. – См. т. III.

– (Стр. 33). «Ourika» – роман герцогини Claire de Duras. – См. т. III, стр. 404-405.

– (Стр. VI). «...J'avais même conservé une sorte de gaîté d'esprit; mais j'avais perdu les joies du coeur» – цитата из романа «Ourika». (*Ourika. A Paris, chez L'Advocat, libraire. Réimprimé à St.-Fétersbourg, chez A. Pluchart, 1824, 16°, стр. 75).*

– (Стр. 34). Имение Виельгорских Синица находится в Саранском уезде Рязанской губернии, близ Коломны.

21. Князь П. А. Вяземский своей жене. 24 июля [1824 г.]. Москва.

– (Стр. 35). В Костромской губернии у кн. П. А. Вяземского было имение – Красное Село.

– (Стр. 35). Упоминаемое здесь письмо А. И. Тургенева напечатано в ИИИ-м томе «Остафьевского Архива», на стр. 58-50.

22. Князь П. А. Вяземский своей жене. 27 июля [1834 г.]. Остафьево.

– (Стр. 36). «Я все эти дни ждал твоих Волконских». – См. выше. – Срвн. в письме кн. П. А. Вяземского к А. И. Тур-

генеу от 26 июля 1824 г. («Остафьевский Архив», т. III, стр. 61): «Ежечасно ожидаю от них писем через княгиню Софию Болконскую, которая должна проехать Остафьево, ехавши к князю Петру Михайловичу в Суханово, в 10-ти верстах от меня».

– (Стр. 30). Старик Волконский – князь Григорий Семенович, дочь которого София Григорьевна была замужем за князем Петром Михайловичем Волконским. – См. тт. I–III, и письма А. Я. Булгакова к брату от 28 июля и 4 августа 1824 г. (*Русский Архив*, 1901 г., кн. II, стр. 74-75).

– (Стр. 37). Константин Канарис – видный деятель греческого восстания. 17 августа 1824 года у острова Самоса он сжег несколько турецких судов.

– (Стр. 37). Марк Ботцарис – один из героев греческого восстания. Погиб в 1826 году во время нападения на турецкий лагерь.

– (Стр. 37). Полуектова – Любовь Федоровна. – См. выше.

– (Стр. 37). Иван Николаевич – Римский-Корсаков (1754-1831), отец Василия Николаевича Лодомирского. См. т. III. [В. С.].

– (Стр. 37). Трубецкой – князь Николай Иванович, женатый на гр. Варваре Алексеевне Мусиной-Пушкиной. – См. т. II.

– (Стр. 37). Окулов – вероятно, Матвей Алексеевич, женатый на Настасье Воиновне Нащокиной. – См. т. II, стр. 523.

– (Стр. 37). Юшков вероятно, Петр Иванович, богатый

москвич. См. «Воспоминания Н. И. Шенига (*Русский Архив* 1880 г., кн. III, стр. 267-320).

23. Князь П. А. Вяземский своей жене. 31 июля [1824 г.]. Москва

– (Стр. 39). Из переписки кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым видно, что кн. Вера Федоровна Вяземская советовала мужу поступить на службу под начальство кн. М. С. Воронцова. Князю Потру Андреевичу этот проект был не по душе. Карамзины и Тургеневы были также против этого. – См. т. III, стр. 61, 67.

– (Стр. 39). Княгиня Волконская – Софья Григорьевна. – См. выше.

– (Стр. 39). «Если Пушкин еще у нас и может ехать в Псков, как хочет, то пускай едет через Москву и заезжает в Остафьево». – Как известно, Пушкин должен был отправиться в Псков, минуя Москву. См. донесение Одесского градоначальника от 29 июля 1824 г.: «...Он (Пушкин) дал подносимую при сем подписку и завтрашний день отправляется отсюда в города Псков по данному от меня маршруту чрез Николаев, Елизаветград, Кременчуг, Чернигов и Витебск» (*Русская Стирана* 1887 г., т. 53, статьи Льва Поливанова: «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии. 1817-1825», стр. 216).

24. Князь П. А. Вяземский своей жене. 4 августа

[1824 г.]. Москва.

– (Стр. 40). Каталани – муж Аделины Каталани. – См. выше.

– (Стр. 40). София – вероятно, София Федоровна Лодомирская. – См. выше.

– (Стр. 40.) Мария Гагарина Paul – вероятно, княгиня Мария Григорьевна, урожд. Глазенап, жена князя Павла Павловича Гагарина. См. *Князь Петр Долгоруков*. Российская родословная книга. Т. I. С.-Пб. 1851, стр. 244.

– (Стр. 40). Волконская – княгиня София Григорьевна. – См. выше.

– (Стр. 40). Князь Насилий – Гагарин, брат княгини Веры Федоровны Вяземской. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 40). Подольск – уездный город Московской губ., близ которого находится Остафьево.

– (Стр. 40). Василий Львович – Пушкин.

27. Князь П.А. Вяземский своей жене. 18-21 августа

[1824 г.]. Москва.

– (Стр. 41). Маленькая Гурьева – дочь графа А. Д. Гурьева. – Срвн. в письме кн. П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 18 августа 1824 г. (*Остафьевский Архив*, т. III, стр. 78): «Одесские наши планы, кажется, переменялись, и в сентябре возвратится она (кн. Вера Федоровна) с детьми сюда. Смерть семилетней дочери Гурьевой, которая умерла жертвою невежества одесских докторов напугала жену».

28. Князь П. А. Вяземский своей жене. 25 августа

[1824 г.]. Москва.

– (Стр. 42). Северин – Дмитрий Петрович, – См. тт. I–III.

– (Стр. 42). Нессельроде – граф Федор Карлович, адъютант Великого Князя Константина Павловича, – См. тт. II–III.

– (Стр. 42). Матушевич – граф Адам Фаддеевич. – См. тт. I–III.

– (Стр. 42). Волконские (в тексте ошибочно напечатано Волконские) – княгиня София Григорьевна и княгиня Александра Петровна, жена и дочь князя Н. М. Волконского. – См. выше. Срвн. *Остафьевский Архив*, т. III, стр. 76).

30. Князь П. А. Вяземский своей жене. 16 [июня

1825 г.]. Новгород.

– (Стр. 44). «Мы едем благополучно» – В июне 1825 года князь Петр Андреевич Вяземский, перенесший в начале этого года тяжелую болезнь (см. письма А. Я. Булгакова к брату в *Русском Архиве* 1901 г., кн. II, стр. 1(56, 168, 170, 179), предпринял поездку в Ревель через Петербург. Из детей князь Петр Андреевич взял с собою пятилетнего сына, князя Павла Петровича, которого однако на время своего пребывания в Ревеле решил оставить у Карамзиных в Царевом Селе.

– (Стр. 44). Трубецкие. – О Трубецких, с которыми был

знаком кн. П. А. Вяземский, см. т.т. I–III. Каких именно Трубецких имеет в виду ich. П. А. Вяземский здесь и в двух следующих письмах, мы наверное сказать не можем, но, вероятно, – князя Сергея Петровича и княгиню Екатерину Ивановну, рожд. графиню Лаваль.

– (Стр. 44). Thomas – повидимому, доктор. – См. ниже.

– (Стр. 44). Вьельгорекий – граф Михаил Юрьевич.

– (Стр. 44). Щербатов – вероятно, князь Алексей Григорьевич, женатый в первом браке на сестре кн. П. А. Вяземского Екатерине Андреевне. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 44). Под «la correspondance de Byron», вероятно, имеется в виду: «Correspondence de lord Byron avec son ami, comprenant en outre les lettres, écrites à sa mère, du Portugal, de l'Espagne, de la Turquie et de la Grèce, dans les années 1809, 1810 et 1811, et des souvenirs et observations, le tout formant une histoire de sa vie de 1808 à 1814, ornée d'un portrait de lord Byron et d'une vue de Newstead abbey, domaine de sa famille. Par feu R. C. Dallas. Paris. 1814.» В 1825 г. вышло 2-е издание этой книги. – [А. Ф.]

– (Стр. 44). Под «Греческой Экенедициею» князь П. А. Вяземский, может быть, понимает книгу: «Voutier. Mémoires sur la guerre actuelle des Grecs. Paris. 1823», которая вышла в С.-Петербурге в русском переводе под заглавием: «Записки полковника Вутье о нынешней войне Греков. Перевел Орест Сомов», Ч. I–II, С.-Пб. 1824-1825 [А. Ф.]

31. Князь П. А. Вяземский своей жене. 17 [июня

1825 г.]. Царское Село.

– (Стр. 44). Жуковский – Василий Андреевич.

– (Стр. 45). Тургеневы – Александр Иванович и Сергей Иванович. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 44-45). Екатерина Андреевна – Карамзина.

– (Стр. 45). Catherine Karamsin – Екатерина Николаевна Карамзина, дочь историографа, вышедшая впоследствии замуж за князя Петра Ивановича Мещерского, – См. т.т. I–III и ХИИИ-ую книжку «*Старины и Новизны*» (С.-Пб. 1909), стр. 3-26, сообщение графини М. Н. Толстой: «Из дневника Екатерины Николаевны Карамзиной, впоследствии княгини Мещерской».

– (Стр. 45). Жихарев – Степан Петрович. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 45). Paul – князь Павел Петрович Вяземский.

32. Князь П. А. Вяземский своей жене. 20 [июня

1825 г.]. Царское Село.

– (Стр. 45). «*Детское Чтение*» – приложение к издававшимся Н. И. Новиковым «*Московским Ведомостям*» 1785-1789 годов. «*Нумера «Детского Чтения»* составлялись А. А. Петровым с его другом Н. М. Карамзиным, который был самым деятельным соредактором и сотрудником Петрова, так что части 9-15 состоит исключительно из одних переводов Карамзина» [*А. И. Неустроев. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за*

1703-1802 гг. С.-Пб. 1875, стр. 371].

– (Стр. 40). «...посолю себя в море». – Кн. Вяземский имеет в виду предстоящую поездку в Ревель. В письме к А. И. Тургеневу от 11 Мая 1824 г. [см. т. I, стр. 124] он писал: «В течение Мая, т.-е. к концу, буду в Петербурге и поеду в Ревель купаться в море, чтобы посолить впрок свои нервы: дураки на них имеют бедственное влияние».

– (Стр. 40). Гагарины – вероятно, князь Григорий Иванович и княгиня Екатерина Петровна, рожд. Соймонова. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 46). Северян – Дмитрий Петрович (см. т.т. I–III); невеста его – баронесса Софья Федоровна Мольтке (см. т. III). – Срвн. письмо К. Я. Булгакова к брату от 12 Марта 1825 г. (*Русский Архив* 1903 г., кн. II, стр. 171): «наш Северян женится на графине (sic) Мольтке, (фрейлине Елены Павловны, девице премилой, в которую он крепко «люблен». См. еще «Записки гр. М. Д. Бутурлина» (*Русский Архив* 1807 г., кн. I, стр. 435).

– (Стр. 46). Трубецкая. – См. выше.

– (Стр. 46). Кнорринг – баронесса Луиза, жена генерал-адъютанта Владимира Карловича Кнорринг, урожд. Северина. – См. кн. *Петр Долгоруков*. (Российская родословная книга, ч. III, С.-Пб. 1856, стр. 300).

– (Стр. 46). Мамонов – граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, под начальством которого в 1812 году служил кн. П. А. Вяземский (Мамонов, на свой счет

сформировал казачий полк и сделался его командиром). Вопрос князя Вяземского касается состояния здоровья Мамонова, который страдал душевной болезнью. – См. т. II, стр. 588-580.

– (Стр. 46). Небольсина – Авдотья Селиверстовна, урожд. Муромцева. – См. т. III, стр. 511, и «Записки гр. М. Д. Бутурлина» (*Русский Архив* 1807 г., кн. II, стр. 182).

– (Стр. 46). Катенька – Екатерина Николаевна Карамзина.

– (Стр. 46). Вдовствующая – Императрица Мария Федоровна; Великая Княгиня Александра – супруга Великого Князя Николая Павловича.

– (Стр. 46). «Не забудь отослать Pouqueville...». – Кн. П. А. Вяземский имеет в виду здесь сочинение Нукевилля: «Histoire de la régénération de la Grèce. Paris. 1824». – См. т. III.

– (Стр. 46). Анна Павловна Кутайсова – графиня, дочь гр. Павла Ивановича Кутайсова. – См. т. I.

33. Князь П. А. Вяземский своей жене. 22 [июня 1825 г.]. С.-Петербург.

– (Стр. 47). Волконская – княгиня София Григорьевна; её дочь – княжна Александра Петровна. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 47). Муравьева – Екатерина Федоровна, рожд. баронесса Колокольцова. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 47). Огарева – Елизавета Сергеевна, урожд. Новосильцева. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 47). Чернышева – Теофила Игнатъевна, бывшая в первом браке за гр. Старженским, во втором за кн. Радзивилл. – См. т. I.

– (Стр. 47). Анета Окулова – Анна Алексеевна Окулова. – См. т. II, стр. 523.

34. Князь П. А. Вяземский своей жене. 20 [июня 1825 г.]. С.-Петербург.

– (Стр. 48). Кугайсов – граф Павел Иванович. – См. т.т I–III.

– (Стр. 48). Старуха Лопухина – вероятно, княгиня Екатерина Николаевна, жена кн. Петра Васильевича Лопухина (рожд. Шетнева), мачеха графини Прасковьи Петронны Кутайсолой, жены графа П. И. Кутайсова, (урожд. светл. книжны Лопухиной).

– (Стр. 48). «Видел еще двух матерей, еще невольнейших: Белосельскую и Лаваль...»

Белосельская – княгини Липа Григорьевна, урожд. Козицкая. В 1824 г. умерла её дочь Клизавета Александровна, бывшая замужем за А. И. Чернышевым. (*Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*. Издали Я. Грот и П. Пекарский. С.-Пб. 1866, стр. 305 и 0101).

Лаваль – графини Александра Григорьевна. Около этого времени застрелился её единственный сын гр. В. И. Лаваль. – См. т. III, стр. 482, и *Русский Архив* 1901 г., кн. II, стр. 180).

Князь П. А. Вяземский говорит «еще печальнейших»,

имея в виду, вероятно, княгиню К. Н. Лопухину, у которой в апреле 1825 г. умерла дочь София Петровна, бывшая замужем за кн. Алексеем Яковлевичем Лобановым-Ростовским (см. *Князь Петр Долгоруков. Российская родословная книга*. Ч. II. С.-Пб. 1855, стр. 01-02).

35. Князь П. А. Вяземский своей жене. 26 июня [1825 г.]. Царское Село.

– (Стр. 48). К письме этом речь идет о предполагавшейся поездке княгини Веры Федоровны Вяземской в имение её вотчима П. А. Кологривова – село Мещерское Сердобского уезда, Саратовской губернии.

– (Стр. 48). *Конусы* – переделанная князем П. А. Вяземским на русский лад фамилия (Conus) гувернера и гувернантки при его детях.

36. Князь П. А. Вяземский своей жене. 29 [июня 1825 г.]. Царское Село.

– (Стр. 49). «Мы ничего не решили...» – См. письмо Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 10 июля 1825 г. из Царского Села: «Князь Петр отправился в Ревель купаться. И нашел к нем новую любезность и старую нерешительность; хочет и не хочет службы. И не знаю, какую ему избрать лучше. Жаль, что не могу посоветываться с тобою: на письме трудно. Однакож сделай одолжение, скажи свою мысль. Быть ли за Обер-Прокурорским столом в надежде на Обер-Про-

курорство, или ехать в Германию или в Италию к какому-нибудь посольству с жалованьем пяти тысяч рублей, или что другое? Это решится между нами но его возвращении из Ревеля; а после как будет угодно Государю, расположенному, к нему не весьма хорошо, как тебе известно» (Письма *Н. М. Карамзина* к *И. И. Дмитриеву*. С.-Пб. 1866, стр. 400-401).

– (Стр. 40). Фовицкий – Иван Михайлович. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 40). Княгиня Лович – Жаннета Антоновна, супруга Великого Князя Константина Павловича. – См. т.т. I–II.

– (Стр. 49). Гагарина – княгиня Екатерина Петровна. – См. выше.

– (Стр. 50). «Едете ли вы в Пензу? – Вероятно, здесь имеется в виду собственно поездка в Мещерское. – Срвн. в «Записках *Ф. Ф. Вигеля*» (изд. 2-е, т. IV. М. 1892 г., стр. 72): «На полдороге между Пензой и Зубриловкой было у него (П. А. Кологривова, вотчима кн. В. Ф. Вяземской) обширное поместье, село Мещерское, на три версты растянутое. Туда пробираясь, остановился он на всю зиму в Пензе с семейством...»

37. Князь П. А. Вяземский своей жене. 7 [июля 1825 г.] С.-Петербург

– (Стр. 50). Булгаков – Константин Яковлевич, – См. т.т. I–III.

– (Стр. 51). Слепец Козлов – Иван Иванович, поэт. – См.

тт. V–VII.

– (Стр. 51). Матушевич – граф Адам Фаддеевич. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 51). Замойска – графиня София Адамовна, жена председателя сената Царства Польского, графа Станислава Андреевича Замойского, впоследствии перешедшего на русскую службу и назначенного членом Государственного Совета, – См. т. I.

– (Стр. 51). Княгиня Заиончек – Александра Яковлевна, жена наместника Царства Польского, князя Иосифа Заиончека. – См. т.т. I–II.

– (Стр. 51). «Если тебе нужно будет ей (княгине Лович) писать о маленьком Бибикове...» – Речь идет здесь, вероятно, о ком-нибудь из детей Николаи Васильевича Бибикова, умершего в мае 1825 г., – См. т. III.

– (Стр. 51). Лиза Потемкина – Елисавета Петровна Потемкина, урожд. княжна Трубецкая, во втором браке Подчаская. – См. т.т. I и III.

– (Стр. 51). Ночная Голицына – жена кн. Сергея Михайловича Голицына, княгиня Евдокия Ивановна (рожд. Измайлова), носившая прозвание «*Иа princesse Nocturne*» или «*Иа princesse Minuit*», потому что беседы в её салоне длились за полночь. – См. т.т. I и III.

– (Стр. 51). Молодая Бобринская – графиня Лидия Алексеевна, урожд. княжна Горчакова. – См. выше.

– (Стр. 51). Князь Федор Голицын – вероятно, кн. Федор

Сергеевич. – См. т.т. I–II.

– (Стр. 51). Зубриловка. – См. примечание к письму № 30.

– (Стр. 51). Valerie – вероятно, Фединс Валерио, автор «Итальянской грамматики», напечатанной в Москве в 1822 г. – См. т.т. II–III.

38. Князь П. А. Вяземский своей жене. 4 [июля 1825 г. С.-Петербург].

– (Стр. 52). Полевой – Николай Алексеевич. – См. т. I–III.

– (Стр. 52). «Два новые романа Купера». – Во французском переводе в 1826 году вышли в свет три романа Купера: «Précaution ou le choix d'un mari», «Légendes des treize républiques» и «Les sources du Susquelianna, ou les Pionniers» – [А. Ф.].

– (Стр. 52). «Les mémoires de M-me Genlis». – См. т. III, и статью кн. П. А. Вяземского о записках Жанлис (Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, т. I, стр. 200-216).

39. Князь П. А. Вяземский своей жене. 7-8-го [июля 1825 г.]. Ревель.

– (Стр. 52). Сергей Львович Пушкин – отец поэта. – См. т. т. I–III.

– (Стр. 53). Клюпфельд – вероятно, Владислав Филиппович, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, участник войны 1812 г., впоследствии инспектор военно-учебных заведе-

ний (род. в 1796 г. ум. 22 авг. 1885 г.). – См. Русский Биографический Словарь.

– (Стр. 53). Обресков Михаил Алексеевич. – См. т.т. II–III.

– (Стр. 53). Багреева – Елисавета Михайловна Фролова-Багреева, – См. т. III.– её портрет в издании: «Альбом Пушкинской Выставки, устроенной Обществом Любителей Российской Словесности в залах Исторического Музея в Москве 29 мая – 13 июня 1889 г.», М. 1899, табл. 80.

– (Стр. 53). Княгиня Екатерина Федоровна Долгорукая – урожденная княжна Барятинская, двоюродная сестра князя Ивана Ивановича Барятинского, о смерти которого упоминает здесь князь П. А. Вяземский. – См. т.т. II и III, и *Князь Петр Долгоруков*. Российская родословная книга. Ч. I, С. Пб. 1854, стр. 70-78.

– (Стр. 53). Молодые Веревкины – вероятно, родственники московского коменданта Николая Никитича Веревкина, с которым кн. П. А. Вяземский был знаком еще по Варшаве – См. т.т. I–II, и *Князь П. Долгоруков*. Российская родословная книга, Ч. IV, СПб. 1857 стр. 329-330.

– (Стр. 53). Мещерская, дочь Румянцова, – Екатерина Сергеевна, первая жена кн. Петра Ивановича Мещерского, – См. т. III, стр. 404.

– (Стр. 53). Кожина – вероятно, Лидия Николаевна. – См. т. III.

– (Стр. 53). Тизенгаузен – граф Павел Иванович, сенатор;

женатый на графине Юлии Петровне Пален (*Князь Петр Долгоруков*. Российская родословная книга. Ч. II, Спб. 1855, стр. 215, и ч. III, Спб. 1856, стр. 209).

– (Стр. 53). Пален – граф Федор Петрович, женатый на гр. Вере Григорьевне Чернышевой. – См. т. I.

– (Стр. 54). Пущин – Михаил Иванович, брат И. И. Пущина, лицейского товарища и одного из самых близких друзей Пушкина. – См. т. III.

– (Стр. 54). Нудберг – камергер, барон Богдан Васильевич, Эстляндский губернатор. – См. о нем в «Записной книжке» князя П. А. Вяземского, под 21 июля 1830 г. (Полное собр. сочинений, т. IX, стр. 131).

– (Стр. 54). Наша Варшавская Голицына – княгини Анна Васильевна, жена кн. Александра Борисовича Голицына, который с 1814 по 1820 г.г. был адъютантом Цесаревича Константина Павловича. – См. т.т. I–III.

40. Князь П. А. Вяземский своей жене. 10-11-го [июля 1825. Ревель].

– (Стр. 55). «Le Fot de terre et le J'ot de fer» – басня Лафонтена (переработана Крыловым в басню «Котел и Горшок»).

– (Стр. 55). «Благонамеренный» – журнал, издававшийся А. К. Измайловым с 1818 по 1820 г.

– (Стр. 55). Шевичева, сестра Бенкендорфа, – Мария Христофоровна, жена ген. – лейт. Ивана Егоровича Шевич, сестра Александра Христофоровича Бенкендорфа (впослед-

ствии графа). – См. *Князь Петр Долгоруков*. Российская родословная книга. Ч. II, С.-Пб. 1855, стр. 252.

– (*Стр. 55*). «Вчера ездил посмотреть le duc de Croÿ». – Отметим здесь, в каких различных направлениях преломилось в князе П. А. Вяземском впечатление, испытанное им при виде непогребенного герцога де-Круа. Здесь рассказ о нем – в шутовском тоне; в стихотворении 1844 года «Ночь в Ревеле» (Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 274-277) ему посвящены строфы:

«Что ж ты, море, так бушуешь,
Словно шабаш ведьм ночных?
Про кого ты там колдуешь,
Ночью, в чане волн седых?
Про того ли про Кашея,
Что не принятый землей,
Ждет могилы, сиротея,
Не мертвец и не живой?
Дней Петровых современник,
Взяли в плен его враги,
И но смерти все он пленник
На грехи и за долги.
Ты поведай: скоро-ль сбросит
Он курчавый свой парик
И земную цепь износит
Успокоенный старик?

– (*Стр. 55*). Глебова Елизавета Петровна – вероятно, вто-

рая жена генерал-аншефа Федора Ивановича Глебова, урожденная Стрешнева (род. 21 февр. 1751 ум. 4 дек. 1837). – См. *Кн. Петр Долгоруков*. Российская родословная книга. Ч. IV, Спб. 1857, стр. 91.

– (*Стр. 50*). Князь Масальский. – Вероятно, тот Масальский, о котором кн. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 16 мая 1822 г. из Москвы (см. т. II, стр. 254 и 337): «Денис Давыдов написал живому Масальскому эпитафию:

Под камнем сим лежит Масальский тощий,
Он век жил в немощи, теперь попал он в мощи.»

– (*Стр. 56*). «Я получил вчера письмо от Тургенева...» – Это письмо напечатано в ИИИ-м томе Остафьевского Архива», стр. 131-132.

– (*Стр. 56*). Пушкина – Ольга Сергеевна, сестра поэта, вышедшая в 1828 г. замуж за П. И. Павлицева.

– (*Стр. 56*). «Он (Пушкин) отпущен в Псков для лечения своего аневризма...» – См. Академическое издание переписки Пушкина, т. I, С.-Пб., 1906, стр. 233-255.

41а. Князь П. А. Вяземский своей жене. 15 [июля 1825 г. Ревель].

– (*Стр. 57*). Саратовская глушь – село Мещерское. – См. выше.

– (*Стр. 57*). Канкрин – Екатерина Захаровна, жена Е. Ф.

Панкрина, рожд. Муравьева. – См. т. III.

– (Стр. 58). Сергей Львович – Пушкин, отец поэта. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 58). Обресков – Михаил Алексеевич. – См. т. III, стр. 605-606.

– (Стр. 58). Сумароков – Павел Иванович. – См. тт. II–III.

– (Стр. 58). Нессельроде – граф Федор Карлович. – См. выше.

41б. Князь П. А. Вяземский своей жене. 18 [июля 1825 г. Ревель].

– (Стр. 60). «...ты, кажется, решила не ехать в Саратов,» – т.-е. в село Мещерское Саратовской губ. – См. выше.

– (Стр. 61). Сергей Львович – Пушкин.

– (Стр. 61) «Le vrai peut quelquefois»... – цитата из Буало, у которого в «L'Art poétique» (ch. III, v.v. 47-48) читаются стихи:

Jamais an Spectateur n'offrez rien d'incroyable:

Le Vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable.– [А. Ф.]

– (Стр. 61). Василий Львович – Пушкин. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 63). «Я получил письмо от Тургенева из Риги...» – Письмо это напечатано в III-м томе «Остафьевского Архива», стр. 132.

42. Князь П. А. Вяземский своей жене. 22 [июля 1835 г. Ревель].

– (Стр. 64). Мария Феодоровна – вдовствующая Императрица, супруга Императора Павла I.

– (Стр. 64). О Буксгевденах см. *Кн. П. Долгоруков. Российская родословная книга. Ч. II, Спб. 1855, стр. 183-189.* Но кого именно из Буксгевденов имеет здесь в виду кн. П. А. Вяземский, мы не знаем.

– (Стр. 64). Вдова Дорохова – вероятно, вдова ген. – лейт. Ивана Семеновича Дорохова (1762-1815), участника войны 1812 года. – О Дороховой-дочери (Елисавете) см. письмо кн. П. А. Вяземского к А. С. Пушкину от 4 августа 1825 г. (Академическое издание переписки Пушкина, т. I, Спб. 1906, стр. 254-255).

– (Стр. 65). Монастырь св. Бригитты – построен в первой половине XV века, разрушен во второй половине XVI века. (См. «Путеводитель по Ревелю и его окрестностям с 4 рисунками худ. А. Шпренгеля. Ревель. 1896», стр. 263-270, и напечатанную в *Историческом Вестнике* 1897 г., № 4, стр. 182-202 и № 5, стр. 507-524, статью С. Ушица: «Ревельская Старина». – Рисунки многих из упоминаемых кн. Вяземским окрестностей Ревеля см. в издании: «Album Baltischer Aussichten, gezeichnet und herausgegeben von Wilhelm Siegfried Stavenhagen in Mitau, in Stahl gestochen und gedruckt von G. G. Lange in Darmstadt. Mit erläuterndem Text von verschiedenen Verfassern. Mitau. 1857-1867».

– (Стр. 65). Чернышев – вероятно, граф Григорий Иванович. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 65). Галифэ – Ралиф Галифович, как называет его К. Н. Батюшков («Сочинения», т. III, Спб. 1886, стр. 218) в письме к кн. П. А. Вяземскому от 27 февраля 1813 г., иностранец, женевский помещик, знакомый Карамзиных, К. Н. Батюшкова, Д. П. Северина.

– (Стр. 65). Елена Григорьевна – жена Алексея Михайловича Пушкина, рожд. Воейкова. – См. т.т. I–III и «Письма В. А. Жуковского к Е. Г. Пушкиной» (Девятнадцатый век. Исторический Сборник, издаваемый Петром Бартевым, кн. I, стр. 416-426).

– (Стр. 65). Орлов – Михаил Федорович; Орлова – Екатерина Николаевна, жена М. Ф. Орлова, урожденная Раевская. – См. т.т. I–III.

(Стр. 65). Дмитриев-Мамонов – граф Матвей Александрович. Князь Вяземский имеет здесь в виду развивавшуюся у Дмитриева-Мамонова душевную болезнь и вызванное ею вмешательство московских властей в жизнь Мамонова. – См. выше.

(Стр. 65). Дмитриева-Мамонова – графиня Мария Александровна, сестра графа Матвея Александровича. – См. П. Кичеев. Из семейной памяти. рассказ второй. Граф М. А. Дмитриев-Мамонов. (Русский Архив 1868 г., столб. 101).

1825 г. Ревель].

– (Стр. 66). Князь Василий – князь Василий Федорович Гагарин, брат княгини Веры Федоровны Вяземской. – См. т.т. I и III.

44. Князь П. А. Вяземский своей жене. 26 [июля 1835 г. Ревель].

– (Стр. 67). Кроун (Crown) – Роман Васильевич. Родился в Шотландии в 1754 г.; участвовал в Северо-Американской войне; в 1788 году перешел на русскую службу с чином лейтенанта; в 1824 году был произведен в адмиралы. Краткую биографию его и перечень литературы о нем см. в Русском Биографическом Словаре (статья П. Белавенца).

– (Стр. 68). Genlis. – См. выше.

– (Стр. 68). Молодая Пушкина – Ольга Сергеевна. – См. выше.

– (Стр. 68). Дорохова – Елисавета. – См. выше.

– (Стр. 68). Жадовская, дочь Донауровых – Мария Михайловна, жена ген. – майора Никиты Ивановича Жадовского, командира Кирасирского полка, дочь (род. в 1798 г.) сенатора Михаила Ивановича Донаурова от брака с Мариею Федоровною Веригиною. См. В. И. Румпель и В. В. Голубцов. Родословный сборник. Т. I, СПб. 1886, стр. 238).

– (Стр. 69). Бороздина – вероятно, Прасковьи Николаевна, жена Константина Матвеевича Бороздина, урожденная Львова. – См. т. 1.

- (Стр. 69). Сонцова – может быть, Елисавета Львовна, урожд. Пушкина. – См. т. III.
- (Стр. 69). Лебцельторны – вероятно, австрийский посланник граф Людвиг Лебцельтерн и его жена Зинаида Иналовна, урожд. графиня Лаваль.
- (Стр. 69). Зенеида – княгиня Зинаида Александровна Болконская. – Си. т.т. I–III.
- (Стр. 69). Толстой. – О Толстых, с которыми был знаком кн. П. А. Вяземский, см. т.т. I–III.
- (Стр. 69). Иван Иванович – Тургенев, управляющий имением кн. П. А. Вяземского Остафьевым, женившийся на девушке княгини Веры Федоровны Елисавете Севастьяновне. Погребены в Остафьево. – Сестра Елисаветы Севастьяновны Прасковья Севастьяновна была нянею всех детей кн. П. А. Вяземского. Умерла от холеры в 50-х годах (*Со слов графини Е. П. Шереметевой*).
- (Стр. 69). Князь Павел Павлович – вероятно, Гагарин, двоюродный брат княгини Веры Федоровны Вяземской (впоследствии председатель Государственного Совета).
- (Стр. 69). О графе Григории Владимировиче Орлове и вышедшем в свет в 1826 году в Париже его издания: «Fables russes, tirées Je Recueil de M-r Kriloff et imitées en vers français et italiens...», см. т.т. II–III.

45. Князь П. А. Вяземский своей жене. 3 июля – 1 августа [1825 г. Ревель].

– (Стр. 71). Барон Стакельберг, – О Стакельбергах см. *Кн. Петр Долгоруков*. Российская родословная книга. Ч. III, С.-Пб. 1856, стр. 257-266.

– (Стр. 71). Мантейфель – граф Григорий Андреевич, шт., – ротмистр л. – гв. Кавалергардского полка.

– (Стр. 71). Башуцкий – Александр Павлович, подпоручик л. – гв. Измайловского полка. – См. «Воспоминания о пережитом и пережитом» А. П. Беляева (*Русская Старина*, 1880, т. 30, стр.,25).

– (Стр. 71). Милорадович – граф Михаил Андреевич.

– (Стр. 71). Чернышев, Кассельский герой, – граф (впоследствии князь) Александр Иваныч (род. в 1768 г. f 1857 г.), особенно прославившийся взятием г. Касселя в 1813 году и очень любивший рассказывать о своем подвиге.

– (Стр. 72). Старуха Ренненкампф – может быть, жена Карла Густава Ренненкампфа, Анна-Вильгельмина, урожд. Кнорринг. – См. *Кн. Петр Долгоруков*. Российская родословная книга. Ч. III, стр. 360).

– (Стр. 72). Август Лафонтен (1758-1831) – немецкий романист, автор огромного числа романов и повестей сентиментального направления.

– (Стр. 72). «Этой грязью... как намажешься, – исходишь на железную маску в драме Коцебу». – А. А. Чебышев, к которому мы обратились с просьбой пояснить эти слова кц. П. А. Вяземского, любезно сообщил нам, что, насколько ему известно, Коцебу не касался в своих пьесах сюжета, в кото-

ром играла бы роль «железная маска», и что, вероятно, кн. Вяземский ошибся. Драма: «Die eiserne Larve» (1804) имеется у Heinrich'a Zshokke и пьеса эта была известна у нас в переделке усердного переводчика пьес Коцебу, Н. К. Краснопольского (С.-Пб, 1808, 1811 и 1824). В первый раз пьеса была представлена в Петербурге 3 октября 1800 г. (*Аранов*, *Летопись русского театра*, стр. 176), имела успех и давалась часто. (*А. И. Вольф* упоминает о ней в «Хронике С.-Петербургских Театров 1827-1828 и 1828-1829 г.г.» С.-Пб. 1877).

– (*Стр. 72*). Под Барановой «московской породы» князь Вяземский, может быть, разумеет Баранову, которой им написано четверостишие в 1813 г. (*Полное собрание сочинений*, т. III, стр. 42). – См. еще в I и II томах об Александре Николаевиче Баранове.

– (*Стр. 73*). «Несколько добрых подзатыльников, данных ему сторицею, по примеру Дашкова с Шишковым, выбили из него упоение»... – Кн. П. А. Вяземский имеет в виду здесь одну подробность литературной полемики Дмитрия Васильевича Дашкова с Александром Семеновичем Шишковым (полемика эта подробно изложена А. Д. Галаховым в «Истории русской словесности», изд. 2-е, т. II, СПб. 1880, стр. 75-81). Возражая Дашкову в «Присовокуплении» к «Разсуждению о красноречии Священного Писания». Шишков писал: «Но всякая славянская речь есть высокая: «хощеши ли, дам ты подзатыльницу», не такой же высокой язык, как «трепетна бысть земля, и основания гор смятошася». На это Даш-

ков (в книжке «О легчайшем способе возражать на критики», СПб. 1811, стр. 62) отвечал: «Славянские речи бывают высшие и низкие (кто в этом сомневается?), и приведенный г. сочинителем пример: *хощеши ли, дам ти подзатыльницу*, конечно, не есть такой же высокой язык, как: *и абие воздам ти сторицею*»...

– (Стр. 74). Тишерт. – О Тишерте и о бароне Будберге, владельце мызы, находящейся близ Тишерна, см. «Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземскаго», т. IX, стр. 90-91.

– (Стр. 74). Сергей Львович – Пушкин.

– (Стр. 74). «Как мне жаль и молодого студента...» – Из хранящегося в Остафьевском архиве письма княгини В. Ф. Вяземской к мужу видно, что речь идет здесь о жившем у Четвертинских студенте, на которого пало подозрение в какой-то краже.

– (Стр. 76). M-me Sévigné – маркиза Marie de Sévigné, французская писательница (1626-1696).

– (Стр. 79). Дурасов – Николай Алексеевич, известный московский хлебосол. – См. т. I.

– (Стр. 79). Графиня Толстая – может быть, Степанида Алексеевна, урожд. Дурасова (f 1821 г.). – См. т. I и Кн. П. Долгоруков, ч. II, стр. 125.

– (Стр. 79). «Конец благополучну бегу!» – начальный стих стихотворения И. И. Дмитриева; «К Волге.» – См. т. III, стр. 48.

– (Стр. 80). Прасковьи Юрьевна – Кологривова.

– (Стр. 80). Упоминаемое здесь письмо А. С. Пушкина к кн. П. А. Вяземскому напечатано в Академическом издании переписки Пушкина, т. I, СПб. 1905, стр. 236-237.

46. Князь П. А. Вяземский своей жене. 5 августа [1825 г. Ревель].

– (Стр. 81). Генерал Спафарьев – ген. – лейт. Леонтий Васильевич, директор маяков Финского залива и командир Ревельского порта.

– (Стр. 81). Крюднер – вероятно, барон Александр Сергеевич. – См. т. III.

– (Стр. 81). Княгиня Сулковска – может быть, жена польского генерала Сулковского (1786-1836), который в 1810-1817 годах был генерал-адъютантом Императора Александра I, но затем переселился в Париж. – [А. Ф.].

– (Стр. 81). Клена Григорьевна – Пушкина. – См. выше.

– (Стр. 81). Сын Е. Г. Пушкиной – Иван Алексеевич Пушкин. – См. т. III.

– (Стр. 81). Чернышевы – вероятно, семья гр. Григория Ивановича и гр. Елизаветы Петровны Чернышевых (См. т. т. I–III). Указание на близость кн. П. А. Вяземского к этой семье см., между прочим, в «Записках гр. М. Д. Бутурлина» (Русский Архив 1807 г., кн. II, стр. 205).

– (Стр. 81). Упоминаемое здесь письмо кн. П. А. Вяземского к Пушкину см. в Академическом издании его перепис-

ки, т. I, СПб. 1906, стр. 251.

– (Стр. 81). Тизенгаузен, le beau frère de Pallien, – граф Павел Иванович. – См. примечание к письму № 39.

– (Стр. 81). Князь Василий – князь Василий Федорович Гагарин. – См. выше.

– (Стр. 82). Кого именно из Хитровых имеет здесь в виду кн. П. А. Вяземский, мы не знаем. – О Хитровых см. «Родословная книга рода Хитрово. СПб. 1866»; «Приложение к Родословной книге рода Хитрово. СПб. 1867»; «Князь А. В. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, Изд. 2-е. Т. II, СПб. 1885», стр. 316-33-1 (Здесь на стр. 329 упоминаются дочери поручика Петра Ниловича Хитрово, женатого на Евдокии Михайловне Тиньковой: Екатерина, Варвара и София Петровны).

47. Князь П. А. Вяземский своей жене. 8 [августа 1825 г. Ревель].

– (Стр. 82). Нееловы – вероятно, Сергей Алексеевич и его жена Елена Петровна, урожд. княгиня Меньшикова. – См. т.т. II–III.

– (Стр. 82). Комаровский – граф Евграф Федотович. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 82). Сергей Львович – Пушкин.

– (Стр. 82). Орлов – Михаил Федорович.

– (Стр. 82). Княгиня Волконская – вероятно, Зинаида Александровна.

48. Князь П. А. Вяземский своей жене. 12 [августа 1825 г. Ревель].

– (Стр. 84). О Тизенгаузенах см. примечания к письму А; 39.

– (Стр. 84). Граф Хвостов – граф Дмитрий Иванович. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 84). Вадковская. – Кого именно из Вадковских имеет здесь в виду ни. П. А. Вяземский, мы не знаем. – О Вадковских, с которыми был знаком Вяземский, см. т.т. I–III. Отметим, кроме того, следующее место в «Записках гр. М. Д. Бутурлина» (*Русский Архив* 1897 г., II, стр. 43-44): «У г-жи Вадковской были, кроме сына Ивана Федоровича, две дочери, одна за г. Тимирязевым, а в первом браке за г. Безобразовым (*женский, как сет, гигант*), а вторая за Николаем Ивановичем Кривцовым».

– (Стр. 85). Стихотворение кн. П. А. Вяземского, обращенное к Ольге Сергеевне Пушкиной, напечатано было в «Северных Цветах» 1827 г. – В «Полном собрании сочинений кн. П. А. Вяземского» оно напечатано в III-м томе, стр. 405, в числе стихотворений 1826 года (Сравнительно с текстом, напечатанным здесь, есть варианты). Для характеристики отношения кн. П. А. Вяземского к О. С. Пушкиной имеет значение его письмо к ней, написанное (в ноябре 1824 г.?) до того, как они познакомились в Ревеле. См. *Б. Л. Модзалевский*. Поездка в Тригорское в 1902 году, Приложе-

ние У (Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Издание II. Академии наук. Вып. I, СПб. 1903, стр. 79-80).

– (Стр. 85).»... я выдрожал или выпотел стихов 50 о Байроне». – См. «Полное собрание сочинений князя И, А. Вяземского», т. III, стр. 423-426, отрывок; «Байрон».

49. Князь П. А. Вяземский своей жене. 15 Августа [1825 г. Ревель].

– (Стр. 86). Орлова – Екатерина Николаевна, урожд. Раевская.

– (Стр. 86). Семеновское – имение Нащокиных в Серпуховском уезде Московской губернии.

– (Стр. 86). Князь Василий – князь Василий Федорович Гагарин, брат княгини В. Ф. Вяземской.

– (Стр. 87). «Я рад за тебя приезде Орловой...» – У Орловых в Серпуховском уезде было имение Отрада.

– (Стр. 87). Сбедиго. – Из имеющагося в Остафьевском архиве письма кн. Веры Федоровны к мужу от 6 Августа 1825 г., из Москвы, видно, что Сбедиго сломал ногу, что князь Никита Волконский оставил его в деревне по дороге в Нижний и что княгиня Зинаида Александровна Волконская послала Сбедиго хирурга.

– (Стр. 87). Орлов – Михаил Федорович.

– (Стр. 87). «Посылаю 3-ю Genlis», – т.-е. третий том Записок M-me Genlis.

50. Князь П. А. Вяземский своей жене. 18 [августа 1825 г. Ревель].

– (Стр. 88). «Меня корабль усыновил: старик Кроун полюбил меня, и весь экипаж со мною на дусерах...". – Срвн. в «Воспоминаниях о пережигом и перечувствованном» А. И. Беляева (*Русская Старина* 1880 г., т. 30, стр. 25): «Плавание в Кронштадт продолжалось не долго, но было очень приятно прибавлением нашего общества тремя петербургскими пассажирами: князем Вяземским, Пуциным и Башуцким. Знаменитый поэт был очарователен, как собеседник; приятный, остроумный, веселый, он оживлял паши вахты и нашу кают-компанию; говорил нам много своих стихов, между которыми были и очень либеральные, согласно нашему вообще всеобщему тогдашнему настроению.

– (Стр. 88). Софья и Екатерина Николаевны – дочери Н. М. Карамзина.

53. Князь П. А. Вяземский своей жене. 24 [августа 1825 г. Царское Село].

– (Стр. 90). «Полубарские затеи» – комедия кн. А. А. Шаховского.

– (Стр. 91). Знаменское – имение Трубецких в Подольском уезде Московской губернии. – См. *Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. I и II, С.-Пб. 1888-1889.*

54. Князь П. А. Вяземский своей жене. 28 [августа 1825 г.].

– (Стр. 91). Екатерина Андреевна – жена Н. М. Карамзина.

– (Стр. 92). Дав – Джордж Дау (Dawe), живописец-англичанин (1781-1829), приглашенный в Россию Императором Александром II-м и написавший целую коллекцию портретов русских генералов, участвовавших в войне с Наполеоном I (коллекция эта занимает особую галерею в Зимнем дворце).

– (Стр. 92). Ушакова – Варвара Павловна. – См. т. II.

– (Стр. 93). Толстая – жена полковника графа Андрея Андреевича (ум. 1844), урожд. Барыкова. – См. *Кн. Петр Долгоруков. Российская родословная книга*, ч. II, стр. 126.

– (Стр. 92). Пушкина – Елена Григорьевна.

– (Стр. 93). Зенеида – княгиня Зинаида Александровна Волконская.

55. Князь П. А. Вяземский своей жене. 29 [августа 1825 г. Царское Село].

– (Стр. 93). Пушкина – Ольга Сергеевна.

– (Стр. 93). Воейковы – Александр Федорович и Александра Андреевна. – См. т.т. I–III.

– (Стр. 94). «Жуковский получил письмо от её брата (А. С. Пушкина)...». – Вероятно, здесь имеется в виду письмо от 17 августа 1825 г. (Академическое издание переписки Пуш-

кина, т. I, стр. 267). – Об упоминаемом здесь же письме Пушкина к сестре кн. П. А. Вяземский говорит в письме к нему от 28 августа – 6 сентября 1825 г. (Там же, стр. 270-283).

56. Князь П. А. Вяземский своей жене. 31 [августа 1825 и. Царское Село].

– (Стр. 95). Нащокины. – Отношения кн. В. Ф. Вяземской к Нащокиным завязались, вероятно, через Окуловых, из которых Матвей Алексеевич был женат на Настасье Воиновне Нащокиной. – О Нащокиных см. т.т. I–III, и *Князь А. Б. Лобанов-Ростовский*. Русская родословная книга. Изд. 2-е. Т. II, Спб., стр. 21-27.

– (Стр. 95). Катенька Карамзина – дочь историографа. О назначении её фрейлиной см. письма Н. М. Карамзина к Императрице Елисавете Алексеевне от 1 сентября 1826 года и к Императору Александру I от 5 октября 1825 года. Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. I, Спб. 1862, стр. 36, 49-50].

– (Стр. 95). Муравьева – Екатерина Федоровна.

– (Стр. 96). О кн. А. П. Голицыне – см. т.т. I–III.

59. Князь П. А. Вяземский своей жене. 4 [сентября 1825 г.] С.-Петербурге.

– (Стр. 97). Муханов – Александр Алексеевич. – См. т. III.

– (Стр. 97). Татищева – вероятно, Варвара Александровна, жена военного министра, как предполагает В. И. Саитов

(*Русская Старина* 1899 г., т. ХСVIII, апрель, стр. 233, примечания к письму Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу от 6 сентября 1825 г., с припиской кн. П. А. Вяземского, в которой он рассказывал о приключении на балу у Татищева и сообщает написанную им по этому случаю песню:

«Расскажу я вам был-сказку,
Как с покорного слуги
В достопамятную пляску
Башмачок слетел с ноги., и т. д.).

Отметим, что в «*Полном собрании сочинений*» (т. III, стр. 335-336) эта песня ошибочно помещена в числе стихотворений 1823 года.

– (Стр. 97). «*Le roman d'une heure ou la folle gageure*» – комедия в 1-м акте М. Hoffmann'a, напечатанная в Париже в 1823 г.– [А. Ф.].

– (Стр. 97). «*Чеверентола*» – опера Россини на сюжет сказки о Сандрильоне. – См. т. III.

– (Стр. 97). Choiseuil-Голицына – виконтесса Варвара Григорьевна де-Шуазэль-Гуфье, урожд. княгиня Голицына. – См. т. I.

– (Стр. 97). Потемкина – вероятно, графиня Елизавета Петровна, урожд. княжна Трубецкая, во втором браке Подчаская. – См. т. I и III.

– (Стр. 97). Hélène – повидимому, Елена Васильевна (фамилия?), упоминаемая в письме № 56.

– (Стр. 98). St.-Priest – граф Эммануил Карлович, сын французского эмигранта Карла Францевича С. При, женившись на княгине Софии Алексеевне Голицыной, известный каррикатурист (см. «Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского», т. VIII, 314-316).

59. Князь П. А. Вяземский своей жене. 8 [сентября 1825 г. С.-Петербург].

– (Стр. 98). Союшка – София Николаевна Карамзина. – См. «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», СПб. 1866, стр. 407 и 0172.

– (Стр. 98). Шульгин – вероятно, генерал-майор Александр Сергеевич, бывший адъютант Великого Князя Константина Павловича. – См. т. I.

60. Князь П. А. Вяземский своей жене. 11 [сентября 1825 г. С.-Петербург].

– (Стр. 99). «Дар все делать не в попад (Из Рювье-ра)» – стихотворение князя П. А. Вяземского, напечатанное в «Полном собрании сочинений», т. III, стр. 284-285.

– (Стр. 100). Дуэль между офицером лейб-гвардии Гусарского полка флигель-адъютантом Владимиром Дмитриевичем Новосильцевым и поручиком лейб-гвардии Семёновского полка С. П. Черновым произошла вследствие того, что Новосильцов, посватавшись за сестру Чернова и получив согласие, отказался затем жениться на ней. На дуэли Ново-

сильцов и Чернов смертельно ранили друг друга. – См. *Енисий Оболенский*. «Воспоминания о К. Ф. Рылееве» и «Бумаги о поединке Новосильцова с Черновым» («Девятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым», издателем «Русского Архива», кн. I, стр. 312-337).

– (Стр. 100). Мать В. Д. Новосильцова, Екатерина Владимировна – урожд. графиня Орлова.

– (Стр. 100). Герман – Александр Иванович, флигель-адъютант; Рead – Евгений Андреевич, адъютант кн. Н. М. Волконского, впоследствии флигель-адъютант, известный своими дуэлями (убит в 1828 г. под Шумлюю). – См. Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига (*Русский Архив*, 1880 г., кн. III, стр. 321).

61. Князь П. А. Вяземский своей жене. Среда [сентябрь 1826 г.]. Царское Село.

– (Стр. 102). Трубецкой – князь Никита Петрович, брат декабриста, кавалергардский офицер, женившийся на Александре Александровне Нелидовой.

62. Князь П. А. Вяземский Д. Н. Блудову. [Конец 1816 года. Москва].

– (Стр. 105). Кн. П. А. Вяземский обращается с вопросами об Владиславе Александровиче Озерове к Д. Н. Блудову потому, что Блудов – двоюродный брат Озерова – хорошо знал его жизнь (см. т. I). – Статья Вяземского «О жизни и со-

чинениях В. А. Озерова» была помещена в первой части сочинений Озерова, напечатанной в 1817 году. В «Полном собрании сочинений кн. П. А. Вяземскаго» статья эта, с «Припиской» 1876 г., напечатана в ИИИ-м томе, стр. 24-60.

– (Стр. 105). Кассандра – прозвище Дмитрия Николаевича Блудова по Арзамасу. – О Блудове см. тт. I–III.

– (Стр. 105). Под *Тучными Славянами* разумеются литературные противники Арзамасцев – члены Российской Академии и общества: «Беседа любителей русского слова».

– (Стр. 105). Тургенев – Александр Иванович. – См. письмо к нему кн. П. А. Вяземского от 16 октября 1816 г. («Остафьевский Архив», т. I, стр. 57-58).

– (Стр. 105-106). О трагедии Дюси: «Oedipe chez Admète» и французской опере: «Oedipe à Colone, opéra en 3 actes. Paroles de Guillard, musique de Saechiui», см. т. I.

– (Стр. 106). Староста – Василий Львович Пушкин, – См. т. I, стр. 70 и 442.

– (Стр. 106). Измайлов – Александр Ефимович. См. тт. I–III.

– (Стр. 106). Олин – Валериан Николаевич. – См. тт. I–II.

– (Стр. 106). Мерзляков – Алексей Федорович. – См. т. I–III.

– (Стр. 106). Пипинька – прозвище К. Н. Батюшкова. – См. т. I, стр. 38 и 419.

– (Стр. 106). Гусь – эмблема «Арзамаса». См. печать «Арзамаса», с изображением гуси, на дипломе, поднесенном Ар-

замасдами. П. М. Карамзину (*Старина и Новизна*, кн. XII, М. 1907).

– (*Стр. 106*). Светлана – прозвище В. А. Жуковского по Арзамасу.

– (*Стр. 108*). Ангальт – Федор Евстафьевич, граф, директор Шляхетного кадетского корпуса. (Род. 10/21 мая 1732 г., ум. 22 мая 1794 г.). – См. Русский Биографический Словарь, т. II, С.-Пб. 1900, стр. 108-110.

Озеров некоторое время был при Ангальте адъютантом.

– (*Стр. 108*). Под «Московско-Варего-Халдейскимъ обществом любителей бессловесности и губителей словесности» Вяземский понимает «Общество любителей российской словесности при И. Московском университете».

63. Князь П. Д. Вяземский Д. И. Блудову. 11 февраля [1817 г.]. Москва.

– (*Стр. 107*). Фонтенелль, Бернар-ле-Бувьё – французский писатель (1657-1757).

– (*Стр. 107*). Антигона – действующее лицо в трагедии Озерова: «Эдип»; Ксения – в «Дмитрии Донском»; Мойна – в «Фингале»; Гекуба и Поликсена – в «Поликсене».

– (*Стр. 107*). Громовой – прозвище С. П. Жихарева по «Арзамасу».

– (*Стр. 108*), «Сплю и вижу Арзамасский журнал». – См. т. I, стр. 53 и 419.

– (*Стр. 108*). Александр Иванович – Тургенев.

– (Стр. 108). Анна Андреевна Блудова, урожд. княжна Щербатова. См. т. II.

– (Стр. 108). Ироида Абелярда и Элоизы – «Элоиза к Абеларду. Ироида. Соч. Колардо. Перевод с французского В. Озерова. С.-Пб. 1794».

– (Стр. 108). В заседании Общества Любителей Российской Словесности при И. Московском Университете 27 января 1817 г. В. Л. Пушкин читал басню – «Преимущество дарований». – См. *Труды Общества*, т. VIII, стр. 138 и «Сочинения В. Л. Пушкина, изданные под редакциею В. И. Саитова». С.-Пб. 1893, стр. 20-21.

64. К. Н. Батюшков князю П. А. Вяземскому. [1911 год?].

– (Стр. 109). Муравьевы – Екатерина (Федоровна, урожд. Колокольцова, с детьми. – См. тт. I–III, и Сочинения К. Н. Батюшкова, СПб. 1886-1887 г.

65. М. Н. Загоскин князю П. А. Вяземскому. [1837 г.].

– (Стр. 109-110). Об издании «Современника» друзьями А. С. Пушкина см. статью Б. Б. Глинского: «Загробный журнал Пушкина» (*Исторический Вестник* 1897 г., А- 1, стр. 241-279).

Отрывок, о котором говорит Загоскин, бил напечатан в VII-м томе «Современника» за 1837, стр. 17-45, под заглавием: «Граф Калиостро» (отрывок из второй части романа

«Искунитель»).

66. Священник о. Матвей Георгиевич Пиняев к кн. П. А. Вяземскому. 12 декабря 1811 г. Село Красное Костромской губернии.

– (Стр. 110). Фамилия автора этого письма в оригинале написана неясно, и мы, полагая, что сведения о нем могут найтись в делах Костромской Духовной Консистории, обратились за справкой к Секретарю этой Консистории А. А. Богоявленскому. Дела Костромской Консистории, как оказалось, сгорели по время бывшего в Костроме в 1887 году пожара, но А. А. Богоявленский на основании сведений, полученных им от местного причта из села Красного, любезно сообщил нам следующее. Фамилия о. Матвея – Пиняев, отчество – Георгиев. Подпись его в метрических книгах Богоявленской церкви села Красного встречается с 1802 г. (более ранних книг не имеется); последняя подпись – 19 сентября 1829 года. Умер о. Матвей 14 октября 1823 г. вдовствующим, 65-ти лет, от чахотки. После о. Матвея осталось какое-то имение, доходами от которого пользовался потом брат его Плесский подканцелярист. Об образовании о. Матвея сведений в бумагах церкви не осталось, но судя потому, что он в 1800 году был духовником ставленников при Костромском кафедральном соборе, нужно полагать, что Пиняев имел семинарское образование.

– (Стр. 110). Но всей вероятности, об авторе этого пись-

ма рассказывает князь П. А. Вяземский в «Автобиографическом введении» (Полное собрание сочинений, т. I, СПб. 1878, стр. LIX): «Однажды приехал я в свою костромскую вотчину, в известное в краю торговое и промышленное село Красное. В воскресение, по совершении обедни, священник сказал мне в церкви приветственную речь. Говорил он с жаром, народ слушал с благоговением. Выхваляя мои гражданские и помещичьи доблести, продолжал он, указывая на меня: «Вы не знаете еще, какого барина Бог вам дал; так знайте же, православные братья: он Русский Гораций, Русский Катул, Русский Марциал!» При каждом Из этих имен, народ отвешивал мне низкие поклоны и чуть ли не совершал знамения креста. Можно себе представить, каково было слушать мне и какую рожу делал я при этой выставке и пытке».